

Мир знаний

А. А. ЛЕОНТЬЕВ

Путешествие по карте языков мира

А.А. ЛЕОНТЬЕВ

Путешествие по карте языков мира

*Книга для внеклассного чтения
учащихся 5—7 классов средней школы*

Издание второе, исправленное и дополненное

ББК 81.2
Л47

Рецензент:

*ст. учитель русского языка и литературы
школы № 654 Москвы Р. С. Рагулина*

Оформление, рисунки художника В. И. Тильмана

Леонтьев А. А.

Л47 Путешествие по карте языков мира: Кн. для
внеклас. чтения учащихся 5—7 кл. сред. шк.—
2-е изд., испр. и доп.— М.: Просвещение, 1990.—
143 с.: ил.— (Мир знаний).— ISBN 5-09-001866-9

Какие бывают языки? Что в них общего и чем они отличаются друг от друга? Как они распределяются на земном шаре? Какова их письменность, как она исторически развивалась? На эти и многие другие вопросы читатели найдут ответ в этой книге. Занимательно и просто автор рассказывает об одной из сложных проблем языкознания — типологии языков. Второе издание книги значительно дополнено новыми материалами. Первое издание вышло в 1981 году.

Л $\frac{4306020000-564}{103(03)-90}$ 267—90

ББК 81.2

ISBN 5-09-001866-9

© Издательство «Просвещение», 1981

© Леонтьев А. А., 1990, с изм.

От автора

Моя профессия — обучение людей иностранным языкам. Английскому, французскому — русских школьников. Русскому — студентов из США и Италии, Польши и Венгрии, Монголии и Мали, Вьетнама и далекого Мадагаскара. И я очень часто сталкиваюсь с тем, что русский школьник не может как следует овладеть иностранным языком, а иностранец — русским, потому что он просто не может представить себе, что кроме его родного языка может существовать какой-то иной, совсем на него не похожий, потому что ему кажется, что в любом языке все должно быть выражено точно так или почти так же, как в его родном. Наши русские школьники не сразу примиряются с тем, что в других языках нет твердых согласных, зато есть не три, а гораздо больше времен глагола. А иностранные студенты ломают себе голову над очевидными для нас с вами различиями между *прыгать*, *попрыгать*, *прыгнуть*, *допрыгнуть*, *выпрыгнуть* и *перепрыгнуть*...

Вот почему очень важно не просто изучать грамматику родного языка и иностранный язык, а с самого начала понять: разные языки могут совсем по-иному выразить одну и ту же мысль, одно и то же содержание. И в то же время в основе своей все языки «устроены» одинаково. Для этого надо лишь осмыслить, что общего у русского языка с венгерским, монгольским, вьетнамским, а что совсем иное, неповторимое. Именно для этого и поэтому я решил написать небольшую книжку, которую вы сейчас читаете.

Чтобы ее понять, не нужно никаких особых знаний. Нужно только вот что:

— знать грамматику русского языка в объеме школьного учебника пятого класса;

— знать латинские буквы, то есть буквы английского, немецкого или французского алфавита. Потому что слова тех языков, которые пользуются латинскими буквами, мы не будем «переписывать» русскими;

— читать книжку не отдельными кусками, а страница за страницей — от начала до конца;

— при этом думать!

Последнее особенно важно.

В книжке упоминаются самые различные языки. О многих из них вы, вероятно, никогда не слышали. Это и неудивительно: о них не слышали порой и ученые-языковеды, конечно, если они не занимаются специально языками Африки, Америки, Океании.

Ну вот, кажется, и все. Теперь можно приступить и к чтению самой книжки. Счастливого пути, путешественники по карте языков мира!

*Ваш проводник —
профессор Алексей Алексеевич Леонтьев.*

Глава 1

НЕСХОЖИЕ БРАТЯ

ОТ ИМЕНИ НАУКИ

Теперь, когда вы приступили к чтению этой книги, мне хочется сказать еще несколько напутственных слов.

Популярные книги, то есть книги для неспециалистов, пишутся по-разному. Одни предназначены для развлекательного чтения. Они как бы говорят вам: вот сколько интересного вокруг нас! Но на большее не претендуют — в них ничего или почти ничего не говорится о тех науках, которые занимаются изучением всех этих интересных вещей. Потому что нет ни одной науки, которая занималась бы только тем, что весело, интересно, увлекательно само по себе...

Другие книги говорят от имени науки. Они, конечно, тоже могут быть интересными. Но этот интерес — не в том, что изучает та или иная наука, а в том, как она это делает.

Наука — вообще очень увлекательное занятие. Кто не мечтал или не мечтает сделать какое-нибудь великое открытие или изобрести нечто необходимое людям? Так вот, наука вся состоит из открытий и изобретений. Пусть эти открытия касаются, казалось бы, совсем незначительных вещей, например истории одного слова и даже одного звука. Такие открытия совсем не обязательно сделают вас знаменитым, если не считать узкого круга ученых, которые занимаются теми же проблемами. (Один мой знакомый, работавший в издательстве «Наука», любил говорить ученым: «Вашу книгу ждут во всем мире...» Здесь он делал небольшую паузу, а затем прибавлял: «...одиннадцать человек».) Но все равно это — открытия. И как же счастлив человек, который всю жизнь, можно сказать, каждый день делает открытия!

Почему-то романтическими считаются такие профессии, как летчик, космонавт, моряк дальнего плавания, геолог... Между тем самая большая романтика — в повседневном труде ученого. Ведь ученый — это тот человек, которому общество, человечество поручает узнавать новое об окружающем нас мире и о нас самих.

Правда, далеко не всегда его открытия правильно оцениваются современниками.

Во второй половине XIX века во Франции работал молодой швейцарский ученый по имени Фердинанд де Соссюр (1857—1913). Ему было 20 лет, когда он написал небольшую книгу под названием «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках». Мы еще много раз будем говорить, что такое «индоевропейские языки», сейчас же нам достаточно знать, что когда-то существовал язык («общиндоевропейский»), из которого развились в дальнейшем и русский, и немецкий, и латынь, и греческий, и армянский, и языки Ирана, Пакистана, и Северной Индии (это и есть индоевропейские). Так вот, юный де Соссюр, сопоставляя слова разных языков, «вычислил», что в общиндоевропейском языке были два звука, которые не сохранились ни в одном из известных нам индоевропейских языков.

Большинство ученых если и прочитало книжку де Соссюра, то сочло ее чепухой. Только столь же юный польский языковед Николай Крушевский (1851—1887), заброшенный судьбой в далекую Казань, и еще два специалиста согласились с выводами де Соссюра. А самые знаменитые тогдашние ученые назвали труд юного Фердинанда «незрелым», «недоношенным», «в корне ошибочным», «по существу несостоятельным»... В общем, решили, что вычисленные им звуки — досужая выдумка.

...Прошло почти пятьдесят лет. Де Соссюр достиг преклонного возраста и умер малоизвестным. Незадолго до смерти он трижды прочитал в Женевском университете, где был профессором, курс общего языкознания. В первый год к нему пришло всего 6 слушателей, во второй — 11, в третий, последний — целых 12! Как можно видеть, студенты на лекции де Соссюра, мягко говоря, не ломились.

А дальше начались поистине сказочные события. У Соссюра были два близких и любимых ученика — Альбер Сешэ и Шарль Балли, кстати, ставшие очень известными учеными. В память своего учителя они решили

издать его лекции, собрав записи студентов и самого де Соссюра и восстановив на их основе текст курса. Назвали эту книгу «Курс общей лингвистики». Она вышла в свет в 1916 году.

Книга мгновенно сделала имя де Соссюра знаменитым среди языковедов всего мира. И примерно в то же время были впервые расшифрованы надписи на одном из древнейших индоевропейских языков — хеттском. Молодой в эти годы польский языковед Ежи Курилович (1895—1978) стал всесторонне анализировать звуки этого языка. И можно представить себе его удивление и восхищение, когда он обнаружил среди них оба звука, «вычисленных» за полвека до этого де Соссюром в его «Мемуаре...»!

Только тогда и стало ясно, что «незрелое» и «недоношенное» рассуждение юного швейцарца было на самом деле великим открытием. И сделано оно было потому, что де Соссюр уже тогда прилагал к изучению языка те мысли, которые собрал и изложил ученикам в единой системе только в последние годы жизни, в «Курсе...».

...Так вот, та книга, которую вы сейчас читаете, как раз и написана от имени науки. Я попытался написать ее так, чтобы вы все время делали открытия вместе со мной. Пусть маленькие. Чтобы вы поняли, а главное, почувствовали, как увлекательно исследовать языки, узнавать о них новое, и одновременно глубже понимать наш с вами родной язык — русский! И чтобы вы получили представление о том, как это делается в настоящей языковедческой (лингвистической) науке.

Поэтому я не боюсь употреблять в этой книге «настоящие», серьезные научные понятия и термины. Можно было бы, конечно, обойтись и совсем без них, но зачем? В крайнем случае — если какой-нибудь из этих терминов покажется вам слишком трудным, вы его пропустите. Ведь эта книга — не учебник, где надо заучивать все определения: имя существительное — это то-то и то-то, а сказуемое — то-то и то-то.

...Мне, автору этой книги, очень повезло. Когда я был студентом и совсем молодым, начинающим языковедом (это было в 50—60-е годы), меня окружали ученые потрясающих знаний и широчайшего кругозора, ученые, имена которых были известны всему миру. У них было чему поучиться. Среди них были академик Виктор Владимирович Виноградов, крупнейший в мире специалист по русскому языку, и академик Николай Иосифович Конрад, знаме-

нитый китаист и японист. Был академик Виктор Максимович Жирмунский, замечательный знаток теории стиха и в то же время — выдающийся специалист по немецкому языку, его истории и различным диалектам (разновидностям). Но больше всего я обязан профессору Сергею Игнатьевичу Бернштейну. Это был человек нелегкой судьбы, в чем-то повторивший судьбу де Соссюра, хотя, конечно, я далек от мысли сравнивать масштаб их дарования и то влияние, которое они оказали на развитие науки. Сергей Игнатьевич не был ни академиком, ни даже доктором наук. Почти все его книги не были изданы при его жизни, не опубликованы они и сейчас. Но он передал все, что знал, множеству своих учеников. Среди них был и я.

Мне бы очень хотелось, чтобы Сергей Игнатьевич прочел эту мою книгу. (Увы, это невозможно: его нет в живых уже двадцать лет.) То, что в ней написано, — это развитие и продолжение его мыслей.

А теперь начнем обещанное путешествие.

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

В этой небольшой главке я хочу вместе с вами совершить поездку по Советскому Союзу. Мы говорим: языки разных народов СССР — это братья. Часто пишут: «братский русский народ», «братский язык».

Но как эти языки-братья не похожи друг на друга по внешнему облику!

Впрочем, не все. Вот три языка — русский, украинский и белорусский. Они братья и, так сказать, в прямом смысле: у них общий «родитель» — древнерусский язык. Потому они очень похожи «лицом». Это легко можно увидеть, открыв газету «Известия». По традиции над буквами ее названия мелким шрифтом печатаются слова *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!* на пятнадцати языках.

По-украински они звучат: *Пролетарі всіх країн, єднайтеся!* А по-белорусски: *Пралетарыі усіх краін, яднайцеся!* «Фамильное» сходство заметно прямо-таки невооруженным глазом.

Менее заметно сходство в других текстах. Вот один из них:

Visų šalių proletarai, vienykitės! А вот другой:
Visu zemju proletārieši, savienojieties!

Но приглядитесь повнимательнее. *Visu* или *visu* — явно то же самое, что *всех*. *Zemju* — это *земель*, то есть *стран*: «страна» и «земля» — понятия очень близкие. Глагол в обоих текстах кончается, как в русском языке: ...*тесь*! И там и здесь корень *-vien-*, означающий 'один': во втором тексте, значит, получается почти точная копия русского слова: *со-един-яйтесь*. Отличается порядок слов, но ведь вполне можно, хотя и непривычно, и по-русски сказать: *Всех стран пролетарии, соединяйтесь!*

А в общем-то очень похоже! И не случайно: литовский и латышский языки, называемые «балтийскими», родственны славянским.

Однако, как и у людей, в языках родство не гарантирует внешнего сходства. На том же газетном листе можно найти вот какие фразы: *Proletari din toate țările, uniți — vă!* *Пролетарҳои ҳамаи мамлакатҳо, як шавед!*

А третья написана особым шрифтом, который придумал еще в V веке ученый и писатель Месроп Маштоц, и нам придется переписать ее русскими буквами: *Пролетарнер болор еркнери, миацек!*

Не похоже на русский? А языки — родственники русского, хотя и дальние. Это молдавский, таджикский и армянский. Все они принадлежат, как образно говорят языковеды, к одной «семье» — индоевропейской. Давайте проследим, как они выражают ту же самую мысль.

Молдавский принадлежит к романским языкам, он родствен французскому, итальянскому, особенно румынскому — в сущности, это один язык. Это видно и в тех словах, которые он выбирает. *Din* — то же, что французское *de*. *Сирано де Бержерак*, то есть «Сирано из Бержерака», «Сирано Бержеракский». Та же синтаксическая конструкция: пролетарии из всех стран, всех стран. *Toa-te* — то же, что французское *tout* (читается ту): *tout le monde* 'весь мир'. *Uniți*: знаете русское слово *уникальный*? Оно ведь и значит 'единственный'. Газета итальянских коммунистов «Унита» — это «Единство».

А что такое *vă*? Как ни странно — то же, что *-сь*. По происхождению *сь* или *ся* — это возвратная частица ('себя'). Она одинакова в глаголе любого лица: *я умываю-сь, ты умываешь-ся, он умывает-ся*. Но в большинстве других языков такие частицы различаются по лицам, например в немецком: *ich wasche mich, du wäschst dich, er wäscht sich*. То же и в молдавском: «соединяйте — вас!»

Таджикский язык принадлежит к иранским. Его родственники — персидский (фарси; исторически это один язык), афганский (пушту), осетинский ... Для иранских языков характерна совсем особая синтаксическая конструкция — изафетная. Что это такое?

Вернемся к русскому языку. В нем, чтобы сказать, допустим, «книга отца», нужно поставить в определенном падеже слово, обозначающее отца. В молдавском с этим словом ничего делать не надо: принадлежность, притяжательность выражена частицей *din* (или во французском языке *de*). А вот в таджикском все наоборот — особое окончание *-и* присоединяется к тому слову, которое мы определяем: «(книга)-и (отец)», «(пролетарии)-и (все страны)». Это и есть изафетная конструкция.

В нашей таджикской фразе такая изафетная конструкция, можно сказать, двухэтажная. Ведь *ҳамаи мамлакатҳо* — это, в сущности, ‘все из стран’: определение к слову *все*. Значит, ‘все’ — *ҳама* — должно приобрести *-и*.

Ну, а что *-ҳо* значит множественное число (как и *-le* в молдавском), вы уже догадались сами.

С таджикским глаголом сложнее, чем со всеми другими глаголами, встреченными нами до сих пор. В сущности, здесь два отдельных слова: *як*, то есть ‘один’, и *шавед* — ‘становитесь’, ‘будьте’: «едины будьте!» Кстати, окончание *-ед* — то же, что в русском *делае-те, делай-те*, в немецком *tach-t*.

А армянская фраза на что уж не похожа на русскую, но между тем она на нее больше всех похожа по внутреннему строению. *-Нер* — окончание множественного числа, а *-и* — родительного падежа. *Ми* значит ‘один’. *-Ек* — окончание второго лица множественного числа, оно же окончание множественного числа повелительного наклонения.

ЕЩЕ ОДНА СЕМЬЯ — ТЮРКСКАЯ

Выпишем теперь несколько похожих друг на друга фраз. Вот они:

*Бутун дунё пролетарлари, бирлашингиз!
Барлық елдердің пролетарлары, бірігіңдер!
Бүтүн өлкәләрин пролетарлары, бирләшин!
Бардык өлкөлөрдүн пролетарлары, бириккиле!
Әхли юртларың пролетарлары, бирлешиң!*

Опять-таки невооруженным глазом видно: эти языки родственны. Пусть одни ближе друг к другу, другие немножко в стороне, но их единство бросается в глаза. Все эти языки — тюркские: узбекский, казахский, азербайджанский, киргизский, туркменский.

А теперь давайте посмотрим, как все эти фразы устроены. Первое, на что обращаешь внимание: порядок слов в них — как в литовском и латышском, а не как в русском, молдавском, таджикском, армянском: *Всех — стран — пролетарии, соединяйтесь!*

Но есть и очень заметная разница. Возьмем латышский и литовский языки. Окончание в слове со значением 'стран', да и в слове со значением 'пролетарии' одно-единственное. А значений у окончания несколько: и число, и падеж. То же в русском языке. А в армянском иначе — на каждое грамматическое значение — особое окончание: *-ер* означает только множественное число, *-и* — только родительный падеж.

Вот и в тюркских языках так же. Во второй строке: *ел-дер-диң*: *ел* — 'страна', *-дер-* — множественное число, *-диң* — родительный падеж. *Пролетарлары*: *пролетар-* — это понятно, *-лар-* — множественное число, *-ы* — 'их'. *Всех стран их — пролетарии*.

ЯЗЫКИ «ВСТАВЛЯЮЩИЕ» И ЯЗЫКИ «ИЗОЛИРУЮЩИЕ»

Вот теперь мы можем ввести специальные термины. Армянский и тюркские языки — агглютинативные, то есть в переводе — «приклеивающие». В них к слову «приклеивается» друг за другом несколько частичек, каждая из них выражает какое-нибудь одно грамматическое значение. А русский и другие языки — флективные. В словах этих языков есть частички — флексии, выражающие сразу несколько грамматических значений.

А если противопоставить, скажем, русский (и армянский) и молдавский языки, то русский будет синтетическим (от слова *синтез* 'соединение'): частички, выражающие грамматические значения, соединены с корнями в одно слово. А молдавский язык с его *дин* окажется аналитическим (от слова *анализ* 'расчленение'): для выражения грамматических значений в нем служат отдельные слова.

Языки с таким порядком слов, как в армянском или тюркских, в языкознании называют «языками с левым

ветвлением». Что здесь ветвится? В науке много образных слов — строгих терминов, имеющих, однако, второй, чуть-чуть поэтический оттенок. В физике они на каждом шагу, есть и в языкознании. Схема грамматического разбора — или нечто к ней очень близкое — называется там «деревом». (Предложения, бывает, даже «гнездуются» или «вьют гнезда» — это когда они вставлены друг в друга: *Вот пшеница, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек.*) Это «дерево» как раз и ветвится влево и вправо.

Влево: *увиденный мной сегодня человек...*

Вправо: *человек, увиденный мной сегодня..*

Или: *человек, которого я сегодня увидел...*

Тюркские языки, а также японский и многие другие — «левоветвящиеся». А русский — «правоветвящийся». Литовский и латышский — посередине.

Грузинская фраза тоже написана особым, древним шрифтом.

Прочитаем ее: *Пролетарэбq квэра квэknиса, шээртдит!*

А теперь разберем *Пролетар-* — это понятно, -эб- — множественное число. А вот -о — окончание хоть и падежное, но очень своеобразное: звательного падежа! В современном русском языке его нет — но раньше был: *отче, старче*. Когда в Тбилиси вы зовете кого-нибудь к телефону и ваш собеседник не может разобрать, кто вам нужен, он переспросит: *Батоно?* 'Сударь?'. Звательный падеж есть и в украинском языке: когда обращаются к какому-нибудь Тарасу, говорят: *Тарасе!*

В грузинском языке есть и другие необычные падежи, например эргативный. Что это такое?

По-русски любое слово, обозначающее действующее лицо, ставится в именительном падеже. А слово, обозначающее того или то, кто (что) испытывает действие, является его объектом, стоит в винительном. *Петя — ловит — рыбу*. Или: *Петя — спит*.

По-грузински «Петя» в этих случаях стоит совсем в разных падежах! В первом случае — в эргативном, во втором — в именительном.

А самое странное, что в первой фразе «рыба» стоит в именительном падеже! Получается нечто вроде «Рыба ловится Петей».

А еще один язык, случайно оказавшийся в нашем перечне последним,— эстонский. Вот нужная нам фраза: *Kõigi maade proletaarlased, ühinege!*

Maade 'страна' — стоит, как и полагается в этом случае, в родительном падеже. Только, в отличие от русского, этот падеж имеет не пять, а тринадцать «соседей».

Среди пятнадцати языков союзных республик мы нашли флективные и агглютинативные. Но среди 130 языков народов Советского Союза есть и представители других, как говорят, языковых типов. (На самом деле их гораздо больше, чем 130: в это число включаются только языки народов, живущих в СССР или преимущественно в СССР. Но ведь в нашей стране есть и поляки, и венгры, и болгары, и корейцы: в основном они расселены в Польше, Венгрии, Болгарии, Корее и поэтому здесь не учтены.)

Вот, например, и н к о р п о р и р у ю щ и е языки, или, в буквальном переводе, «вставляющие». Они отличаются тем, что в них несколько корней легко соединяются в одно длинное-длинное слово, заменяющее два, три, а то и четыре русских слова. Допустим, *гачны-мынг-акмен-нэн*. В корякском языке, на Камчатке, это значит: 'левую-руку-(он)-взял (то есть пожал)'. Все в одном слове!

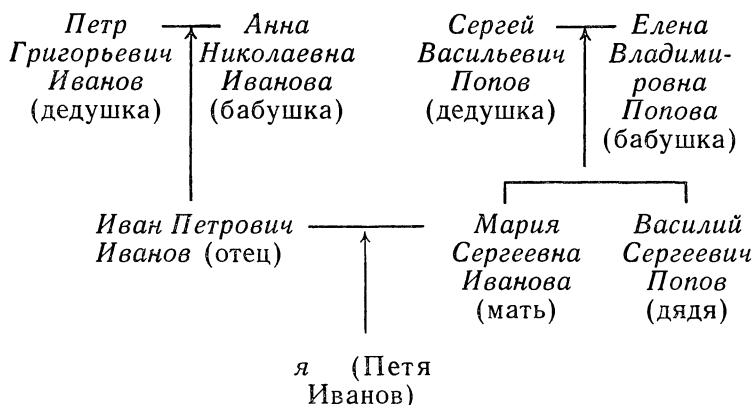
Или и з о л и р у ю щ и е языки, в которых корень выступает не в окружении приставок, суффиксов и окончаний, а изолированно. Примерно так: не «девочка плачет», а «дев плач». К ним относится, между прочим, китайский язык, а также вьетнамский и лаосский. А у нас в стране таким языком является дунганский, родственный китайскому (и тибетскому). Дунгане живут в Киргизии и в Казахстане. В этом языке нет ни склонения, ни спряжения: все грамматические связи слов выражены только их порядком — как в русском *Мать любит дочь*.

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ЯЗЫКОВ И КАК ЕГО СОСТАВЛЯЮТ

Что такое «родословное древо», вы, наверное, знаете. Во всяком случае мои сверстники, да и я тоже, в подростковом возрасте очень любили рисовать такие «древа», или, проще, деревья. У самого корня пишете свое имя и фамилию. Затем ведете вверх линию: у верхнего ее конца пишете имя, отчество и фамилию вашего отца и вашей матери. От каждого из них ведете еще линию: это будут ваши дедушки и бабушки. Если у вас есть дядя, значит, от бабушки и дедушки надо провести не одну линию —

к вашему отцу или матери, а две. И так до тех пор, пока вы не дойдете до самого первого из известных вам ваших предков. Обычно на прадедушках и прабабушках все и заканчивается.

Выглядит это дерево примерно так:

Иван Петрович, Марья Сергеевна, Петр Григорьевич, Анна Николаевна и все прочие — ваши родственники.

Мы уже видели в начале этой главы, что и языки могут быть «родственниками» друг другу. Русский, украинский и белорусский — «дети» древнерусского. Он, в свою очередь, «сын» того языка, на котором говорили все славяне, когда они были еще единым народом, жившим на небольшой территории. Правда, ученые спорят о том, где эта территория находилась. Ее ищут и в нынешней Польше, и у подножия Карпатских гор, и в степях Южной Украины. Этот общий язык древних славян так и называется — *о б щ е с л а в я н с к и й*.

Поищем более далеких предков. Да мы о них уже упоминали, когда говорили о родстве славянских языков с балтийскими (литовским и латышским). У всех них общий предок по имени балтославянский язык. А его «отец» — *о б щ е и н д о е в р о п е й с к и й* язык, породивший, кроме балтославянского, еще множество индоевропейских языков. Дальше наша родословная обрывается: о том, что было до общиндоевропейского языка, мы ничего не знаем. Главное, не знаем, были ли у него свои языки-братья, имеющие общего родителя.

Правда, некоторые подозрения есть. Двадцать лет назад, глубокой осенью, я вместе с небольшой группой друзей хоронил на подмосковном кладбище молодого лингвиста Вячеслава Марковича Иллича-Свитича. Он почти ничего не успел в жизни опубликовать. Но зато успел написать сравнительный словарь разных языков Евразии, которые назвал «ностратическими». Ученые до сих пор спорят, прав он или нет. Очень может быть, что и прав...

А откуда мы вообще можем знать, из какого языка какие языки возникли? Свидетельства о рождении языкам никто не выдает. Хорошо, если можно шаг за шагом проследить, например, по древним рукописям, надписям, как из одного языка получился другой. Скажем, из латинского языка древних римлян — современные испанский или французский. Ну а если у языка-предка не было письменности? (А так бывает чаще всего.) Как установить его «отцовство», а значит, родство всех его «детей»? Да и вообще — никто из нас не слышал, как говорили на общеславянском или общеиндоевропейском языке. Откуда нам знать, каким он был?

Оказывается, это можно выяснить. Существует специальный метод для установления родства языков. Он называется сравнительно-историческим. Вот как его применяют.

Возьмем разные индоевропейские языки. Собственно говоря, мы еще не можем называть их индоевропейскими, потому что не знаем пока, родственны они друг другу или нет. Поэтому скажем просто: разные древние языки Европы и Азии. Почему обязательно древние? Чем плохо, если мы будем сравнивать, допустим, современные русский, немецкий и французский языки? Ответ будет следующий: от «поколения» к «поколению» языки ведь изменяют свою «внешность», становятся все меньше похожими на своего отдаленного предка и друг на друга. Как вы думаете, у кого должно быть больше сходства: у родных братьев (сестер) или у троюродных, четвероюродных, пятиюродных? Русский можно сравнивать с украинским и с белорусским, чтобы узнать, каким был их общий «отец», французский — с испанским, португальским, итальянским. А вот чтобы подняться выше по нашему родословному дереву, надо выбирать родственников, так сказать, более преклонного возраста. Не французский, а латинский. Не современные датский, шведский, исланд-

ский языки, а древнеисландский (видимо, на очень похожем на древнеисландский языке говорили варяжские дружины в Киевской Руси; но от языка варягов не сохранилось ничего, кроме имен), Не современный (новогреческий) язык, на котором говорят в нынешней Греции и на Кипре, а древнегреческий. И хорошо бы постарше — значит, лучше всего брать язык Гомера и надписей древнейшей крито-микенской эпохи. Не современный язык хинди (государственный язык Индии), а его далекий предок, который называется санскрит. На нем написаны древнейшие памятники культуры Индии — философское произведение «Веды», содержащее священные религиозные тексты, великая поэма «Махабхарата»... Правда, не всегда у нас вообще есть выбор. Одни языки когда-то были живыми. На них говорили люди, а самое главное, на них писали — разнообразные документы, письма, поэмы. Главное, потому что в таком случае мы можем восстановить, какими эти языки были. Но потом они стали мертвыми, их перестали использовать в обиходе, на них перестали говорить. Вы, конечно, понимаете — сами языки умирать не могут, умирают люди...

Впрочем, чтобы язык перестал существовать, был стерт с карты языков, совершенно не обязательно, чтобы были истреблены все говорящие на нем. Хотя бывает и такое: в прошлом веке умерла последняя женщина-тасманийка (коренная жительница острова Тасмания у южного берега Австралии). С ее смертью (все тасманийцы были зверски истреблены европейцами) умерли, закончили свою историю и языки Тасмании.

Чаше происходит другое. Народ сливается с другими народами, теряет свой язык и переходит на другой. А когда никто на языке не говорит, он становится таким же мертвым, как язык тасманийцев. Вот примеры. В состав кубинской нации входят и потомки испанских завоевателей, и потомки негритянских рабов из Африки, и потомки коренных жителей Кубы — индейцев. Но ни потомки негров, ни потомки индейцев не сохранили своих родных языков — все они теперь говорят по-испански и чувствуют себя единым кубинским народом. В составе русского народа тоже много разных народов, раньше говоривших на своих языках. Это и балтийские племена, чей язык был близок литовскому; и родственники нынешних эстонцев; и родственники нынешних татар (тюркские народы).

Не так часто, но все же бывает, что народ, говоривший когда-то на своем языке, ни с кем не сливается — он продолжает существовать, так сказать, отдельно, но по тем или иным причинам меняет свой язык. Это произошло, например, с евреями. Когда история разбросала их по разным странам Европы, они потеряли свой родной язык и стали говорить на других. Те, кто поселился в Германии (а потом эта группа евреев расселилась по Польше и другим странам Восточной Европы и дальше — по территории России), перешли на один из диалектов немецкого языка и создали на его основе новый язык — так называемый идиш. На этом языке идут спектакли еврейских театров в нашей стране, на нем выходит журнал «Советиш Геймланд», что значит в переводе «Советская Родина». Другая группа евреев, как и первая, сначала жила в Испании, а оттуда они разошлись по другим странам Южной Европы и Северной Африки. Их язык, возникший на основе кастильского диалекта испанского языка, называется сефардским; впрочем, в отличие от идиша, на нем сейчас мало кто говорит. Да и идиш знают далеко не все евреи: так, большинство советских евреев считают своим родным языком русский (или украинский, грузинский и т. д.).

Так или иначе, бывает, что язык умирает: как бы мы ни хотели познакомиться с его потомками, их нет — язык умер, так сказать, бездетным. А бывает (кстати, гораздо чаще) наоборот. Язык живет и здравствует. Мы можем его изучать сколько хотим. Больше того, мы имеем все основания считать его родственником других, в том числе древних, языков. Но о том, как выглядел его «отец», «дедушка», мы не имеем ни малейшего представления. Таков, например, албанский язык: какой он сейчас — мы знаем, а каким был раньше, какие у него были (сейчас умершие) «братья», «дяди» или «двоюродные дедушки» — неизвестно. Так что приходится сравнивать древнеиндийский (санскрит), древнегреческий и прочие древние языки не с «древнеалбанским» (мы его не знаем), а с современным албанским.

Но вернемся к тому, как мы устанавливаем родство языков.

Возьмем какое-нибудь самое простое слово, например *отец*. По-латыни это слово звучит *pater* (отсюда название католического священника — *pater*). На древнегерманских языках оно выглядело примерно как *fadar*, от-

сюда английское *father* и немецкое *Vater*. В армянском языке — *хайр* (*t* в середине слова выпало, но это нам сейчас не важно).

Сравним эти слова. Мы можем сделать такой вывод: латинскому *p* в германских языках соответствует *f*, а в армянском — *h* (оно звучит не как русское *x*, а как *h* в немецких или английских словах, вроде *haben*, *have*). Этот вывод можно проверить, взяв другие слова, в которых есть те же звуки. Скажем, слово *пять*: немецкое *fünf*, армянское *хинг*. Правда, соответствующее латинское слово изменилось, но в древнегреческом находим *pente*. Да и русское *пять* того же происхождения. Можно вспомнить и литовское *penki*, и древнеиндийское *панча*.

Вы уже заметили: мы не только можем сказать, что у того или иного звука в данном языке есть закономерные соответствия в словах других языков — $p_{\text{лат}} = f_{\text{герм}} = h_{\text{арм}}$ (мы, конечно, берем слова с одним и тем же или очень близким значением), но и имеем некоторое право утверждать, что не *h* переходило в *f* или *p*, а наоборот — *p* превратилось в *f* и *h*. Ведь «*p*- языков» больше и они распространены более широко, чем «*f*- языки» или тем более «*h*- язык» — армянский. Кроме того, ученые хорошо знают, какие звуки чаще всего могут переходить в какие: в самых разных языках мира, неродственных друг другу, можно увидеть, как *n* переходит в *φ*, но никогда или почти никогда из *φ* не получается *n*.

А кстати, как вы думаете, *f* получается из *h* или наоборот? С большой уверенностью можно утверждать, что именно *f* превратилось в *h*. Например, латинское *filius*, то есть ‘сын’, дало испанское *hijo* — тоже ‘сын’.

А вот другой пример — со словом *брат*. В древнеиндийском это *бхраатар*, в латинском *frater*, в древнегреческом тоже *frater*, в германских языках *Bruder*, *brother*, в русском — *брат*. Опять-таки можно написать нечто вроде уравнения: $bh_{\text{инд}} = f_{\text{лат, греч}} = b_{\text{герм, слав}}$. Сравним: древнеиндийское *бхарам* ‘я нес’, латинское и греческое *fero*, русское *беру*. Из германских нам придется взять мертвый язык — готский: *baira*. Значит, наша формула верна.

Рассуждая примерно так же, как в прошлый раз, получаем, что из *бх* возникло *б*, а из *б* — *φ*.

А теперь мы не только можем нарисовать таблицу соответствий звуков в разных языках, но и вычислить — как в свое время де Соссюр, — какой звук должен был

быть в общеиндоевропейском языке, породившем и древнеиндийский, и древнегреческий, и германские, и славянские, и армянский. Слова *брат* и *несу* в нем должны были начинаться со звука *bh*, а слова *отец* и *пять* — со звука *p*. И ясно, что все рассмотренные языки — родственники, даже можно прикинуть, как выглядит их родословное древо.

Казалось бы, просто. Но на самом деле все во много раз запутаннее. То нет в нужном языке или языках нужного слова, вернее, оно другого происхождения: *отец* в русском и других славянских языках никак не связано со словом *pater*. То оказывается, что в каком-то языке звук перед другим звуком вдруг начинает вести себя своевольно, — приходится доискиваться, почему так получается. В латинском языке в слове *пять* *p* вдруг перешло в *к*: *quinque*. То берем слово, казалось бы, совсем совпадающее со словом другого языка и по значению, и по звучанию: латинское *habeo* 'я имею' и германское *haben*, *have*. Но попробуйте их сопоставить — ничего не получится. Дело в том, что немецкое *haben* соответствует латинскому *capio* 'беру', а совсем не *habeo*, и «уравнение» должно выглядеть примерно так: $k^{\text{лат}} = h^{\text{герм}}$. То разные звуки вдруг сливаются в одном. То выясняется, что нужное слово не с самого начала существовало в языке, а было заимствовано позже из другого языка. Я уж не говорю о том, что не всегда сразу и можно сообразить, что слова, внешне вроде бы совсем не похожие, на самом деле связаны жесткими звуковыми соответствиями. Ну, например, русское *два* и армянское *эрку*.

Так что языковед, пользующийся сравнительно-историческим методом, постоянно сталкивается с трудностями. И восстановить языки-предки мы можем лишь приблизительно. Но можем!

А теперь вообразите себе, что перед нами языки, которые, как албанский, известны нам только в их сегодняшнем обличье. Не сохранилось никаких древних памятников, никаких надписей. Да еще они постоянно смешиваются, заимствуют слова друг у друга. Да еще треть из них вымерла, а другая треть — вместе с говорящими на них народами — расселилась на тысячи километров в разные стороны от того места, где раньше эти народы обитали. Попробуйте-ка представить, каково работать в этих условиях! Поэтому мы далеко не всегда можем с уверенностью утверждать, что такой-то язык родствен

такому-то. Приходится опираться на сходство языкового типа — но это не всегда надежно: ведь латинский язык, например, синтетический, а французский, испанский и другие романские языки, безусловно, «дети» латинского, — все аналитические! Привлекают сходства в культуре народов — но мы уже видели, что народ может перейти на другой язык, может (добавим в скобках) сохранить язык, но до неузнаваемости изменить культуру. Что общего в культуре, например, между древними египтянами и современными коптами (народ, и сейчас живущий в Арабской Республике Египет)? Практически ничего. А коптский язык — прямой потомок древнеегипетского. (Правда, на нем в обычной жизни не говорят, а используют в церквях во время богослужений.)

Так что когда мы с вами во второй главе будем внимательно рассматривать языковую картину мира и говорить, что такие-то языки родственны, это совсем не значит, что мы всегда в этом одинаково уверены!

Глава 2

ЧТО ЖЕ ЭТО ЗА КАРТА?

СНОВА ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

Мы уже много говорили о них. Нас с вами интересуют прежде всего языки славянские. Они делятся на три группы. Восточнославянские языки — это русский, украинский и белорусский. (Вы, конечно, помните: их родство означает, что у них был общий предок — древнерусский или общевосточнославянский язык, на котором говорили в Киевской Руси. Распадение единого народа и единого языка было связано с феодальной раздробленностью древнерусских земель и различием их дальнейших исторических судеб. Одни вошли в состав польско-литовского государства, другие объединились вокруг Владимира, а позже Москвы — и так далее.) Южнославянские языки — это болгарский и языки Югославии: сербскохорватский, македонский, словенский. И наконец, к западнославянским относятся польский, чешский, словацкий и язык небольшого народа, живущего в ГДР, — лужицкий.

Балтийские языки, как мы говорили, — это литовский и латышский. Был еще древнепрussкий язык, но пруссы были частично истреблены, а частично смешались с другими народами.

Следующая группа, или семья языков, входящая в число индоевропейских, — это германские языки. Сюда относится немецкий. (На самом деле это не единый язык, а сложная система разных по происхождению диалектов. Например, так называемый нижненемецкий диалект, на котором говорят жители побережья Балтики (Померании), — это самый настоящий язык. На нем даже есть богатая литература.) Дальше идет голландский язык, у которого есть два брата-близнеца. Это фламандский язык Бельгии (другая часть бельгийцев говорит

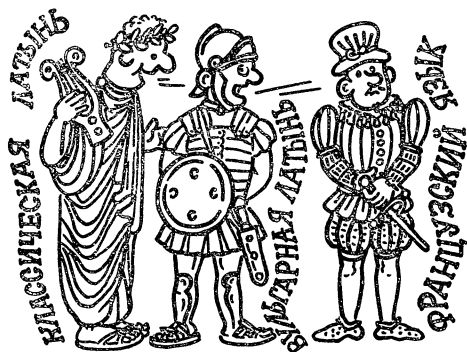

по-французски) и африкаанс, или бурский язык ЮАР,— ведь буры, выделившиеся в самостоятельный народ с отдельным языком, были переселенцами из Голландии. Сюда же относится фризский — язык жителей Фризландских островов в Северном море, у побережья ФРГ, а также идиш, о котором мы уже говорили. Все эти языки называются западногерманскими.

Вы уже догадались, что шведский, датский, норвежский, исландский — это северногерманские языки. Есть и восточногерманские — со своими особенностями и общим происхождением. Вернее, не есть, а были. Все эти языки, главный из которых — готский, исчезли с лица земли. В последний раз они звучали, видимо, где-то на рубеже XVII и XVIII веков. Голландский посол в Турции Бусбек, находясь в Стамбуле, встретил на улице двух крымских готов: небольшая группа их, «отставшая» во время великого переселения народов, еще в V—VI веках поселилась в горном Крыму, создав свое маленькое государство и время от времени давая о себе знать в истории. Бусбек завел их к себе в дом, накормил, напоил и попросил сказать что-нибудь по-готски, прилежно записав все сказанное. Эти записи сохранились...

Следующая группа — кельтские языки. Раньше их было много и они были широко распространены. Кельтами были, например, галлы, с которыми, как известно, воевал Юлий Цезарь. Эти галлы влились в состав французской нации, и когда французы хотят подчеркнуть исторические корни своего народа и культуры, они всегда вспоминают галлов как своих предков. От названия кельтского племени бойев происходит старое название Чехии — Богемия, сохранившееся в названии богемского стекла и в слове *богема*. Сегодня на кельтских языках говорят, во-первых, ирландцы, во-вторых, шотландцы, в-третьих, жители Уэльса — валлийцы, в-четвертых, жители полуострова Бретань во Франции — бретонцы. (Есть и еще несколько мелких языков, о которых мы не упоминали. Вообще наш перечень — не исчерпывающий.) В действительности большая часть говорящих на кельтских языках — двуязычна. Так, ирландцы обычно знают и английский язык (а ирландские эмигранты в США, Канаде и других странах, как правило, только им и владеют). Английским языком владеют практически все валлийцы и шотландцы, французским — большая часть бретонцев.

Дальше идут романские языки (от слова *Roma*, то есть *Рим*). Выше я говорил, что их «родитель» — латинский язык. Это правильно, но не совсем: если мы попробуем сравнительно-историческим методом восстановить предка романских языков, получится не тот язык, который мы знаем из римской литературы и учим в университете, а немножко другой — так называемая «народная» или «вульгарная» латынь. Это и понятно: ведь романские языки возникли, когда римские легионеры, размещенные в Галлии, Испании, нынешней Румынии и т. д., стали смешиваться с местным населением: например, в Румынии это были геты и даки. А грубые римские солдаты, конечно, не владели утонченным литературным языком Катулла, Вергилия и Горация, у них был свой, разговорный вариант латинского языка.

Итак, к романским языкам относятся французский, испанский (а на нем говорит и почти вся Латинская Америка, в том числе Куба), португальский (на нем говорят и бразильцы), итальянский, румынский, а также молдавский язык в нашей стране. Это не все: скажем, в Южной Франции много веков говорили и писали на провансальском языке, особый романский язык — каталонский (северо-восток Испании, в районе Барселоны), сардинский — на острове Сардиния. Есть и другие, совсем уж малочисленные романские языки и диалекты. В их числе — так называемый ретороманский язык. на нем говорят в юго восточной части Швейцарии (другие языки, на которых говорят в этой стране — немецкий, французский и итальянский)

Ну вот, мы обозрели уже почти всю Европу. Осталось только два языка, не имеющих близких родственников, но все же безусловно индоевропейских. Эти языки-«сироты» — албанский и греческий. Правда, греческий имеет более чем солидное прошлое — за его спиной стоит не только древнегреческий язык Афин и Спарты, но и язык крито-микенской культуры II тысячелетия до нашей эры — так сказать, древнедревнегреческий.

Теперь нам предстоит, переехав границу СССР, начать знакомство с индоиранскими языками, а точнее, с частью их — иранскими языками. В нашей стране к ним относятся таджикский, осетинский, курдский (в Закавказье и Туркмении) и еще несколько мелких языков. Между прочим, язык, на котором говорили древние жители юга России — скифы, тоже был иранским.

Большая часть иранских языков распространена за рубежом. Основные из них — фарси (Иран), дари и пушту (Афганистан, Пакистан). Дари, как и таджикский, восходит к языку фарси.

Индийские языки — едва ли не самые значительные по числу говорящих: на них в общей сложности говорит около 450 миллионов человек! Самые известные из них — гуджарати, синдхи, хиндустани, бенгали, ассамский, маратхи, сингальский, кашмирский. «Предок» индийских языков — древнеиндийский. На его древней форме (ведийский язык) во II тысячелетии до нашей эры были сочинены знаменитые «Веды» — священные тексты индийской религии, а через тысячелетие сложился так называемый классический санскрит, на котором создана огромная эпическая, философская, религиозная, художественная литература.

В Советском Союзе тоже распространен один индийский язык. Это — цыганский. Кочевые цыганские племена раньше жили в северо-западной Индии.

Что еще можно сказать об индийских языках? Наверное, то, что некоторые из них — синдхи, хиндустани, кашмири — существуют как бы в двух лицах. Те, кто говорит на них в Индии, пишут индийским алфавитом, пользуются словами и выражениями, заимствованными из санскрита. И сам язык хиндустани в Индии носит имя «хинди». А рядом, в мусульманском Пакистане, говорящие на том же языке пишут арабскими буквами, а в свою речь вставляют слова и выражения из арабского языка и фарси, называя свой язык «урду».

Из живых индоевропейских языков у нас осталось сказать только об одном — армянском. На нем говорят около четырех миллионов человек в СССР и около двух миллионов — за границей. У армянского языка, как и у греческого и албанского, тоже нет близких родственников. Впрочем, его самого можно рассматривать как двух близнецов: армяне пользуются двумя разными литературными языками — западноармянским и восточноармянским.

Из вымерших языков назовем хеттский — язык могучего Хеттского царства, успешно воевавшего с египетскими фараонами. Тексты на хеттском языке относятся к XIV—XV векам до нашей эры.

Несколько слов о том, какие языки и народы Европы представлены на территории СССР. О многих из них мы уже говорили. Но в СССР живут, хотя и в небольшом количестве, поляки, чехи, словаки, болгары, румыны, около двух миллионов немцев, более 350 тысяч греков, албанцы и другие народы.

АФРОАЗИАТСКИЕ ЯЗЫКИ

Раньше их называли семито-хамитскими. Народам, говорившим на этих языках, мы обязаны египетскими пирамидами, первым буквенным алфавитом, библейскими легендами, сказками «Тысячи и одной ночи»... Самый распространенный из них — это, конечно, арабский. На нем говорит около 150 миллионов человек в Северной Африке (Мавритания, Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Египет, Судан), на Аравийском полуострове, в Ираке, Сирии, Ливане, в Палестине, Иордании. Близок к арабскому языку мальтийский — на нем говорят жители острова Мальта в Средиземном море. Небольшая группа арабов живет и в Советском Союзе. На афроазиатском ассирийском языке говорит и небольшой народ — ассирийцы, или айсоры, живущий в основном в Советской Армении.

Амхарский и другие родственные ему языки распространены в Эфиопии. К той же афроазиатской семье, видимо, относится язык масаи в Восточной Африке. Он нам еще понадобится.

Древнеегипетский язык мы знаем начиная примерно с 3000 года до нашей эры. Он дожил до наших дней в виде коптского.

Языки кочевого населения пустыни Сахары — туарегский, кабилский и другие — это берберские языки. Язык древнего населения Канарских островов — гуанчей — тоже, видимо, был берберским

Осталось назвать язык иврит — государственный язык Израиля, чадо-хамитские языки, на которых говорят в Нигерии, Нигере, Камеруне, Чаде и некоторых других странах Центральной Африки, важнейший из них — хауса, кушитские языки, распространенные в Эфиопии, Судане, Сомали и Кении.

Конечно, нельзя не назвать вымершие финикийский язык — именно у финикийцев, как мы увидим в седьмой главе, появилась первая буквенная письменность; ассиро-вавилонский, или аккадский; и, наконец, древнееврейский Жители Карфагена (помните Пунические войны?) тоже говорили по-финикийски

УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Так называют три родственные друг другу семьи языков: финскую, угорскую и самодийскую. Подавляющее большинство уральских языков распространено в СССР

К финским языкам относятся финский с карельским, эстонский, язык саамов, или лапландцев (лопарей), на Кольском полуострове и в прилегающих районах Финляндии, Норвегии и Швеции; затем два мордовских языка — мокша и эрзя — в Мордовской АССР и соседних областях, два марийских — горный и луговой — в Марийской АССР и соседних областях и республиках; удмуртский язык в одноименной АССР; коми — в Коми АССР и в некоторых других районах.

Угорские языки — это венгерский (в ВНР и отчасти в других странах, в том числе в СССР), мансийский и хантыйский (оба в Тюменской области). Каким образом венгры, явно близкие по языку народам Западной Сибири, попали в долину Дуная — не совсем ясно.

Самодийские языки распространены вдоль Северного Ледовитого океана — от Белого моря до Таймырского полуострова. Самый известный из них — ненецкий. Назовем еще нганасанский

АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Под этим названием объединяются три большие семьи — тюркская, монгольская и тунгусо-маньчжурская

Насколько это объединение оправдано, до сих пор спорят. Если эти семьи и родственны, то не близко.

Большая часть тюркских языков распространена в СССР. Это казахский, киргизский, узбекский, туркменский, азербайджанский, чувашский, татарский, башкирский, карачаевский, балкарский, алтайский, хакасский, тувинский и якутский. Мы назвали только языки союзных и автономных республик и областей. За границами СССР в первую очередь следует упомянуть турецкий (в Турции). Ряд тюркских народов живет в Западном Китае; много азербайджанцев и туркмен в Иране, туркмен, узбеков, казахов, киргизов в Монголии, Афганистане.

Монгольские языки сразу наводят на мысль о Монгольской Народной Республике. И действительно, там говорят на монгольском (халха-монгольском) языке; но есть еще не менее десятка языков, распространенных в КНР и даже в Афганистане. В СССР есть два монгольских языка: бурятский в Бурятской АССР и калмыцкий в Калмыкской АССР, на Нижней Волге.

На тунгусо-маньчжурских языках говорят многочисленные народы Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также маньчжуры, живущие на северо-востоке КНР.

КАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ

Не все языковеды считают правильным объединять их в единую семью. Но совершенно точно доказано, что языки Кавказа (если не считать индоевропейских, например армянского и осетинского, и тюркских, например азербайджанского и балкарского) можно разделить на четыре семьи. Вот они:

Абхазо-адыгские языки. К ним относятся абхазский (Абхазская АССР), абазинский — недалеко от Абхазии, но по другую сторону гор, кабардино-черкесский в Кабардино-Балкарской АССР и Карачаево-Черкесской АО, адыгейский в Адыгейской АО и прилегающих районах.

Нахские языки: чеченский и ингушский (Чечено-Ингушская АССР и прилегающие местности).

Дагестанские языки: аварский, даргинский, лакский, лезгинский, табасаранский, арчинский и еще более 40 языков. Многие специалисты объединяют их с нахскими.

Картвельские языки. Основной из них — грузинский, кроме того, еще занский и сванский.

Некоторые языковеды сближают с кавказскими языками язык басков, живущих в Пиренейских горах на границе Испании и Франции. И действительно, в культуре этих народов есть много общего или по крайней мере похожего. В чем-то сходны и языки, но точно доказать их родство пока не удается.

ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИЕ И ДРУГИЕ ЯЗЫКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

(Когда мы говорим «другие языки», то, конечно, имеем в виду языки, не упомянутые на предыдущих страницах. Ведь тунгусо-маньчжурские, монгольские, многие тюркские языки — тоже языки Сибири или Дальнего Востока.)

Чукотско-камчатских языков на свете всего четыре. Это прежде всего чукотский язык, о котором вам, без сомнения, известно: ведь это родной язык известного советского писателя Юрия Рытхэу. Кстати, его настоящее, чукотское имя — просто Рытхэу, у чукчей нет ни фамилий, ни отчеств, одно имя.

Раз уж мы заговорили об именах, давайте кое в чем разберемся. Например, *Гай Юлий Цезарь*: это что — имя, отчество и фамилия? А *Цэвэгмидийн Дэви*? А *Сун Ятсен*? А *Ли Тоан Тханг*? А *Эрих Мария Ремарк*?

Так вот: *Гай* — это действительно имя. А *Юлий* — это так называемое «родовое имя», которое носили все члены данной семьи — в общем, нечто вроде фамилии. Ну а *Цезарь*? Это, в сущности, прозвище. *Катон* — ‘хитрец’, *Сулла* — ‘рыжий’, *Красс* — ‘толстяк’. Прозвище *Цезарь*, впрочем, перевести трудно. Но каждое ли русское прозвище можно легко перевести?

Совсем иначе выглядит монгольское имя. Здесь нет фамилии — есть только отчество и имя. В данном случае *Дэви* — имя. Отца Дэви зовут *Цэвэгмид*: получается ‘Цэвэгмидовна Дэви’.

У китайцев (следующий пример) на первом месте стоит фамилия, а затем идет имя. Значит, получается нечто вроде ‘Ятсен Сунов’. Почти то же у вьетнамцев: здесь первое слово — фамилия. Но дальше получается разница: на втором месте стоит так называемое «подсобное» имя. Это или фамилия матери, или слово, означающее

возраст (вернее, поколение): отец, мать, все дядья и тетки, включая двоюродных и троюродных, будут иметь одно и то же «подсобное» имя, а все их дети — другое.

В имени немецкого писателя Ремарка фамилия, конечно, *Ремарк*, а *Эрих* и *Мария* — имена. Немцы очень часто имеют по два (реже три) имени, и чтобы не запутаться, в ГДР принято во всех документах подчеркивать основное имя. Второе имя может даваться в честь кого-то из членов семьи или в честь какого-либо святого. Отсюда и *Мария* в имени Ремарка. В христианской мифологии это имя матери Христа, богородицы, очень почитаемой христианами, в особенности католиками.

Но вернемся к чукотско-камчатским языкам. Кроме чукотского к ним относятся корякский (на севере Камчатки) и два малоизвестных языка — керекский и алюторский. На керекском языке вообще говорит несколько семей — этот язык стоит на грани исчезновения.

Очень вероятно, что все эти языки родственны еще одному языку Камчатки — ительменскому.

Нам осталось перечислить несколько языков, о чьих родственных связях мы и сейчас не можем сказать ничего определенного. Это, во-первых, юкагирский язык. Юкагиры, или одулы (их несколько сот человек), кочуют со своими оленьими стадами на северо-востоке Якутской АССР. Во-вторых, это нивхский язык. Говорящие на нем нивхи (раньше их называли гиляками) живут в устье Амура и на острове Сахалин. И наконец, это кетский язык (вернее, кетские языки, потому что их несколько). На нем говорят жители таежного края, протянувшегося вдоль реки Подкаменная Тунгуска, в среднем течении Енисея, то есть в самом сердце Сибири. С какими только языками ни пытались сопоставить кетский — вплоть до языков Океании! Но пока что он все еще «без роду, без племени».

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО СОСЕДИ

Китайский язык мы выбрали для названия этого раздела не потому, что он чем-то особым отличается от других языков. Просто на нем говорит гораздо больше людей, чем на любом другом, — около миллиарда!

Впрочем, кое-чем китайский язык все-таки отличается. И даже очень многим. Например, это типичный изолирующий язык (вспомните конец первой главы!). Это зна-

чит, что в нем нет ни склонения, ни спряжения; что, взглянув на слово, нельзя сказать — существительное это, прилагательное или глагол; что в каждом китайском слове есть свой музыкальный тон (измените тон, и слог будет значить совсем другое, хотя все звуки остались те же)...

Второе отличие китайского языка — это его письменность, к которой мы еще вернемся в седьмой главе, — знаменитые иероглифы.

Совсем рядом с Китайской Народной Республикой — Корейский полуостров. На нем два государства: Корейская Народно-Демократическая Республика и Южная Корея, где говорят на одном и том же языке — корейском. Этот язык немного похож на алтайские языки, и многие лингвисты причисляют корейский язык к алтайским. Но он и не тюркский, и не монгольский, и не тунгусо-маньчжурский, а, так сказать, сам по себе.

А еще дальше — если переплыть Цусимский пролив — территория, занятая двумя языками, тоже не помнящими родства. Название этой территории — Япония. Ну, один из этих языков, конечно, японский, в этом сомнения быть не может. А второй? Его название — айнский. Раньше айны в Японии были единственными обитателями. Лишь потом туда пришли японцы и айнский народ был оттеснен на северную оконечность Японских островов.

Но вернемся к китайскому. В отличие от его соседей, корейского и японского, он не одинок и семья у него не маленькая. В нее входит, как уже говорилось, тибетский язык; бирманский язык в государстве Мьянма (Бирма); тайский язык — вы полагаете, в Таиланде? Да, и там тоже, но тайцы живут и в КНР, и во Вьетнаме. Сюда же относится лаосский язык.

АВСТРОАЗИАТСКИЕ ЯЗЫКИ

Главнейший из них — вьетнамский. Обратите внимание: он очень похож своим строением на китайский, хотя родства между ними не обнаруживается. Это лишь раз показывает, что по типу языков нельзя судить об их родстве, и наоборот — явно родственные языки могут иметь совсем различную «внешность», а языки, явно не имеющие ничего общего, могут быть похожи, как две капли воды.

Впрочем, еще далеко не доказано, что вьетнамский язык вообще принадлежит к числу австроазиатских. Многие специалисты считают, что он «сам по себе». Если так, то самый известный из языков этой семьи — *кхмерский*, на котором говорят в Камбодже. О других языках вы наверняка никогда не слышали, и мы их здесь упоминать не будем.

ДРАВИДСКИЕ И ПРОЧИЕ ЯЗЫКИ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ АЗИИ

Дравидские языки распространены в Индии. Они не родственны хиндустани и другим индоиранским языкам — это совсем другая семья. Видимо, до прихода в Индостан индоевропейских племен именно дравиды были господствующим населением этой части Азии. Во всяком случае, когда совсем недавно расшифровали надписи из древнейших городов Индии — Мохенджо-Даро и Хараппы, сделанные совсем особой письменностью, получилось, что язык этих надписей похож на дравидские. Дравидские языки, смешавшись с индоевропейскими (индийскими), придали им уникальные особенности. Некоторые из них можно увидеть при помощи простейшего карманного калькулятора: так, в дравидских языках чаще всех гласных встречается *а*, и этот же звук чаще других можно найти в древнеиндийском языке. Одна из песен эпической поэмы «Махабхарата», например, начинается так: *Асид рАджА НАло нАмА, вирАсенА суто БАли* — 9 *а* на 7 других гласных! А вот начало другой: *Асид МАдрешу прАтхАмАх рАджА пАрАмидхАрмикАх* — 11 *а* и всего 5 других гласных. Строго говоря, *а* и там и здесь даже больше — ведь древнеиндийские *е* — это *а* плюс *и*, а *о* — это *а* плюс *у*.

Самые крупные и известные из дравидских языков — это телугу, тамильский, малаялам, каннада. Между про-

чим, в СССР живут несколько сотен дравидов: когда-то они вместе с белуджами переселились в Туркменскую ССР и до сих пор там живут.

Нам осталось назвать еще несколько языков Азии. Из них только один — *бурушаски* — относится к числу живых, на нем говорит около 40 тысяч обитателей небольшого района Гилгут, недалеко от того места, где встречаются границы СССР, Афганистана, КНР и Индии. А этот язык действительно удивителен, так как не похож ни на один другой. Например, во многих языках мира, если глухой звук попадает между двумя гласными, он становится звонким: *ата* → *ада*. И уж во всяком случае сочетание вроде *ада* нигде не может превратиться в *ата*! Нигде — кроме языка бурушаски...

А если вспомнить древние, ныне вымершие языки Ближнего Востока, то нам известно по крайней мере 3—4 таких языка, не имеющих родственников. Это древнейший из известных нам языков Азии, имевших письменность, — *шумерский*; это другой, тоже очень древний язык — *эламский*; это самый древний из известных нам письменных языков на территории нашей страны — *урартский*. (Как вы помните из курса истории, северная часть Урартского государства приходилась на нынешнюю Советскую Армению, и название ее столицы — Ереван, видимо, связано с названием урартской крепости Эребуни, стоявшей на том же месте.)

Мы забыли назвать еще древний язык Апеннинского полуострова — *этрусский*. Очень многое в культуре, мифологии, религии Древнего Рима заимствовано у этрусков. От них осталось много надписей. Увы, прочитать их мы пока не умеем. Так что был ли этрусский язык индоевропейским (как считают многие ученые), или он принадлежал к какой-то другой семье, или был, так сказать, одиноким — никто не знает...

ЯЗЫКИ ТИХОГО ОКЕАНА

Это прежде всего *австронезийские* языки. Раньше они назывались *малайско-полинезийскими*, но, как мы сейчас увидим, это такое же неточное название, как «семито-хамитские», потому что в число австронезийских языков включаются и такие, которые нельзя назвать ни малайскими (точнее, индонезийскими), ни полинезийскими.

Итак, индонезийские языки. На них говорит большая часть жителей Малайзии, Индонезии и Филиппинских островов. Основной язык Малайзии — малайский; а государственный язык Индонезии — индонезийский — это, в сущности, тот же малайский; мы уже видели в Индии очень похожее положение с языками хинди и урду. Еще один очень известный язык Индонезии — яванский; собственно, известен не сам он, а его предок — древнеяванский язык, или кави. Основной язык Филиппинских островов — тагальский. Назовем еще сунданский.

Интересно, что родственный всем этим языкам и похожий на них мальгашский язык не имеет сейчас ничего общего с Тихим океаном: на нем говорят на самом большом острове другого океана — Индийского — на Мадагаскаре, у восточных берегов Африки. Дело в том, что мальгаши раньше жили в Индонезии, а потом, переплыв Индийский океан, поселились на Мадагаскаре.

Теперь мы можем перейти к уже упомянутым полинезийским языкам. Полинезией называют тысячи островов, разбросанных по просторам Тихого океана, и оказывается, на большинстве из них говорят на очень похожих друг на друга языках. Это, например, язык самоа; язык таити; гавайский язык; язык маори, на котором говорят коренные жители Новой Зеландии; и даже рапануйский язык — язык острова Пасхи, от которого ближе добираться до Южной Америки, чем до других островов Полинезии.

Но не на всех островах Тихого океана говорят полинезийски. Есть еще меланезийские языки. (*Полинезия* в переводе — ‘страна множества островов’; а *Меланезия* — ‘страна черных островов’. Черны, конечно, не сами острова, а их жители.) Самый известный из них — язык фиджи на одноименных островах. На меланезийских языках говорят и многие жители острова Новая Гвинея, к которому мы вскоре вернемся.

Из австронезийских языков у нас остались еще микронезийские (‘страна малых островов’). И действительно, эти острова — Каролинские, Маршалские, Марианские — это, в сущности, не острова, а небольшие коралловые рифы.

А теперь вернемся на Новую Гвинею. На протяжении этой книжки мы еще не раз будем обращаться к языкам этого острова, которые (если они, конечно, не относятся

к числу австронезийских) называют папуасскими. Кстати, само это слово — неизвестного происхождения. Есть гипотеза, что словом *папуа* или, вернее, *папува* одно индонезийское племя называло людей с курчавыми жесткими волосами: у папуасов как раз такие волосы. Новая Гвинея — настоящий заповедник языков, да и народов тоже. На одном этом сравнительно небольшом острове, где живет немного больше двух миллионов человек, можно найти около 500 различных языков, не считая австронезийских! Мы перечислим здесь только те из них, которые будут упоминаться в следующих главах этой книги. Это абелам, ава, аснат, бонгу, вери, гадсуп, гули, кева, кивай, монумбо, насион, тангма, телефол, форе. И еще ток-писин — язык межплеменного общения разных народов Новой Гвинеи.

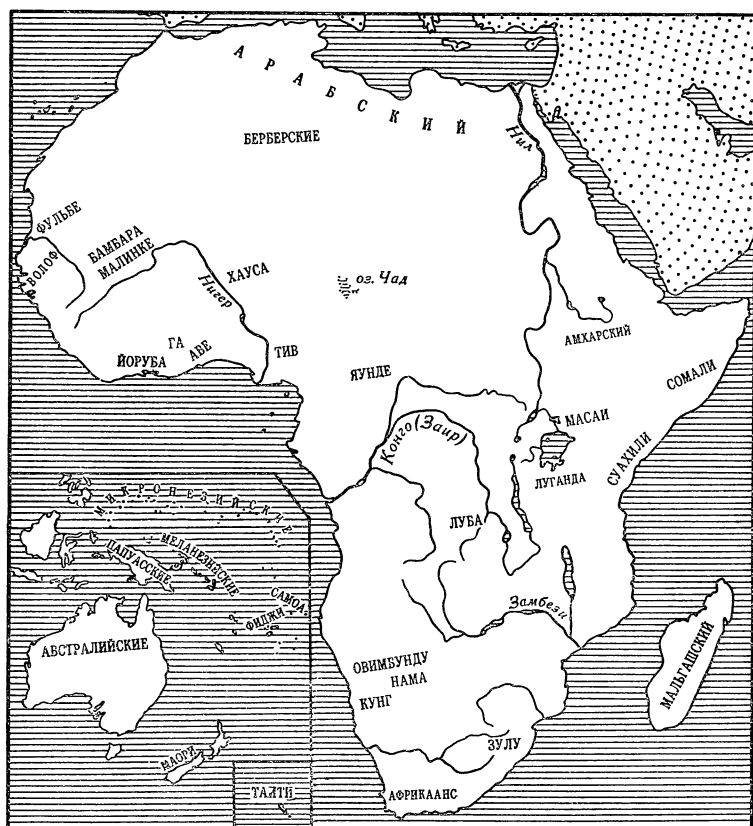
Родственны ли друг другу папуасские языки, точно не известно. Во всяком случае это не доказано. Впрочем, даже если поверить тем ученым, которые считают, что они родственны, не меньше двадцати языков Новой Гвинеи все равно остаются, так сказать, бесхозными: не установлено никаких связей ни между ними самими, ни между ними и другими языками. Но не исключено, что есть родство между папуасскими языками и некоторыми изолированными языками островов Индийского океана, например острова Тимор и Андаманских островов.

И наконец — Австралия. Те немногие из ее коренных жителей — аборигенов, которые еще сохранились и которые говорят на своих родных языках, связаны и единством культуры, и — хотя и не слишком близким — родством этих языков. Из австралийских языков нам встретятся аранта и сайбалгал.

НЕ ХОДИТЕ В АФРИКУ...

В Африке (даже если не учитывать афроазиатские языки) языков такое множество и их родственные связи настолько запутаны, что описать их так, чтобы удовлетворить всех африканистов, просто невозможно.

Думаю, все африканисты согласятся только в том, что в Африке есть большая семья языков банту. Самый известный из них — суахили. На нем говорят в Танзании, Заире, Кении, Уганде, Руанде, Бурунди, Малави, Мозамбике и отчасти даже на Мадагаскаре и других островах у побережья Африки. Еще один язык, упоминание о ко-

тором вы могли встречать, — язык зулу, на котором говорят жители различных государств юга Африки. Читая эту книгу дальше, вы встретите также языки луба, луганда, овимбунду, яунде. Все это тоже языки банту.

Банту — типичные агглютинативные языки. Как и в тюркских, в них все окончания нанизываются, как бусы, причем каждое из этих окончаний имеет узкую «специальность»: одно выражает только число, другое — только время, третье — только лицо... Впрочем, об «окончаниях». В банту о них почти не приходится говорить — слово в этих языках «нанизывает» не окончания, а приставки.

Еще одна семья, бесспорно, выделяется всеми африканистами — это так называемые языки ква или гвинейские. На них говорят жители северного побережья

Гвинейского залива. Самые популярные из этих языков — йоруба (Нигерия, Камерун, Бенин, Того, Сьерра Леоне), эве (Гана, Того, Бенин), га (Гана, Того, Бенин). Эти языки немного похожи на китайский, вьетнамский, лаосский, хотя они им и не родственны: коротко говоря, это тоже типичные изолирующие языки.

Об остальных языках Западной и Центральной Африки мы лишь упомянем, вернее, о некоторых из них. Нам встретится на страницах этой книги язык тив — на нем говорит около миллиона человек в Нигерии и Камеруне, а также язык яунде. Не встретится, но очень известен и имеет тоже около миллиона говорящих язык сонгаи (Мали, Буркина-Фасо, Нигерия). Два важнейших языка Республики Мали — бамбара и малинке. Во многих странах Западной Африки — в Мавритании, Сенегале, Гамбии, на островах Кабо-Верде — говорят на языке волоф. Его близкий родственник — не менее известный язык фула или, вернее, фульбе. На нем говорят в Мавритании, Гвинее, Сенегале, Гамбии, Гвинее-Бисау, Мали, Нигере, Сьерра-Леоне, Буркина-Фасо, Бенине, Нигерии, Камеруне, Чаде, Того, Гане, на островах Кабо-Верде, на Кот Ивуар. Одним словом, это 9 миллионов человек фактически во всей Западной Африке!

На самом юге Африканского континента, оттесненные в пустыни, живут готтентоты и бушмены, говорящие на так называемых койсанских языках. В нашей книге мы встретим два из этих языков: готтентотский язык нама и бушменский язык кунг.

НОВОЕ ОБ ИНДЕЙЦАХ

Новое, потому что в «книжках об индейцах», равно как и в «фильмах об индейцах», об этом — конечно, я имею в виду их языки — совсем ничего не говорится. Впрочем, названия этих языков не могут не звучать для ваших ушей музыкой — они живо напоминают романы Фенимора Купера. Чиппевейский и навахо. Апачский и оджибва. Шауни и делаварский. Чейенский и чоктавский. Понка и квакиутль. Нутка, сиу и дакота. Онейда, чероки и зуни. (Мы с вами проехали только Канаду и США, о других индейских языках — ниже.)

Если в Северной Америке индейский язык, на котором говорят 2—3 тысячи человек, уже можно считать крупным, то в Мексике и Центральной Америке мы прошли бы

мимо него, не обратив внимания, потому что — несмотря на долгие «усилия» испанских колонизаторов — здесь индейское население в основном сохранилось. Самые значительные из этих языков — майя (вы, конечно, слышали

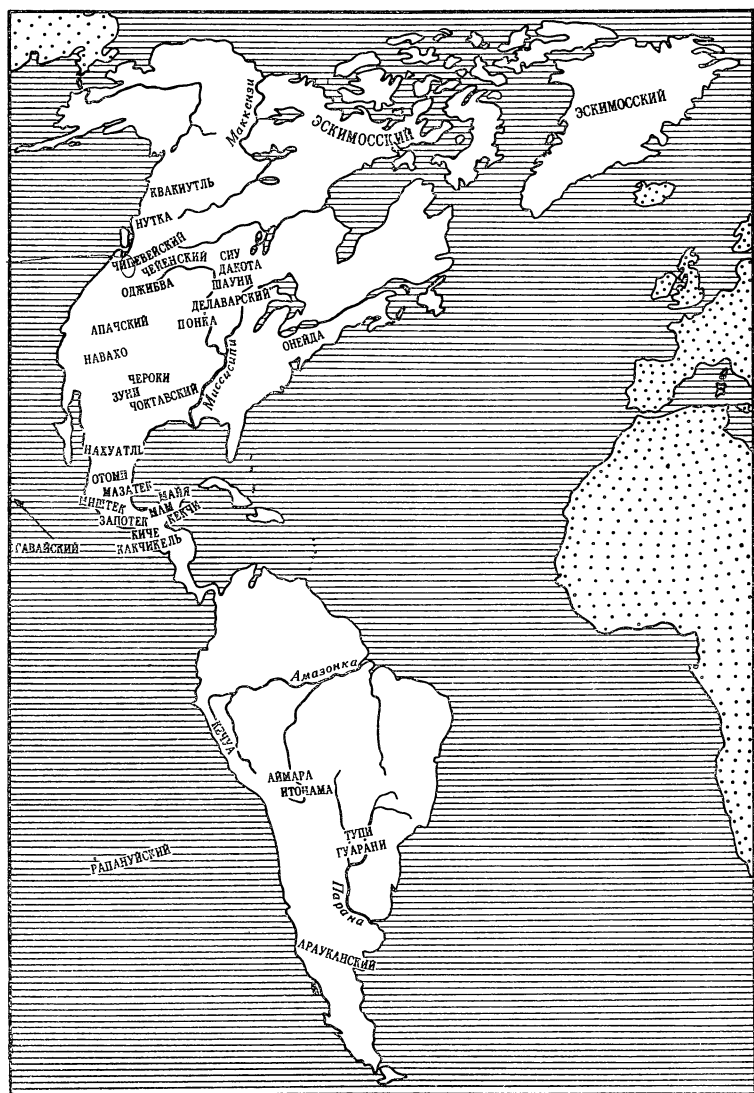

про древнюю письменность майя, восходящую к IV веку новой эры и расшифрованную советским историком и филологом Ю. В. Кнорозовым); язык мам на границе Мексики и Гватемалы; язык кекчи, язык киче и язык какчикель (все три — в Гватемале); язык нахуатль — это, собственно, тот язык, на котором говорили древние ацтеки; язык отоми; язык миштек, мазатек и запотек — все они распространены в Мексике.

Что касается языков Южной Америки, то некоторые из них не только сохранились — на них говорят многие миллионы южноамериканцев, они являются кое-где (например, язык кечуа в Перу) даже официальными (вместе с испанским). Из языков Южной Америки мы назовем итонама в Боливии; язык тупи в Бразилии; язык гуарани в Парагвае и близлежащих областях; язык кечуа — на нем говорят целых 11 миллионов почти по всему континенту — в Колумбии, Эквадоре, Перу, Боливии, Чили и Аргентине; язык (или группа близкородственных языков) аймара в Перу и Боливии; арауканский язык (или языки?) в южной части Чили и в Аргентине.

Насколько индейские языки родственны друг другу — сказать трудно, ведь, кроме майя, все они к моменту прихода европейцев были бесписьменными, и мы знаем их только в их нынешнем состоянии. Но отдельные языковые семьи определенно можно установить: скажем, тупи родствен гуарани, кечуа — языку аймара, родичами являются миштек и мазатек.

Мы подошли к самому концу нашего обзора. Осталась только одна семья языков — осталась, потому что мы двигались с вами по карте полушарий, а про эти языки даже не скажешь, в каком полушарии их искать. Это

эскимосско-алеутская семья. Она, собственно, состоит из двух отдельных, но родственных языков — эскимосского и алеутского. Но дело в том, что по-эскимосски говорят и у нас на Чукотке, и в американском штате Аляска, и в Северной Канаде, и на острове Гренландия.

Более того — Гренландия, бывшая раньше колонией Дании, имеет два официальных языка — датский и эскимосский! Таким образом, по-эскимосски говорят и в Азии, и в Америке, и (не знаю, куда она относится — к Америке или Европе) в Гренландии.

Такое же положение с алеутским языком. На нем говорят жители американских Алеутских островов и жители Командорских островов — это рядом с Камчаткой и Курильскими островами, а значит, самая настоящая Азия

ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Мы с вами перечислили более 250 языков. Но это только крохотная доля всех языков мира — их (по разным мнениям) от 3 до 5 тысяч!

Среди них так называемые мировые языки — русский, английский, французский, испанский. Есть языки «зональные», на которых говорят люди из разных соседних стран, — арабский, суахили. Есть государственные или официальные языки — польский в Польше, монгольский в Монголии, шведский в Швеции и многие другие. А большинство языков не имеет никакой официальной «должности» — на них просто говорят... На одном — 10 человек, на другом — 100, на третьем — тысяча, на четвертом — 10 тысяч...

Хотелось бы знать о них что-нибудь более содержательное, чем просто название. Конечно, в этой небольшой книжке я не смогу рассказать многое о различных языках. Но кое-что попытаюсь. И начну с тех звуков, из которых строится речь на разных языках.

Итак — в путь!

Глава 3

ЗВУКИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

МИША, МКРТИЧ И МАУИ

В этой главе три героя. Миша — русский. Мкртич — армянин. Мауи живет в Новой Зеландии и говорит на языке маори. Почему мы выбрали их? Вы, наверное, уже сами догадались: из-за имен. Ведь в звучании имени всегда слышно звучание языка.

Миша — типичное русское слово. Вслушайтесь: *Миша*. Согласный звук — и гласный. Еще один согласный — гласный.

Конечно, не все русские слова такие. Есть среди них и совсем иные — вроде *вспять* или *вздрагнул*, в которых подряд идет три или даже четыре согласных. Но абсолютное большинство из них «уравновешены». *Ко-ро-ва. Пеш-е-ход. Се-го-дня. Е-ли-за-ве-та. Че-ло-век*. Русский языковед Василий Алексеевич Богородицкий даже подсчитал гласные и согласные: оказалось, в среднем на три согласных приходится два гласных.

Уже по приведенным в качестве примеров словам видно, что в русском языке слоги бывают двух видов. Одни кончаются на г л а с н ы й (они называются о т к р ы т ы м и), другие — на с о г л а с н ы й (они называются з а к р ы т ы м и). Большая часть слогов начинается с одного согласного звука (но его может и не быть вообще: *Ан-на, о-ко-ло*) Чем больше согласных стоит рядом в начале слога, тем реже такие сочетания встречаются: слоги типа *сто* реже, чем типа *то*, а типа *вста-* (*вста-ю*) — реже, чем типа *сто*.

Но вот что интересно: не всякие согласные и не в любом порядке могут «стыковаться» в слове. *Вздрагнул* в русском языке возможно, но попробуйте-ка произнести «дрзвогнул» или «рдзвогнул»!

Кстати, то, что в русском языке согласные и гласные в общем-то уравновешены, совсем не случайно. Около тысячи лет назад, в эпоху Киевской Руси, все слоги русского языка были открытые (вроде *ко-ро-ва*).

Вот, например, слово *овца*. В нем было не два, а три слога, и писалось оно так: *овьца*. Но *ь* здесь — не мягкий знак. Эта буква в древнерусском языке обозначала краткий гласный звук, похожий на *и* (родственное слово в языке Древней Индии — санскрите — как раз и звучало: *авика*).

Вот здесь-то и стоит подумать. Давайте рассуждать. Если мягкий знак когда-то обозначал гласный, то, может быть, все слова, в которых он пишется на конце, кончались раньше на гласный? Да. Так оно и было (если, конечно, эти слова были в древнерусском языке!). *Мышь* звучало как *мъшии*, *пять* — как *пяти*.

Вам, может быть, попадались книги, изданные до Октябрьской революции, по так называемой старой орфографии. Слово *баран* писалось тогда так: *баранъ*.

Думайте!

Правильно. Буква *ѣ* тоже не всегда была «беззвучным» твердым знаком. В древнерусские времена она обозначала звук, средний между *у* и *ы*. Кстати, в болгарском языке сохранился и этот звук, и буква. Название страны так и пишется: *Бѣлгария*. А латинскими буквами его изображают обычно так: *Bulgaria*.

А теперь вот вам еще задача. Вы знаете из школьного учебника о беглых гласных: *день* — *дни*, *сон* — *сна*... Куда и почему они «сбежали»?

Напишем эти слова так, как они произносились раньше: *дѣнь*, *сѣнь* (то есть почти как *дѣни*, *сѣны*). Вы, конечно, понимаете: как бы ни стремился гласный «сбежать», если он стоит под ударением, пути к бегству ему отрезаны! Мы часто здороваемся с учителем не «полностью» (например: *Здравствуйте, Иван Иванович!*), а, особенно на бегу, примерно так: *Здрасст, Ванванч!* Все, что могло, «сбежало», но там, где ударение, гласные остались на месте. И в наших древнерусских словах ударные звуки *ь* и *ѣ* никуда не делись, хотя и немного изменились: получилось не *дѣ*, а *де*, и не *сѣ*, а *со*. А в конце — там они безударные! — им удалось «сбежать».

Но в словах *дни* и *сна* ударение ведь в другом месте, и оно там же и было раньше: *дѣній*, *сѣнѣ*. Вот *ь* и *ѣ* и «сбежали» *дни*, *сна*!

Мы с вами, впрочем, слишком углубились в историю русского языка. (Надо сказать, что это очень интересное занятие и вполне доступное даже школьнику-старшекласснику, если у него хватит любознательности и усидчивости. Когда будущий знаменитый ученый, академик Алексей Александрович Шахматов (1864—1920) сделал свой первый научный доклад, он был просто Алешей Шахматовым и учился в гимназии.)

Пора распрощаться на время с Мишей и познакомиться с его армянским приятелем Мкртичем.

Легко увидеть разницу. По-русски такое имя просто невозможно произнести без предварительной тренировки.

Признаюсь: я выбрал не самое типичное слово армянского языка. Большая часть армянских слов похожа на русские. Возьмем хотя бы имена: *Ар-та-шес*, *Цо-ви-нар*, *Ваг-рам*, *О-ва-нес*. Но есть и другие, в русском языке невозможные. Вот такие: *Астхик*, *Смбат*, *Арцвик*, *Ваагн*, *Трдат*... На карте Армении есть города и поселки: *Агнджадзор*, *Арцваник*. Или возьмем такие слова: 'твоя книга' (в армянском это не два, а одно слово) — *гиркд*, 'второй' — *йэркрорд*.

Армянский язык еще не самый «согласный», тем более что, произнося сочетания вроде *мкрт*, армянин обычно вставляет между согласными призыв — не звук, а именно призыв, неопределенный, коротенький и на письме не изображаемый. Есть другие языки, где в одном слове, а то и в одном слоге сочетаются звуки, по-русски совершенно уж не сочетаемые и не произносимые. Вот тибетский язык. В нем есть такие слова: *ргйугсчу* 'поток', *ртсва* 'трава', *чослдан* 'благочестивый'. 'Учителя' по-тибетски звучит примерно так: *слопдпонрмамс*. 'Пять учителей' — *слопдпон лнга*. Уф! Когда я писал эти слова, то, конечно, произносил их про себя, и даже при этом язык устал.

А как же сами армяне или тибетцы? Им разве не трудно? Нет! Вот здесь-то мы и сталкиваемся с одной особенностью любого языка. Каким бы трудным он ни казался человеку, говорящему на другом языке, тем, для кого он родной, он не труден! Тибетцу так же легко произнести *пдп* или *нрн*, как русскому — *ки*т или *сон*.

Но и тибетский язык со своими скоплениями согласных подчиняется тем же общим законам человеческого языка, что и наш с вами. И первый из этих законов гласит: «Не бывает слога без гласного звука». Даже если написаны одни согласные, на самом деле произносится

гласный звук. В чешском языке есть слово *prst* 'палец'. Написан как будто бы согласный — *r* (то есть *p*). Но он произносится как гласный. Таким же гласным может быть в чешском языке *l*. А в словацком языке *r* и *l* могут быть, как любые гласные, краткими и долгими!

Вы спросите: как же *p* или *l* могут быть гласными? Но прислушайтесь к русским словам *рубль* или *храбр*. Здесь *ль* и *p* тоже выступают как гласные — они образуют слог: получается что-то отдаленно похожее на *ру-бель* или *хра-бор*. А когда мы произносим некоторые другие русские слова в быстром темпе, например *торговать*, то первое *о* «сбегает» и весь слог начинает держаться только на *p*: *тр-го-вать*.

Так что имена, выдуманные польским фантастом Станиславом Лемом в его рассказе «Вторжение с Альдебарана» — *Нгтркс* и *Пвгдрк*, — возможны у нас на Земле только если *p* — гласный и образует слог.

Но возможны они далеко не во всяком языке. И теперь пора встретиться с третьим «героем» нашей главы — маорийцем Мауи.

Это имя я не придумал. Так зовут героя древних маорийских легенд. И легко предположить, что и сейчас маорийского мальчика могут назвать этим звучным и популярным именем. Язык маори относится к так называемой полинезийской семье языков. И у всех этих языков есть общая особенность: они не любят согласных! В этих языках совсем мало согласных (по сравнению, например, с русским или армянским) и они практически никогда не образуют сочетаний. Типичный слог в таком языке — «согласный + гласный». Или просто один гласный. Это хорошо видно на карте Тихого океана: острова *Раиваваэ*, *Тубуаи*, *Риматара*, *Аитутаки*, *Каукура*, *Рароиа*; города *Папэте*, *Аваруа*, *Нукуалофа*, *Салаилуа*... Путешествуем дальше на запад и вдруг встречаем на одном из островов город *Рабаул*, а на другом (это Новая Гвинея) — город *Вевак*. Ясно: здесь говорят уже не на полинезийских языках! И действительно — в этих краях распространены меланезийские и папуасские языки.

Самый «богатый» согласными полинезийский язык — как раз родной язык Мауи, маорийский. Здесь их целых 10! Заметим для сравнения: в русском их 37, в армянском 30. А вот в саамском — 53. В лакском — одним из языков Дагестана — 41. А в гавайском такого «богатства» нет: в нем 7 согласных звуков — *h*, *m*, *n*, *p*, *l*, *k*, *w*.

Полинезийские языки не только не «любят» согласных — они «любят» гласные. В гавайском языке есть слово *oiaio* 'правда'. В нем все звуки — гласные. И пять слогов — по числу гласных. Попробуйте-ка найти подобное русское слово!

Есть на земном шаре и такие языки, которые любят какие-нибудь согласные в одном месте слова (или слога) и совершенно не переносят их в другом месте. Вот китайский язык. В нем слог может начинаться с любого согласного звука, а кончаться — только на *й*, *н* или *нь*. Или совсем другой язык, во многом противоположный китайскому, — эскимосский. В конце эскимосского слова не может быть почти половины всех звуков этого языка! Среди них такие привычные для нас, как *п*, *в*, *ф*, *л*, *р*...

Впрочем, и русский язык имеет в этом смысле свои «симпатии» и «антипатии». В нем ни одно слово не начинается звуком *ы*, хотя чем он «хуже» звуков *у* или *о*, например? И ни одно слово не кончается на звонкий согласный: если мы его и пишем (*пруд*, *клуб*), то произносим вместо него глухой (*прут*, *клуб*).

У каждого языка свои пристрастия. И порой происходят странные изменения в звучании слова, когда оно заимствуется одним языком из другого.

Как-то мне в руки попал учебник, изданный на вьетнамском языке. В тексте я обнаружил географические названия и фамилии — очевидно, русские, но в то же время и не совсем. Что за город *Mat-sco-va*? Да просто — Москва. По-вьетнамски в конце слога может стоять либо гласный, либо носовой согласный, либо *п*, *т* или *к*. Слога *мос* в нем не бывает. Вот вьетнамцу и приходится вставлять в слово *Москва* лишний согласный и лишний гласный и превращать его из двусложного в трехсложное. Еще сложнее с австралийским городом *Мельбурн* — его название по-вьетнамски выглядит так: *Менбуос*.

Когда одна из моих книг была издана на японском языке, моя обычная русская фамилия превратилась на обложке книги в японскую: *Ре-он-ти-е-фу*. Дело в том, что в японском, во-первых, нет звука *л* — его заменяет *р*. Во-вторых, слога *тьев* там тоже не может быть. В-третьих, японское слово (да и слог тоже) не может кончаться на согласный. И в-четвертых, в японском нет звука *в*, но есть звук *ф*, с которым сочетается только один гласный — *у*. Легко видеть: никак иначе по-японски фамилию *Леонтьев* не изобразишь.

В японском языке довольно много слов, заимствованных из европейских языков. Как должно звучать по-японски слово *матрос*? Вы почти угадали: *мадоросу*. А английское слово *ice-cream* 'мороженое', звучащее как *айс-крим*, превращается в *айсу-куруиму*.

АХ, ФРЕМЯ, ФРЕМЯ!

Мы говорим: звонкий согласный, глухой согласный... В учебнике перечислены звонкие, например *б, в, г, ж*. У них есть глухие близнецы — *п, ф, к, ш...*

Взгляните, в книжке нарисованы две девочки-близняшки — Галя (Галина) и Каля (Калерия). Они так похожи друг на друга, что даже мать их не может различить и вплетает Гале в косу розовую ленту. Теперь у Гали есть один отличительный признак, одна отличительная черта — лента.

И у имени *Галя* тоже есть такая черта, такой признак, который отличает его от имени сестры — *Каля*. Это звонкость: *г* — *к*.

В русском языке много таких слов, которые различаются только такой «лентой». *Дом* и *том*. *Бот* и *пот*.

А на следующем рисунке — два брата-близнеца. Одного зовут Гена (Геннадий), другого — Геня (Евгений). Они тоже очень похожи. Только Геня носит рубашку в клетку, а Гена — белую. Значит, их всегда можно отличить по цвету рубашки — это их различительный признак.

Имена *Гена* и *Геня* тоже отличаются одним-единственным признаком: в первом из них твердый звук *н*, во втором — мягкий *нь*. Вы скажете: а разве я не отличается от *а*? Здесь начинаются причуды русской орфографии. И в имени *Гена*, и в имени *Геня* последний звук одинаковый — *а*: вы в этом легко убедитесь, если попытаетесь его протянуть: *Гена-а-а...* *Геня-аа*. Буква *я* только обозначает, что в имени *Геня* *н* — мягкий звук, а не твердый.

В русском языке мягкость и твердость различают множество слов, в остальном полностью совпадающих: *мел* и *мель*, *мол* и *мёл*, *мал* и *мял*.

...А теперь проделаем мысленно опыт. Что будет, если мама забудет завязать Гале розовый бант? Ее не отличить от Кали. Точно так же не отличить *д* от *т* в конце слова, которое звучит *прут*. Непонятно — то ли в нем купаться, то ли им гнать гусей на водопой или еще куда-нибудь?!

Геня тоже может надеть белую рубашку. Есть такие сочетания звуков, где не важно, какой согласный мы произнесем — твердый или мягкий. Например, слово *пась*: одни произносят его с твердым *с*, другие — с мягким *сь*. Я, например, произношу в этом слове *сь*: *пасьть*.

А к звукам *ш*, *ж*, *ц* белая рубашка, так сказать, приросла: они всегда твердые, у них нет мягких близнецов. И даже когда после буквы *ш*, *ж* или *ц* пишут мягкий знак, это делают только для того, чтобы мы с вами сразу поняли: слова *рожь* или *мышь* — женского рода и третьего склонения: *хвост мыши*, а не «мыша».

Й, *ч*, *щ*, наоборот, всегда ходят в клетчатой рубашке. Твердых близнецов у них нет.

Сравним теперь звуки *б*, *д*, *г*. Все они — звонкие, все — твердые. И все-таки они друг на друга не похожи. И немудрено: мы их произносим по-разному: *б* — губами, *д* — прижимая кончик языка к верхним зубам, *г* — напрягая мягкое нёбо. Согласные звуки так и называются: губные, зубные, нёбные. И это — еще один их признак: место, где они образуются.

Если вы читали «Конduit и Швамбранию» Льва Касиля, то, наверное, помните золотоволосую Таю Опилову, которая на одной из страниц повести говорит: *У бедя дасборг*. Что произошло? Она из-за простуды не могла правильно выговаривать те звуки, которые обязательно нужно произносить «в нос»: *н*, *нь*, *м*, *мь*.

Попробуйте произнести *н* не «в нос» — получится *д*. Попробуйте произнести *б* «в нос» — получится *м*. Значит, «в нос» и «не в нос» — еще один отличительный признак русских согласных.

Всего их, значит, четыре. Важно, звонкий или глухой; твердый или мягкий; где образуется (губной, зубной или нёбный); и наконец — носовой или нет. Все это можно изобразить на схеме:

Есть и еще один звук, похожий на *б*: это *в*. У них тоже только одно маленькое различие — маленькое, но важное: *Ваня* — не *баня*, *вал* — не *бал*!

Какое же это различие? Попробуйте тянуть звук *в*: *в-в-в-в*. А теперь *б*. Не получается? Потому *б*, *г*, *д*, *п*, *т*, *к* и другие звуки называются *взрывными*. А *в*, *ф*, *с*, *ш* — это *щелевые*: когда мы их произносим, воздух как будто протискивается сквозь щель. Только щель эта, как и взрыв, может быть в разных местах: между губой и зубами (*ф*), между языком и зубами (*с*)... *Ш* рождается еще глубже, и уж совсем глубоко, почти в глотке, получается *х*. Значит, на нашей картинке нужно нарисовать еще один звук — *в*. И написать около *б*: взрывной, а не щелевой!

...Обычно, когда говорят, что один язык не похож по звучанию на другой, думают: в этом языке есть какие-то особые звуки, а в том этих звуков нет. Конечно, бывает и так. Например, в лакском языке есть звук, который произносится глубоко в глотке, он взрывной и чуть-чуть «хрипящий»: в лакском алфавите его обозначают *хI*, например *хIулла* — «хитрость». Но большая часть звуков во всех языках похожа друг на друга! И в русском, французском, английском, немецком языках согласные звуки по большей части совпадают или очень близки. Даже такой, казалось бы, «русский» звук, как мягкое *хь* в слове *хихикать*, есть в немецком языке. А такой «английский» звук, как *дж* (имейте в виду: это не два, а один звук!), в русском языке встречается довольно часто. Вслушайтесь, к примеру, как вы произносите такое сочетание слов: *дочь бы пришла*!

Главная разница между языками не в отдельных звуках, а в тех «лентах», в том «цвете рубашки», которые различают один звук от другого.

Откройте «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина на той странице, где генерал-немец Андрей Карлович разговаривает с Петрушей, прочитав письмо его отца:

«Поже мой! — сказал он. — Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!»

Так же говорит по-русски немец-гувернер Карл Иванович в «Детстве» Льва Толстого: откройте эту книгу и посмотрите сами.

Как вы думаете, почему Пушкин и Толстой изобразили русскую речь немца именно так? Неужели в немецком языке нет звонких согласных? Если вы учите в школе немецкий язык, то сразу ответите: конечно, есть! Хотя бы в слове *baden* 'купаться'.

Да и на карте ГДР вы можете прочесть названия городов, где явно есть звонкие согласные: *Берлин, Дрезден*. А в ФРГ — *Бонн, Дюссельдорф*.

В чем же тогда дело?

Вслушайтесь в русский звук *д* — хотя бы в слове *да*. Сравните его со звуком *т* в слове *та*. Чувствуете, что звук *т* произносится сильнее, энергичнее, чем *д*? (Это установлено и специальными исследованиями.) Правда, чтобы правильно понять русское слово, сила звука совершенно не важна. Даже если мы будем специально произносить *т* слабо, а *д*, наоборот, энергично, *да* останется *да*, а *та* — *та*. Здесь важна звонкость, та лента, по которой мы отличаем Галю от Кали.

В немецком же языке все наоборот. Немцу совершенно не важно, есть звонкость или нет. Он отличает *d* от *t*, *b* от *p*, *g* от *k* по силе звука. Наши звонкие согласные для него прежде всего — слабые, а наши глухие — сильные.

Охотно верю, что это не сразу укладывается в вашей голове — так мы привыкли к тому, что звонкость важна, а сила звука — нет. И тем не менее это именно так. Рассказывают об одном трагическом актере, который в самый волнующий момент спектакля вскричал: *O Ende!* Это значит: 'О, конец!', то есть 'Все кончено!'. Но при этом он так нажал на звук *d*, что вместо слабого звука получил сильный. Зрители должны были проливать слезы, а они расхохотались: слово *Ende* слилось для их

слуха со словом *Ente*, где *t* — сильный звук. Получилось: 'О, утка!'

Значит, в немецком языке звонкость так же не важна, как в русском — сила звука. Немцу совершенно не важно, кроме того, мягкий звук или твердый. И когда немцев учат русскому языку, то одна из самых больших трудностей — научить их различать *b* и *bb*, *t* и *tt*, *n* и *nn*.

Теперь вдумайтесь: вот немец говорит по-русски. Возьмем любое слово, хотя бы *погода*. Русский звук *n* немец произнесет как сильный, а это значит для него глухой. Ясно, что мы услышим его тоже как глухой: *n*. А русские *g* и *d* он произнесет слабо. И наше ухо услышит что-то среднее между *g* и *k* или между *d* и *t*. Не понятно: не то звонкий, не то глухой. И слово *погода* в устах немца, говорящего по-русски, слышится нам так: *покота*.

Но в немецком языке *b* и *n* все-таки различаются, хотя и иначе, чем в русском! А вот, например, в корейском языке они вообще не различаются. Хотя в корейской речи вы можете услышать *b*, но сам кореец не сможет отличить его от *n*. И русское слово *папа* он услышит и произнесет так: *паба*. Потому что любой глухой согласный между двумя гласными в корейском языке становится звонким.

В корейском языке есть и еще одна очень интересная вещь. Помните, мы написали около русского *b*: «взрывной, а не щелевой!» Около корейского звука *n* — *b* такая надпись не нужна: в корейском языке нет ни звука *ф*, ни звука *в*. Правда, есть звуки *с* и *х*. В индейском языке итонама в Боливии вообще есть только один щелевой звук, и это *с*; зато в корякском языке на полуострове Камчатка как раз *с* и отсутствует. Лично мне известен только один язык совсем без щелевых: это тамильский в Южной Индии. В нем, правда, щелевые звуки время от времени встречаются, но только в заимствованных словах. Есть еще язык абелам на Новой Гвинее, где из всех щелевых есть только *ш*, похожий на русский звук *в*.

Я чувствую, что в ваших глазах загорается спортивный азарт! Может быть, можно зачеркнуть все наши надписи на картинке?!

Пойдем дальше. Или, вернее, пересечем горы, отделяющие восточный берег Новой Гвинеи от западного (а вместе с ними — границу между молодым государством Папуа — Новая Гвинея и Республикой Индонезия), и бросим взгляд на язык аснат — тоже папуасский. В нем нет носовых звуков! Вернее, они есть, но то, что они но-

совые, ничего не значит. Во всяком случае в начале слова они заменяются обыкновенными звонкими.

А место образования звука?

Вот тут-то я вынужден несколько охладить ваш пыл. Сколько бы мы с вами ни искали языка, где не было бы губных, зубных и нёбных,— такого языка мы не найдем.

А теперь я предложу вам несколько упражнений. Попробуйте произнести вот такой звук. Он начинается с легкого носового хмыканья. Потом переходит в звук, похожий на русское *г*. А заканчивается почти как *у* (или английское *ш*), только это не гласный, а часть согласного: *нГш*. Этот звук я нашел в языке форе, тоже на Новой Гвинее.

Поцокайте языком, как будто вы о чем-то сожалеете: *ц-ц-ц!* А теперь после первого цоканья прибавьте: *гам*. Получится слово. На готтентотском языке нама оно значит 'два'. В языках Южной Африки таких согласных много: цоканье в разных местах, чмокание, как при воздушном поцелуе, и совсем уж странные звуки вроде щелчков, но произносимые в задней части рта,— описать их вам я никак не решаюсь.

Зачем, впрочем, ездить так далеко? У нас в стране, на Северном Кавказе, живет небольшой народ — абазины. В их языке — абазинском — есть звук... Как бы вам объяснить? Произнесите *дж*, но не как два отдельных звука, а по-английски, в один звук. Произнесли? Теперь прибавьте после него *в*, тоже так, чтобы получилось не два (*дж + в*), а один звук. Готово? А теперь повторите его два раза подряд без перерыва: *джвджв*. Если это вам удалось, последнее задание: скажите слово *джвджв́рта*. Не можете? Слово самое обыкновенное, а значит оно 'прачечная'.

Ах, смогли? Тогда произнесите звук *к* так, как будто вы откашливаетесь. Теперь прибавьте к нему *в*. Получится абазинский звук, изображаемый так: *кIв*. Повторите его дважды. А чтобы вы совсем отчаялись, вот вам слово: *ачвы-кIакIв-ра*. Это глагол 'выдергивать'.

Ну, а гласные... Гласные еще больше похожи друг на друга. В том языке их больше, в другом меньше. Меньше всего их в том же абазинском языке — два: *а* и *ы*. Может быть, раньше в нем вообще был только *а*. Ученые думают, что когда-то в австралийском языке аранта тоже был один-единственный гласный.

НЕМНОЖКО О ФОНЕМЕ

В лингвистике четко различают два разных понятия. Даже три. Вот они: звук, звуковой тип, фонема. Что это такое?

Ну, что такое звук, в общем, понятно. Сколько раз я произнес *а*, столько получилось звуков.

А теперь мысленно соберем все звуки *а*, которые я произнес. Каждый из них будет чуть-чуть отличаться от других — хотя бы потому, что в разных словах, рядом с разными звуками *а* звучит не совсем одинаково. Но все равно это будет *а*! И если вы, читатели этой книги, будете произносить слова со звуком *а*, этот звук тоже можно легко узнать. Одним словом, в русском языке есть звуковой тип *а*: как бы ни отличались один от другого разные звуки *а*, звуковой тип все равно один. И произносится он по одним и тем же правилам, которые называются звуковой нормой языка.

Герой «Капитанской дочки» — немец, говоривший по-русски, нарушал как раз эту звуковую норму.

А что такое «фонема»? Это отличительные признаки звука (звукового типа), собранные вместе. Помните картинку со звуком *б*? Мы знаем: это звук звонкий, а не глухой; твердый, а не мягкий; губной, а не зубной; не носовой; наконец, взрывной, а не щелевой.

А вот про придыхательность ничего не было сказано. И не случайно. Этот признак — не отличительный: можно произнести *б* с придыханием после него, а можно без придыхания. Фонема будет все та же. А вот звуковая норма русского языка нарушится: никто не произносит *бочка* как «б*очка».

В русском языке — мы уже говорили об этом — *ж*, *щ*, *ц* всегда твердые. Но это — признак звукового типа, а не фонемы *ж*. Твердого произношения *ж* требует звуковая норма. А звуковой системе русского языка это безразлично: ведь нет такой пары слов, которая различалась бы только твердостью или мягкостью звука *ж*. И если человек, чей родной язык — тюркский (например, узбек или азербайджанец), произнесет какое-нибудь слово, скажем, *жир*, с мягким *ж*, он нарушит не русскую звуковую систему, а только норму.

Первым, кто в языкознании догадался разделить звук и фонему, был великий ученый Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845—1929). Я не случайно не сказал

«русский ученый»: по происхождению он был поляк (и на самом деле его звали Ян Игнаций Нецислав), по имени и отчеству — русский (потому что большую часть жизни прожил в России), а по фамилии — француз. Его предком был герцог Болдуин или Бодуэн — участник одного из крестовых походов; другими предками были не менее знатные графы де Куртенэ. Отсюда и фамилия.

Сто лет назад Бодуэн де Куртенэ впервые понял, что звук и фонема — не одно и то же. А само слово «фонема» придумал его ученик, Николай Вячеславович Крушевский, — помните рассказ о «Мемуаре» Фердинанда де Соссюра?

Бодуэн прожил длинную (он умер 84 лет от роду!) и непростую жизнь. В 30 лет он блестяще защитил диссертацию и имел уже мировую известность. Но в царской России поляку было не так-то просто получить место профессора — и Бодуэн провел десять лет в Казанском университете, в сущности — в глубокой провинции, почти «медвежьем углу». Затем он преподавал в Дерптском университете (теперь этот город называется Тарту), затем — в Краковском (тогда город Краков находился в Австро-Венгрии)... И всюду он приходился «не ко двору» своим независимым характером, несгибаемой принципиальностью и иступленным стремлением к справедливости. Таким людям, особенно когда они талантливы или даже гениальны, как Бодуэн, всегда придется трудно.

В первые годы нового, XX века Бодуэн де Куртенэ приехал в Петербург и надолго поселился там. Революционером он не был, но терпеть не мог реакционеров, черносотенцев: известен случай, когда он отказался присутствовать на ученом совете университета, потому что за тем же столом сидел один академик, написавший и напечатавший погромную антисемитскую листовку. «Или он, или я», — заявил Бодуэн. А в самые темные годы реакции, накануне первой мировой войны, он опубликовал небольшую брошюру, в которой требовал автономии (то есть частичной самостоятельности) для «малых», нерусских народов Российской империи. За эту брошюру его изгнали из университета и посадили на несколько месяцев в тюрьму. А в 1918 году, когда Польша стала самостоятельным государством, Бодуэн вернулся в Варшаву и до самой смерти жил там. Умер он в 1929 году.

А вот человека, который ввел в науку понятие отличительного (дифференциального) признака фонемы, я

знал лично. Его звали Роман Осипович Якобсон (1896—1982) Тот самый «Ромка Якобсон», о котором Владимир Маяковский ночи напролет разговаривал с советским дипкурьером Нетте, — помните стихотворение «Теодору Нетте — пароходу и человеку»? Он родился в России. Долго работал в советском посольстве в Чехословакии, а потом случилось так, что не смог вернуться на родину и до конца жизни скитался по разным странам. Умер он в США в начале 80-х годов едва ли не самым знаменитым лингвистом мира. Но до самого конца продолжал любить родную страну, старался сделать побольше хорошего для советской науки, часто приезжал в Москву. На могиле его написано: «Русский филолог». Это был человек большой душевной красоты и поистине невероятной образованности. Мало есть таких проблем языкознания, к решению которых он бы не приложил руку.

Знаю я и человека, который ввел в лингвистику понятие звуковой нормы. Его зовут Эухенио Косериу, и живет он в ФРГ, заслуженно считаясь одним из самых крупных лингвистов Европы.

ЗВУКИ В УПАКОВКЕ, ИЛИ ЧТО ТАКОЕ УДАРЕНИЕ

До сих пор мы рассматривали звуки, можно сказать, поштучно. Брали в руки, поворачивали во все стороны, сравнивали с другими...

Но в языке они никогда не выступают поодиночке. Конечно, в любом языке есть слова из одного звука. Вы уже должны сами сообразить, что этот единственный звук — обязательно гласный! А как же русский предлог *в*? — спросите вы. Но разве предлог — это слово? Учебник так утверждает? В следующей главе мы попытаемся показать, что он прав только отчасти.

Возьмем любой звук — скажем, *и*. В русском языке это союз. В латинском — языке древних римлян — глагол в повелительном наклонении: *i!* 'Иди!' Во вьетнамском — прилагательное: 'неподвижный'. В африканском языке эве — местоимение 'его' («он ищет его»).

Однако такие слова составляют в любом языке меньшинство. Обычно звуки надо упаковывать вместе, чтобы получилось слово.

Зачем же их «упаковывать»? — спросите вы. Поставить рядом, вот и все! Мы ведь уже знаем, что в разных

языках звуки соединяются по-разному. Соединим их по правилам русского, армянского, вьетнамского языков — и дело с концом!

...Мой отец в юности, как говорят, «на спор» сочинил стихотворение: в нем каждые две строчки на слух совпадают. (Больше он, по его утверждению, стихов никогда не писал.) Вот его начало:

Вечереет.

Вечер реет.

Из окошка

Иза, кошка,

На колена!

— На-ка, Лена...

Совпадают? И да, и нет. Потому что в первой строчке одно ударение, а во второй — два: *в́ечер ре́ет*. В третьей опять одно (предлог *из* — безударный). В четвертой снова два: *Иза, ко́шка*.

Я сказал: ударение. А что это такое?

Мы с вами говорим пока о русском языке. И ответ на мой вопрос должен быть такой: когда один слог (или, если хотите, один гласный звук) произносится сильнее других, это называется ударением. Добавим к этому еще одно уточнение: в любом русском слове есть такой (ударный) слог.

И русское ударение (точнее: такое ударение, как в русском языке!) так и называется — **си л о в о е**.

Но разве может быть какое-нибудь еще?

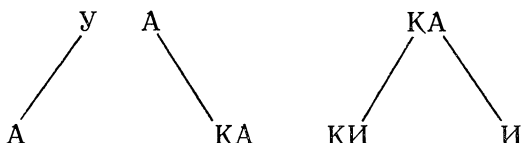
А почему бы и нет? Ведь нам важно упаковать звуки в одно целое слово. Чтобы можно было различить *вечереет* и *вечер реет*. А как это сделать — не важно: ведь *б* и *п*, как мы с вами видели, тоже можно различать по-разному — можно по звонкости, можно по силе...

Давайте снова попутешествуем по карте языков мира и посмотрим, нет ли такого языка, где ударение — не силовое, а какое-нибудь еще? Таких языков, оказывается, очень много. Например, японский. В нем ударение — **м у з ы к а л ь н о е**. Ударный слог отличается от безударного не по силе, как в русском, а по высоте тона.

Что это такое — высота тона? Певец исполняет популярную песню. Мелодия песни — это отдельные ноты, соединенные вместе. У каждой ноты своя высота тона — этим «до» и отличается от «ре», а «ре» — от «ми». И совершенно не важно — поет песню бас или тоненький тенор, рычит этот бас так, что дребезжат стекла, или напе-

вает песню вполголоса: нота остается той же нотой, у нее одна и та же высота. Иначе мелодия зазвучит фальшиво

У японского слова тоже своя мелодия, и ее можно изобразить нотными знаками. А еще нагляднее можно показать ее на рисунке. 'Я взял три слова: *ау* 'встречать', *ака* 'красный' и *кикаи* 'машина'.

Ученого, который первым открыл, что у каждого японского слова есть мелодия, звали Евгений Дмитриевич Поливанов (1891—1938). Он был учеником Бодуэна де Куртенэ. Поливанов знал несколько десятков языков — более того, свободно говорил на них! Его биография настолько увлекательна, что хочется написать о ней приключенческий роман... Сразу после Октябрьской революции он расшифровал и опубликовал в «Правде» и «Известиях» тайные договоры царского правительства. Затем заведовал всеми странами Востока в Наркомате иностранных дел. Затем вел партийную работу среди китайцев, живущих в Петрограде, был редактором первой китайской коммунистической газеты, организатором китайских добровольцев, сражавшихся на полях гражданской войны. В 1920 году он уехал в Ташкент. Через 6 лет вернулся в Москву и возглавил лингвистическую науку страны. Прошло три года — и тут-то стало ясно, что среди качеств, унаследованных Поливановым от его учителя Бодуэна, на первом месте была принципиальность. Дело в том, что к концу 20-х годов стало распространяться так называемое «новое учение о языке» академика Николая Яковлевича Марра, который попытался ввести марксистские положения в языкознание, но сделал это прямолинейно, вульгарно, без глубокого понимания сущности марксизма. К сожалению, «учение» Марра официально было объявлено единственно подлинной марксистской наукой о языке. Многие лингвисты, конечно, понимали, что это не так, но не рисковали в 30-е годы открыто выступать против. И только Поливанов ринулся в бой и публично сказал все, что думал, об учении Марра. За это он поплатился. Его сняли с работы, запретили издавать его книги, сам он вынужден был уехать в Среднюю Азию,

где в 1937 году был арестован и погиб. Первое и единственное издание его избранных работ вышло только в 1968 году, через 30 лет после его гибели. В эти годы ученый был посмертно реабилитирован.

Но вернемся к музыкальному ударению.

А почему бы, собственно, не использовать тот же принцип — музыкальный — и для других целей, например чтобы противопоставить один звук другому?

Согласный, конечно, не может иметь собственного тона. Потому он и согласный, что произносится с шумом, а шум — это смесь звуков разной высоты. А вот гласный... Тем более, что разных способов произносить гласные не так уж много: в русском языке их, как известно, всего-навсего шесть. Поэтому очень легко вообразить себе такой язык, где у каждого гласного есть свой тон, своя высота, отличающая его от других гласных.

Есть ученые, которые считают, что так было когда-то во всех языках и только потом многие из них потеряли свою «музыкальность». Но очень, очень многие ее сохранили: китайский, вьетнамский, многие другие языки соседних стран Юго-Восточной Азии, большая часть языков Африки, индейские языки Центральной Америки...

В таких языках (они называются *тональными*) у каждого гласного есть свой музыкальный тон. Если заменить его на другой, изменится смысл слова или целого предложения. Например, индейцы миштек рассказывают историю о том, как один испанец, плохо говоривший по-миштекски, послал индейцев принести для праздника пальмовых ветвей. А они пошли в горы, поймали там лисицу и принесли: 'пальмовые ветви' и 'гора, где водятся лисы' отличаются в этом языке только тонами, в остальном все звуки одинаковые. Такой же рассказ есть у готтентотов. Европейский миссионер произносил слово «бог — отец» с высоким тоном вместо низкого, и у него получался «бог — козел», что, естественно, вызывало у слушателей веселое настроение...

Музыкальный тон может отличать не только разные слова, но и разные грамматические формы. В африканском языке луба тоном различаются лица глагола (*ты* или *он*). В языке га, тоже в Африке, — утверждение и отрицание (*я делаю* — *я не делаю*). В языке яунде — времена (*я вижу* — *я видел*).

Когда язык музыкальный, это вызывает свои сложности. Например, как петь на этом языке?! Обычно мелодии

песен следуют в таких случаях за речевой мелодией (в китайском языке, у североамериканских индейцев навахо, у известных нам готтентотов нама и у яунде).

Но есть у тональных языков и свои достоинства. Можно «разговаривать» одними тонами! Конечно, понять такой «разговор» трудно. Но если можно примерно догадаться, о чем идет речь, достаточно тонов. Индейцы, говорящие на мазатекском языке, живут в узкой долине и поднимаются работать на склоны гор, окаймляющих эту долину. На таком расстоянии — через долину — особенно не побеседуешь, даже если кричать. Но свист можно услышать. И вот мазатеки насвистывают то, что хотели бы сказать. Например: «Откуда ты идешь?» — «Я иду из Хвайутла».

Еще одно достоинство тональных языков: стихи на этих языках никак нельзя читать «без выражения», монотонно. Однажды студент-вьетнамец пригласил меня к себе в гости, угощал вьетнамскими кушаньями и заводил вьетнамские пластинки. Послушав одну из них, я воскликнул: «Какая мелодичная песня!» Мой вьетнамский друг смутился (ему было неловко за меня!) и сказал: «Это не песня, это стихи...»

А теперь вернемся к русскому языку. Если вы были внимательны, то заметили: я немного покривил душой. Ведь нам важно не только понять, сколько слов — одно, два, три, нам важно, где кончается одно и начинается другое. Значит, мало, чтобы в слове было ударение. Должен быть и какой-то еще способ отметить границу слова.

Мне известно три таких способа

Самый простой: ставить ударение всегда в начале слова. Или в конце — это безразлично. Можно и на предпоследнем слоге — лишь бы мы точно знали, где. Тогда у нас нет никаких проблем: границу между словами надо искать или перед ударением, или после него, или через один слог после него

На первом слоге всегда стоит ударение, например, в чешском языке *Пра́га*, *Ка́рловы Ва́ры*, писатель *Ка́рел Ча́пек*, поэт *Ви́тезслав Не́звал*. Моего чешского друга зовут *Яромир*

Всегда на последнем слоге ударение в армянском языке: город *Ерева́н*, озеро *Сева́н*, художник *Мартиро́с Сарья́н*, поэт *Егиги́ш Чаре́нц*, имена моих армянских друзей — *Аве́т*, *Сейра́н*, *Овсеп...*

А в польском языке ударение всегда на предпоследнем слоге: *Вари́шава*, *Кра́ков*, *По́знань*, художник *Мате́йко*, поэт *Ту́вим*. Когда польское слово склоняется, то ударение переходит на нужный слог: не «в По́знани», а в По́знáни.

В русском языке, однако, у ударения нет постоянного места: *ко́рочка*, *ко́роба*, *карава́й*. Как же быть в этом случае?

Давайте возьмем какое-нибудь достаточно длинное русское слово. Ну хотя бы *каравай*. В нем написаны три одинаковые буквы *а*. Но одинаково ли мы произносим эти звуки?

Ударное *а* — «настоящее», оно слышится совершенно ясно. Ударение его сковывает, ему некуда «сбегать» — хочешь не хочешь, играй свою роль.

А вот другое *а* — в слоге *ра*. Ему легче: можно «сбежать». Но страшно: ударение слишком близко. Так что *а* поглядывает на дверь, но остается на своем месте. Это уже не настоящее *а*, оно немножко похоже на *ы*, немножко на *о*.

В слоге *ка а* чувствует себя совсем свободно. Оно уже совсем не похоже на ударное *а*: на слух вообще не разобрать, что это за звук. Если мы говорим медленно и отчетливо, следя за всеми звуками, оно на всякий случай остается на своем месте. Но как только мы начинаем торопиться и теряем бдительность, это *а* под шумок вообще «сбегает».

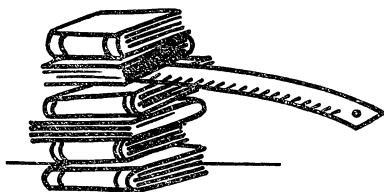
Так что на самом деле слово *каравай* произносится примерно так:

КаРАвАй

Ударное *а* ни с чем не спутаешь: *каравáй*, но *хорошó*. А вот *а* перед ударением не случайно немножко похоже на *о*: в том же слове *хорошо о* (в слове *ро*) совершенно не отличить от этого *а*! А самое «безответственное» *а* — в первом слове — в то же время и самое безликое. Чем дальше от ударения, тем менее отчетлив гласный.

Прделаем физический опыт. Положим несколько толстых книг одна на другую, а сверху очень длинную линейку, так чтобы один ее конец свободно свешивался. Чтобы линейка не упала, прикроем ее сверху еще книгами — так, как изображено на рисунке.

Под своей тяжестью свободный конец линейки отвиснет вниз. Пачка книг — ударение, линейка — русское слово. Чем дальше от книг, тем больше линейка отвисает вниз.

Вот какой хитрый способ есть в русском языке для того, чтобы узнать, где слово начинается или кончается! А в каждом новом слове — свое, новое распределение ударных и безударных слогов:

кОрАчка

каРАвАйя

Это второй способ. А третий какой?

В русском языке *а* и *и* вполне могут встретиться в одном слове: *пастилá*. А вот, например, в киргизском языке так не бывает. Если в первом слове *а*, то в других слогах

может быть только *а* или *ы*. Если *и* — то может встретиться только *е* или *и*. Возможны слова вроде *ата* 'отец', *азыр* 'сейчас', *ичек* 'кишки', но не бывает слов вроде «ати» или «ичак». Их не может быть и во многих других языках. Даже когда к слову прибавляется суффикс или окончание, оно подчиняется тому же закону. Например, в азербайджанском языке есть окончание *-ди* — оно обозначает прошедшее время глагола. Если в корне *и*, то оно произносится *ди*: *билди* 'узнал'. Но если в корне *а*, то окончание звучит уже иначе: *алды* 'купил'. Ну, а если в корне *у*, то получается окончание *ду*: *вурду* 'ударил'.

Такое явление называется в языкознании очень красиво: гармония гласных.

А как вы думаете: бывает ли гармония согласных? То есть если слово начинается с какого-то согласного, то и все остальные должны быть на него похожи? Все звонкие, или все глухие, или все щелевые, или все носовые?

Я — не знаю. Мне такие языки пока не встречались. Но почему бы им не быть?!

Глава 4

БЫВАЮТ ЛИ ЯЗЫКИ БЕЗ ГРАММАТИКИ?

КУДА СКЛОНЯЮТСЯ НАШИ СЛОВА?

Что такое склонение, вы хорошо знаете. Как любят говорить школьники, «это когда...». Когда что? Во-первых, когда в слове есть основа и есть окончание. Иначе говоря, когда есть такая часть, которая обозначает сам предмет: *стол-*, *всадник-*. И есть другая, которая к значению слова никакого отношения не имеет: она служит только для того, чтобы обозначить, как мы это слово используем в предложении.

Так ли? Ведь мы привыкли к тому, что именительный падеж обозначает того, кто действует или о ком говорится в предложении. Что стоит? *Стол*. Кто скачет? *Всадник*. Кто поймал мышь? *Кошка*.

Ну, а если *Мышь поймана кошкой*? Кто здесь действует? *Мышь*? Конечно, *кошка*. А о ком говорится? Вдумайтесь в это предложение. Тот, кто его произнес, явно хотел сказать не о мыши: то, что она поймана, нам уже известно, только раньше было не ясно кем. А теперь ясно кем: кошкой. А не фокстерьером, не ежом, не мышеловкой, наконец. Значит, здесь говорится не о мыши, а именно о кошке.

Так что окончание падежа у нас в русском языке указывает скорее на то, какую роль слово играет в предложении.

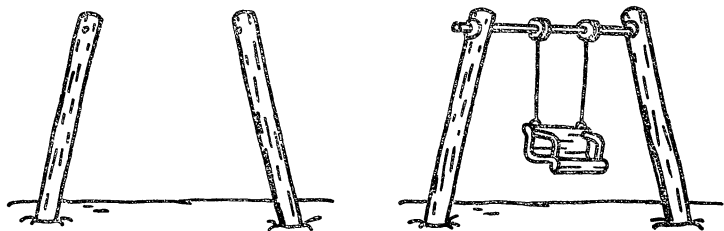
...Но это еще не все. Склонение, во-вторых, «это когда» у нас есть несколько разных падежей: именительный, родительный, дательный... То есть когда окончания могут менять — и получаются разные падежи. *Стол-а*, *стол-у*, *стол-ом*. А если их много — *стол-ов*, *стол-ам*, *стол-ами*. Таблица русского склонения напоминает класс, где столы поставлены в два ряда:

	левый ряд	правый ряд	единственное число	множествен- ное число
первый стол		именительный падеж	<i>стол</i>	<i>стол-ы</i>
второй стол		родительный падеж	<i>стол-а</i>	<i>стол-ов</i>
третий стол		дательный падеж И так далее.	<i>стол-у</i>	<i>стол-ам</i>

Мы говорим: слово склоняется. Прислушайтесь к этому термину. Что еще склоняется, наклоняется? (Кстати, латинское слово *declinatio* — его наши предки как раз и перевели словом «склонение» — можно перевести и иначе: отклонение, наклон, склон.)

Слово в именительном падеже никуда не наклоняется. Оно стоит прямо, как столб, вбитый в землю. Недаром именительный падеж в латинском языке так и назывался: *casus rectus* — прямой падеж. (Здесь есть противоречие. *Casus* ‘падеж’ происходит от глагола *cadere* ‘падать’. Значит, это падеж, который не падает, а стоит прямо!)

А теперь наклоняем наш столб. Он явно теряет устойчивость. И если вы видите — кто-то вкапывает столб не прямо, не вертикально, а с наклоном, легко догадаться: обязательно будет вкопан еще один столб, так что получится целая конструкция. Вероятно, это будут качели.

Слово в «прямом», именительном падеже может существовать и без других слов. *Стол. Кошка. Всадник. Кар-*

тинка, а под ней подпись: *Кошка*. Рассказ, который называется «*Кошка*».

Однако нельзя написать под рисунком: «Кошку». Или «Кошкой». Правда, на конверте мы пишем: *Маше Петровой*. Но к таким случаям мы еще вернемся попозже.

Кошку или *кошке* может встретиться только вместе с другими словами. Это слово будет устойчиво только тогда, когда мы «вкопаем» рядом с ним другой наклонный столб и построим качели или что-нибудь другое.

Миша — завел — себе — кошку.

Миша — налил — кошке — молока.

Кошке — нравится — молоко.

Миша — угостил — кошку — молоком.

Можно сравнить такие предложения еще со строительными лесами. Или с карточным домиком. Выньте из лесов балку или из карточного домика карту — вся постройка рассыплется. «Миша завел себе...» Такого не бывает. «Миша налил кошке...» Тоже не бывает. Постройка рассыпалась.

Заметим еще, что незаконченную конструкцию легко «достроить»: грамматические формы слов подсказывают, чего в ней недостает. *Миша завел себе...* Мы не знаем, кого именно. Щенка? Кошку? Но ясно, что в конструкции не хватает существительного в винительном падеже.

А как быть с надписью на конверте?

Это не единственный случай. Помните фильм «Берегись автомобиля!»? Герой этого фильма, которого играет артист Папанов, кричит: «Свободу Юрию Деточкину!» Но обратите внимание: дательный и винительный падежи здесь накрепко соединены с определенной ситуацией. Нигде, кроме письма, вы не употребите «самостоятельный» дательный падеж. И только если будете что-то требовать, причем очень настоятельно, вам понадобится «самостоятельный» винительный: *Вату!* (хирург во время операции) Впрочем, хирург может употребить и родительный, если ему нужна не вся вата, а только часть: *Ваты!*

Так что употребление «самостоятельных» падежей — это исключение, а не правило.

Если вы внимательно читаете мою книгу, то, вероятно, заметили: совсем не всегда падеж так уж необходим, и «вынув» склоняемое слово, мы не всегда разрушим пред-

ложение. *Я вернулся домой лесом. Уберем лес. Я вернулся домой.* И так можно сказать.

В определенных случаях можно сказать ведь и так: *Я вернулся домой через лес.* А во многих других случаях можно употребить примерно в том же значении и наречие: *Я вернулся домой поздним вечером.* — *Я вернулся домой к вечеру.* — *Я вернулся домой поздно.*

Кстати, *вечером* — это существительное или наречие? *Я вернулся домой поздним вечером* — здесь существительное, при нем даже есть прилагательное. А *Я вернулся домой вечером*? Не знаю, как вам, а мне кажется — это наречие. Вообще, когда существительное, с предлогом или без предлога, обозначает место, время, способ действия, оно маскируется под наречие. И их часто не отличить друг от друга.

Итак, в русском предложении могут быть необязательные слова. Но главное — то, что в нем есть слова необходимые, так грамматически связанные друг с другом, что ни одного из них нельзя вынуть, чтобы не рассыпалась вся конструкция.

Это свойство позволяет как угодно изменять и запутывать порядок слов в русском предложении. Ухватившись за любой «кончик», мы тут же все распутаем. Вот пример:

Петя бросил кошке рыбу.

Попробуем менять порядок слов. (При этом, правда, будут небольшие отклонения в смысле: то Петя, то кошка, то рыба будут «вылезать» на самое важное место, в центр нашего внимания. Но сейчас это для нас не важно.)

Петя бросил рыбу кошке.

Петя кошке бросил рыбу.

Петя кошке рыбу бросил.

Петя рыбу кошке бросил.

Петя рыбу бросил кошке.

Бросил Петя кошке рыбу (и заплакал).

Бросил Петя рыбу кошке (и затопал по дорожке).

Бросил кошке рыбу Петя (и куда пошел? Ответьте!).

Бросил кошке Петя рыбу (а она ему: «Спасибо!»).

Бросил рыбу Петя кошке...

Бросил рыбу кошке Петя...

Здесь (и в некоторых других примерах) я поставил в скобках возможное продолжение: чувствуете, что при

таком порядке слов без продолжения не обойтись?! Идем дальше:

Рыбу Петя бросил кошке.

Рыбу Петя кошке бросил.

Рыбу бросил кошке Петя...

Рыбу бросил Петя кошке...

Рыбу кошке Петя бросил...

Рыбу кошке бросил Петя...

Кошке Петя бросил рыбу (а собаке — мясо)

Кошке Петя рыбу бросил.

Кошке рыбу Петя бросил.

Кошке рыбу бросил Петя...

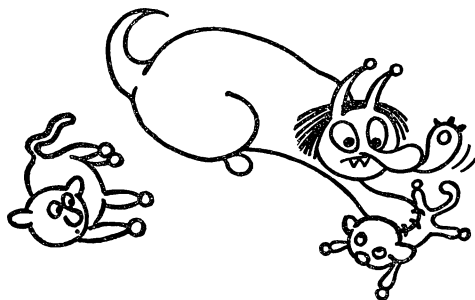
Кошке бросил Петя рыбу...

Кошке бросил рыбу Петя..

Легко подсчитать: получается 24 предложения — и все с одинаковым значением. И любое из них легко понять, потому что у нас есть «ключи» — окончания падежей. В любом из 24 примеров сразу видно, кто бросил, что бросил, кому бросил.

Известный советский языковед академик Лев Владимирович Щерба приводил в своих лекциях выдуманную им бессмысленную (казалось бы!) фразу. Вот она:

Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка.

Кто такая эта куздра, почему она глокая, что сделала с несчастным бокром и с его бокренком? Этого не знаете ни вы, ни я, да и сам академик Щерба едва ли знал. Но «расшифровать» строение этого предложения так же легко, как разобратся в строении фразы *Петя бросил кошке рыбу*. И это благодаря окончаниям.

Вернемся к Пете и его кошке. *Петя* — подлежащее, это вам ясно. *Бросил* — сказуемое. *Рыбу* — прямое до-

полнение (оно выражено винительным падежом без предлога). *Кошке* — косвенное дополнение. Все это — разные члены предложения.

Еще вам известно: *Петя, рыба, кошка* — все это существительные. А *бросить* — глагол. И то и другое — части речи.

Мы берем существительное и делаем его подлежащим или дополнением. Берем глагол и делаем его сказуемым.

Но не всякое подлежащее обязательно существительное. (Пример из учебника: *Курить вредно.*) и не всякое сказуемое обязательно глагол. (Это видно из того же примера.)

Когда мы склоняем существительное, мы можем забыть о том, какую роль оно играет в предложении. *Стол, стола, столу, стол, столом, в столе...* Другое дело, что из этого ряда мы можем «вынуть» какую-нибудь форму и использовать в предложении — так или иначе.

Склоняется существительное как часть речи, а не подлежащее и не дополнение. И спрягается глагол, а не сказуемое.

Вы спросите: для чего я говорю такие общеизвестные вещи, которые легко прочитать в школьном учебнике?!

Сейчас увидите.

НЕЛЬЗЯ ЛИ ПРОСКЛОНЯТЬ ГЛАГОЛ?

На севере европейской части нашей страны, в тундре, живут ненцы и говорят на ненецком языке.

В ненецком языке, как и в русском, есть глаголы, например: *харвась* ‘хотеть’. И есть существительные, например: *хасава* ‘мужчина’.

Существительные склоняются, глаголы спрягаются — все как полагается. Но...

Сравните: *харва-дм* ‘я хочу’ (точнее: ‘хочу-я’),
харва-н ‘хочешь-ты’,
харва-дамзь ‘хотел-я’,
харва-нась ‘хотел-ты’.

И рядом: *хасава-дм* ‘я мужчина’,
хасава-н ‘ты мужчина’,
хасава-дамзь ‘я был мужчиной’,
хасава-нась ‘ты был мужчиной’.

Иначе говоря, существительное в ненецком языке тоже спрягается!

Теперь вы сами можете ответить: если *мань Нина*дм значит 'я Нина', то как сказать *ты Нина* ('ты' — *пыдар*)? Правильно: *пыдар Нина*!

А если 'ты была Ниной' (а стала Ниной Петровной)? Естественно: *пыдар Нинанась*!

Продолжим упражнение. *Нюдя* — значит 'маленький'. Как сказать 'я маленький'? Конечно: *мань нюдя*дм.

Тикы — значит 'это'. Как сказать 'это был ты'? *Тикы пыдарась* (вообще-то должно было быть *пыдарнась*, но *н* после *р* пропадает).

И так далее. В сущности, ничто не мешает так же спрягать и наречие. И есть нганасанский язык (родственный ненецкому), где точно так же можно сказать: 'я где-тотамствую', 'ты где-тотамствуешь'... Еще в одном языке — кетском, в среднем течении Енисея, чтобы спросить 'где я?', 'где ты?', нужно проспрягать это 'где': 'я гдействую?', 'ты гдействуешь?'.

А нельзя ли, наоборот, просклонять глаголы? Почему же нельзя... Можно! Хотите примеры? В этом же кетском языке совершенно нормальны такие выражения:

сесолтебес 'сидев': *сесолте* 'он сидел' + *бес* 'окончание продольного падежа' (есть такой в кетском языке!);

туреовыдеге 'когда это было': *туре овыде* 'это было' + *ге* 'окончание предложного падежа';

конгонендил 'с тех пор как вы ушли'; *конгонен* 'вы ушли' + *дил* 'окончание исходного падежа'.

Вообразить все это очень трудно, но поверьте мне на слово (как я поверил покойному профессору Андрею Петровичу Дульзону, двадцать лет изучавшему кетский язык) — это так! Любое окончание падежа можно в кетском языке прибавить к глаголу.

Всю эту «путаницу» я привел не для вашего развлечения. Мне было важно, чтобы вы поняли одну очень простую вещь, и я даже попросил напечатать это крупным шрифтом:

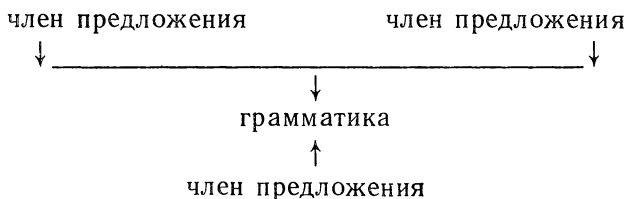
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СКЛОНЯЮТСЯ И СПРЯГАЮТСЯ ЧАСТИ РЕЧИ (существительное, глагол). Но В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ БЫВАЕТ и так, что СКЛОНЯЮТСЯ И СПРЯГАЮТСЯ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (дополнение, сказуемое). Тогда не важно, какая часть речи играет роль, скажем, сказуемого: будь оно существительным, или местоимением, или прилагательным, или числительным — оно все равно будет спрягаться.

Значит, в русском языке предложение выглядит так

А в ненецком так:

Но все равно ненецкое предложение, так же как русское, «держится» на формах изменяемых слов. И если известна только часть предложения, то его легко «достроить»: формы слов подсказывают, чего не хватает (подсказывают, конечно, тому, кто знает правила ненецкой грамматики — морфологии и синтаксиса).

Во всяком ли языке это можно сделать?

МАТЬ ВИДИТ ДОЧЬ

Мать видит дочь... Дочь видит мать... Кто кого, собственно, видит? В первом случае, наверное, та, кто видит, — мать. Во втором — та, кого видят.

Почему мы с вами так думаем? Ясно, почему: в первом предложении *мать* на первом месте. Во втором — наоборот.

В русском языке такая фраза, в которой подлежащее можно отличить от сказуемого только по его месту в предложении, все-таки исключительный случай. А вот во вьетнамском языке, наоборот, каждый раз приходится смотреть только на порядок слов.

Con be (дочь) — thay (видит) — nguoi me (мать).
Nguoi me — thay — con be (мать видит дочь).

То же самое? Но возьмем не мать, а отца, и не дочь, а сына:

Сын видит отца. Отец видит сына.

Никакой двусмысленности! А во вьетнамском языке?

Dua con — thay — nguoi cha.

Nguoi cha — thay — dua con.

Вы уже догадались, что во вьетнамском языке существительные вообще не склоняются. Именительный и винительный падежи нельзя различить: да и различать-то нечего — падежей нет! И в роли подлежащего, и в роли прямого дополнения будет одно и то же слово, неизменное, без окончаний — одна только основа.

Глаголы во вьетнамском языке тоже не изменяются. Спряжения, в сущности, вообще нет, как и склонения. Так что вместо *видит* здесь надо было бы поставить *вид* или *видеть*.

На чем же держится вьетнамское предложение?!

...Чтобы ответить на этот вопрос, я расскажу вам о моем вьетнамском друге Нгуен Дык Уи. Он по специальности психолог, изучал трудности, с которыми сталкиваются вьетнамцы, когда начинают учить русский язык.

Нгуен проделал опыты.

Он пришел к вьетнамским студентам, только начавшим заниматься русским языком, и дал им русское предложение: *Отец видит сына*. (Он брал, честно говоря, другие предложения, но для простоты я заменил их уже известными нам.)

Все его прекрасно поняли.

Тогда он переставил в нем слова: *Сына видит отец*.

Все решили, что это сын видит отца! Значит, ясно: когда вьетнамец учит русский язык, он не смотрит на окончания (вернее, его надо специально учить смотреть на окончания!). Порядок слов для него важнее.

Почему?

Нгуен взял длинное русское предложение. Написал его на длинном листочке бумаги, а потом разорвал этот листок пополам, вот так (я опять беру для примера предложение, которое мы с вами разбирали):

Затем он дал русским студентам первую половину листочка и сказал им: «Напишите, что может быть на оторванной половине».

Конечно, все написали разные слова: «*погладил спину*», «*налил молока*», «*дал попить*», «*принес рыбку*», «*отдавил лапку*». Но никто ни секунды не сомневался — на оторванной половине должно быть сказуемое. И, наверное, прямое дополнение.

Это-то и было нужно Нгуену. Тогда он задал задачу посложнее: показал вторую половину листочка и потребовал написать, что могло быть на первой.

Русские студенты не смутились и тут же начали сочинять самые различные начальные части предложения. Дело в том, что для каждого русского ясно, что в начале предложения должно стоять подлежащее. Такова типичная структура русского предложения, ясная для каждого знающего этот язык.

Тогда Нгуен написал на таком же листочке такое же (или похожее) вьетнамское предложение. Разорвал листок и дал вьетнамским студентам первую половину.

Все они легко и быстро восстановили, что могло бы быть на оторванной половинке.

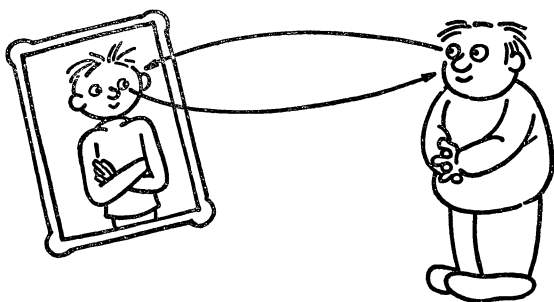
И тогда Нгуен сделал самое главное в проводимом эксперименте. Он дал вьетнамцам только вторую половину листочка и стал наблюдать за тем, как прореагируют его товарищи.

Если вы до сих пор не только читали, но и думали над прочитанным, то, наверное, уже догадались, что произошло. Вьетнамцы не смогли восстановить по «хвосту» предложения его «голову».

Почему? У вьетнамских слов ведь нет грамматических окончаний, да и глагол не отличишь сразу от существительного. *Thay* — это и 'видеть', и 'взгляд'. Поэтому вьетнамец рассуждает примерно так: «Это слово первое. Значит, это подлежащее. Это — второе. Значит, сказуемое. Это — третье. Значит, прямое дополнение». И так далее.

Ясно, чтобы так рассуждать, нужно знать, какое слово первое, какое второе... А если у вьетнамца в руках только вторая половина листочка, у него нет точки отсчета! Откуда ему знать: то слово, с которого начинается «хвост» предложения, — третье? четвертое? пятое? одиннадцатое?

Вот на чем держится вьетнамское предложение — на порядке слов. Потому-то студенты-вьетнамцы и не

смотрели на русские окончания и ошибочно решили, что *Сына видит отец* — это то же самое, что *Сын видит отца*.

НУЖНА ПРЕДИКАТИВНОСТЬ, ДЯДЯ!

В одной повести герой возвращается из армии в родной город. Дело происходит в августе, но он встречается на улице школьника вашего возраста, спешащего в школу. Выясняется, что у мальчика переэкзаменовка. По какому предмету? По русскому языку! Не смог сказать, что такое предложение. Герой начинает стыдить мальчика: так ведь просто! «... Выражает законченную мысль» и так далее.

Мальчик, рассказывает автор, посмотрел на героя повести с презрением и тоном превосходства разъяснил:
— Нужна предикативность, дядя!

Предикативность действительно нужна... А что это, собственно, такое?

Самый простой ответ: то, что делает предложение из кучи слов именно предложением.

Это может быть глагол-сказуемое. В нем предикативность с самого начала заложена — можно сказать, уже в словаре.

Это может быть определенный порядок слов. В монгольском языке *харь мор* значит 'вороной конь'. Никакого предложения пока нет. Переставим слова: *мор харь*. От одной только перестановки родилась предикативность — мы получили хоть и простейшее, но предложение: '*Конь вороной*'.

А вот в русском языке, даже если нет глагола, одного порядка слов мало. Нужна особая интонация, которую мы передаем на письме тире: *Конь — вороной*. В монголь-

ском языке интонация менее важна — зато обязательна остановка, пауза. *Балдан багш* — ‘учитель Балдан’. Если мы хотим превратить это словосочетание в предложение, надо сделать паузу: *Балдан... багш*. Тогда получится: *Балдан — учитель*.

До сих пор мы старались понять, как из отдельных слов при помощи волшебной палочки — предикативности — получить предложение.

Вообще-то для этого не нужно иметь отдельные слова. Как это ни странно. Просто мы в русском языке привыкли: чтобы вышло предложение, надо складывать друг с другом именно слова.

Но можно складывать корни, суффиксы, окончания! Как?

Возьмем папуасский язык гадсуп. (Кстати, вы, наверное, уже заметили, что я очень часто привожу примеры из языков Новой Гвинеи. Дело в том, что я ими специально занимался.)

Итак, язык гадсуп. Вот какие в нем бывают предложения. Мы будем, разбираясь в них, делать после каждого шага остановку:

поод-инда-у-и-ни.

Поод — это ‘свинья’. Прибавляем *инда* — это суффикс, показывающий, что свинье что-то принадлежит, как русское *-ин*: *мама — мамин*. Никакого предложения пока нет.

Прибавляем *у* — это окончание множественного числа. Теперь мы знаем, что свинье принадлежит несколько предметов. Но никаких намеков на то, что это законченное предложение!

Прибавляем *и*. Это окончание отличает имена существительные или личные местоимения. Получается что-то вроде ‘Они, принадлежащие свинье’ (а точнее: ‘Свинье — принадлежащие — они...’).

Прибавляем *ни*. Это окончание делает из всего набора — предложение! Больше оно ни для чего не нужно — оно предикативное. Если его прибавить, перевод будет такой: ‘Они, принадлежащие свинье, существуют’. Или проще: ‘Они принадлежат свинье’.

Хотите еще? Вот вам случай посложнее:

юнаам-па-тепи-ни.

Юнаам — ‘пища’. *Па* — суффикс, обозначающий место, получается ‘там, где пища’.

Те — суффикс, который переводится русским предлогом *из*. Значит, ‘оттуда, где пища...’.

Ли обозначает вопрос (как русское *ли*): 'оттуда ли, где пища...?'

Ни... Это окончание мы уже знаем. Оно как раз и делает предложение предложением: 'Не оттуда ли это, где пища?' (проще: 'Не из огорода ли это?').

У нас в СССР тоже есть языки, где все предложение состоит, в сущности, из одного слова. Но, в отличие от языка гадсуп, среди тех корней, которые в это слово-предложение «вставлены», обычно бывает корень глагола. Например, в чукотском языке: *мын-ныки-урэ-кэпл-увич-вэн-мык*. Это значит: 'давайте-ночь-долго-мяч-играть-мы'. То есть: 'Давайте ночью долго поиграем в мяч'. Все-таки здесь есть явный глагольный корень: *увичвэн* 'играть'.

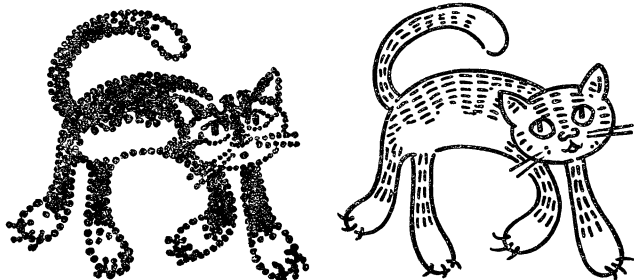
Остановимся здесь и подумаем вместе.

В третьей главе, как вы помните, мы пришли с вами к неожиданному выводу. То, чем звуки русского языка не похожи на звуки других языков,— это не какой-то особый «русский» способ их произношения, а то, чем они отличаются от других звуков того же русского языка! У русских звуков есть твердость и мягкость, а у английских или немецких нет ни того, ни другого. У русских звуков есть глухость и звонкость, а у немецких на их месте сила и слабость.

Потом мы убедились: русское ударение — совсем не единственный способ «упаковки» звуков в слово! Во-первых, оно может быть не силовым, а музыкальным. Во-вторых, есть и другие способы «упаковки»...

А в этой, четвертой главе (во всяком случае в той ее части, которую вы уже прочли!) мы обнаружили, что у русского языка не просто «другая грамматика», чем во вьетнамском, чукотском и многих других языках. Различны принципы, по которым построено предложение.

Это можно сравнить с рисунком. Взгляните на эти две картинки:

На них нарисовано одно и то же — легко увидеть, что это кошка. (Между прочим, языковеды почему-то очень любят приводить кота или кошку в качестве примеров. Не знаю, почему, но в любом учебнике языкознания — будь он написан по-русски, по-английски, по-французски — вам обязательно встретится *кот, a cat, le chat*. А если речь идет о человеке, почему-то его чаще всего называют Петром (или Пьером, или Питером). Я тоже, как видите, не смог избежать этой «моды». Кошка встречается на страницах книги уже во второй раз!)

...Итак, нарисована кошка. Точно так же смысл, содержание предложения *Отец видит сына* будет одинаковым в русском и вьетнамском языках.

Но слева кошка получается из черных и белых пятен, а справа — из черточек, черных штрихов на белой бумаге. Художник работал в разных манерах. Он пользовался разными принципами изображения, хотя изображал ту же самую кошку.

В русском языке для того, чтобы построить предложение, нужна грамматика. Точнее — морфология и синтаксис.

Во вьетнамском для этого нужен порядок слов. То есть только один синтаксис, без морфологии.

А в языке гадсуп нужна одна морфология, без синтаксиса!

Значит, на вопрос, бывают ли языки без грамматики, можно ответить по-разному. Это зависит от того, как понимать слово «грамматика».

Есть ли языки без такой грамматики, как в русском? Сколько угодно!

А вообще без грамматики? Конечно, нет. Звуки в слове обязательно нужно «упаковать», хотя это можно делать по-разному. Так же с предложением: построить его необходимо. Вопрос только в том, из чего и как его строить. Можно строить из слов. А можно прямо из корней, суффиксов, окончаний, минуя слово! Можно строить, соединяя слова друг с другом при помощи грамматических окончаний. А можно их соединять самым простым способом — ставя рядом в определенном порядке.

И даже если в языке есть грамматика, похожая на русскую, она может быть очень разной. Это может быть грамматика частей речи, как в русском языке. А может быть грамматика членов предложения, как в ненецком или кетском.

И, значит, нам очень важно разобраться, что это такое — часть речи. Для этого мы, как и раньше, сравним два языка. Один из них, конечно, русский. А о втором вы, наверное, не слышали. Он называется ток-писин.

А в общем-то довольно странно, что о нем никто не знает! Ведь на этом языке говорит полмиллиона человек, и с каждым годом — все больше. На нем выходят книги, газеты и журналы, ведутся радиопередачи, ставятся спектакли. И в парламенте государства Папуа — Новая Гвинея он так же принят, как английский язык.

Это язык, на котором папуасы разных племен, говорящие на различных языках, могут объясниться друг с другом. Он возник совсем недавно, лет сто тому назад, и в нем причудливо смешались слова и формы английского, одного из папуасских, да и многих других языков. Но это настоящий язык, без всяких скидок на молодость!

Но к нему мы вернемся. А пока снова вспомним наш родной русский язык.

Почему мы так уверенно говорим: вот это — существительное, это — глагол, это — наречие?

Существительное — потому что склоняется? Так? Да. И в то же время не совсем. Прилагательное, местоимение, числительное тоже склоняются! А *кенгуру*, например, не склоняется, хотя это несомненно существительное.

Существительное — потому что отвечает на вопросы: кто? что? Но опять-таки — местоимение тоже на них отвечает. Кто? *Он. Никто. Кто-то.*

Существительное — потому что обозначен предмет? Допустим. А как быть, например, со словом *бег*? Оно ведь обозначает действие!

Значит, поодиночке все эти признаки нам помочь никак не могут. А вот вместе... Действительно: *кенгуру* потому существительное, что означает предмет (точнее, существо) и отвечает на вопрос *кто?* *Бег* — потому, что склоняется и отвечает на вопрос *что?*

А что такое «склоняется»? Это значит, что у слова *бег* есть грамматические категории: падеж, число, род.

А у слова *бегать* другие категории: время, вид, лицо, число. Поэтому мы называем его глаголом.

В языке ток-писин все иначе. Там нет ни категории падежа, ни числа, ни рода. Времени (как грамматической категории, выраженной суффиксом или окончанием) тоже нет. И вида. И лица...

Вот русские слова: *старый*, *старик*, *стареть*. Они очень близки по смыслу. Но первое обозначает признак, второе — человека, третье — действие (а точнее, состояние). Ошибиться здесь трудно...

А в ток-писин слово *lapun* обозначает и 'старый', и 'старик', и 'быть старым'. Учтите, что оно не способно ни склоняться, ни спрягаться!

И мы переведем его так или иначе только в зависимости от того, на какой вопрос оно будет отвечать. То есть какую роль играет в предложении. Каким членом предложения является.

Значит, пока мы не «вставили» *lapun* в предложение, нельзя сказать, какая это часть речи. И та, и другая, и третья! В общем, то же самое во вьетнамском, китайском и многих других языках.

В русском языке член предложения зависит от части речи. У нас в руках глагол? Значит, надо сделать его сказуемым. Прилагательное? Сделаем его определением. Наречие? Пускай тогда оно будет обстоятельством.

В языке ток-писин часть речи зависит от члена предложения. Это слово — сказуемое? Назовем его глаголом. Это — подлежащее? Будем считать его существительным. Это — обстоятельство? Нам ничего не остается, кроме как признать его наречием.

Вы, вероятнее всего, уже привыкли к тому, что в языках все, или очень многое, может быть совсем непохожим. И для вас не будет неожиданностью, если я скажу: даже если в языке есть «настоящие» части речи, даже если мы с вами назовем их одинаково (это — существительное, это — глагол), одна и та же часть речи будет совсем разной в разных языках.

Глагол глаголу рознь. И существительное существительному рознь. Все зависит от того, какие грамматические категории оно «носит с собой».

ТРОЕ ДЕЛАЮТ ЧТО-ТО С ДВОИМИ, ИЛИ ЯЗЫК-БУХГАЛТЕР

У меня есть знакомый в Австралии. Его зовут Артур Кэпелл, и ему далеко за семьдесят. Профессор Кэпелл известен каждому, кто занимался языками народов Тихого океана. Каких только языков он не знает! От гавайского и таитянского до языков аборигенов Австралии.

В одной из своих статей он попытался разложить все языки, известные ему, «по полочкам». Таких полочек потребовалось три: три основных типа языков.

Два из них «определить» легко. В языках одного типа «богатое» существительное — «бедный» глагол. В языках другого типа «бедное» существительное — «богатый» глагол.

Чем «богатый»? Теми грамматическими категориями, которые он с собой носит.

(А где в этой классификации русский язык? Конечно, на первой полочке. Но он не характерен для нее: можно сказать, он на двух полочках сразу.)

Третий тип сложнее. Кэпелл назвал его так: языки «перечисляющие». Что они перечисляют? Да что угодно.

Русский язык обрисовывает все, можно сказать, решительными и крупными штрихами. Прошрое — настоящее — будущее время. Единственное — множественное число. Изъявительное — условное — повелительное наклонение. Первое — второе — третье лицо. Мужской — женский — средний род. Совершенный — несовершенный вид.

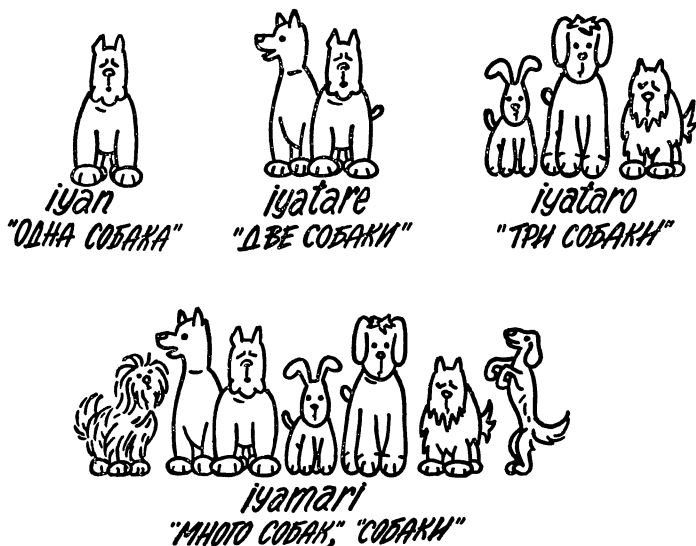
В языке насии глагольных времен девять. В русском языке просто: что сейчас — то настоящее, что прежде — то прошедшее. И не важно, было ли это минуту назад или тысячелетие, все равно прошедшее. *Делает — делал. Даже неандерталец делал.*

Насии скрупулезно различает, как уже сказано, девять форм. Вот они:

1. Давно прошедшее время (более трех дней назад)
2. Не так давно прошедшее время (день-два назад)
3. Недавно прошедшее время (от вчерашнего вечера до данного момента).
4. «Обычное» прошедшее время (вроде русского *говаривал*).
5. «Обычное» настоящее время (*обычно говорю*)
6. Просто настоящее: *говорю (сейчас)*.
7. Продолженное настоящее: *говорю, говорю...*
8. Ближайшее будущее: *вот-вот заговорю*.
9. Просто будущее: *буду говорить*.

С числами (имени существительного, прилагательного, глагола, местоимения) русскому языку, можно сказать, повезло. Всего две формы числа — единственное и множественное. *Собака — собаки*. Коротко и ясно: если одна — *-а*, если больше — *-и*.

Но вот язык ава (та же Новая Гвинея!). Вот какая там система:

Целых четыре формы числа вместо двух! Зато не нужно объяснять, сколько собак.

Бывает и совсем наоборот — нет категории числа... Просто нет! Конечно, люди, говорящие на таких языках, понимают разницу между одной собакой и несколькими. Но никакими специальными окончаниями они эту разницу не выражают.

Вот язык йоруба в Нигерии. «Собака» на этом языке называется *aja* (*j* произносится не как в немецком — *й*, а как в английском языке — *дж*). Это — если одна собака. Чтобы сказать 'собаки', африканцы йоруба просто ставят перед *собакой* местоимение 'они': 'они собака' — *awon aja*. А если нужно точно сказать, сколько собак, это выглядит так: *aja meta* 'собака три', то есть три собаки.

В бирманском языке тоже нет числа, но бирманцы выходят из положения иначе. В их языке есть слово *lu* 'человек'. Чтобы сказать 'несколько' или 'много' людей, надо употребить одно из двух окончаний. Если этих людей можно пересчитать ('люди вошли в дверь', 'все люди деревни собрались на площади'), то нужно окончание

-*туа*: *lutua*. А если их пересчитать нельзя и имеются в виду вообще люди, человечество, — окончание *-do. ludo* (например, 'люди произошли от обезьян', 'люди вышли в космос'). Это окончание обозначает не множественное число, а собирательность. В чем разница между этими категориями? Поясним примером: множественное число легко обнаружить в слове *крестьяне*, а собирательность — в слове *крестьянство*.

У бирманцев есть еще одна интересная для нас особенность языка. Когда они употребляют числительное, то обязательно прибавляют так называемые счетные слова.

Мы, русские, тоже иногда так делаем: *пять человек детей, шесть штук портфелей, тридцать голов скота, десять названий книг...* В бирманском языке таких счетных слов гораздо больше и они, в отличие от русских, обязательно употребляются. Вот примеры. Если предмет круглый или близок по форме к круглому, употребляется счетное слово *лоун*: «кувшин-один-лоун». Если он длинный, вытянутый — *чаун*: «авторучка-четыре-чаун». Если длину этого предмета можно измерить — *син*: «река-одна-син». (Сам не понимаю, почему нельзя измерить авторучку? Видимо, дело в том, что у реки длина важна, а у авторучки нет.) Людей считают при помощи *йау*, животных — *кау*. Отдельные счетные слова есть для особо уважаемых людей (например, стариков), для князей, царей, монахов, священников; для плоских предметов (скажем, циновок); для средств передвижения (допустим, автомобилей); для зданий; для чего-то написанного или напечатанного (письма, газеты, книги); для предметов одежды (рубашек, в частности).

Числительные — вообще удивительно интересная вещь. О них можно написать не одну популярную книгу! Например, знаете ли вы, что в русском, да и почти во всех других европейских языках, есть слова, которые обозначают определенное число определенных предметов? И не всякие предметы, а только эти можно «пересчитать» таким словом? Покупая яйца, вы не говорите «двадцать яиц», а только: *два десятка*. А в немецком языке есть, например, такие слова: *Mandel* — '15 снопов'; *Stiege* — '20 снопов', то же слово для 20 кусков холста; *Schock* — '60 предметов'; если у нас 600 яиц, говорят (и только в этом и подобных случаях): *zehn Schock Eier* — '10 «шок» яиц; *Wall* — '80 рыб'; *Zimmer* — '40 или 50 шкур'

И ТАК ДАЛЕЕ

1. МААКУБ
2. АЛОБ
3. АСУНО
4. КАЛБИНИИМ
5. ООКАЛ
6. БИКУБКАЛ
7. БАНКАЛ
8. ИФАНКАЛ
9. ТУКАЛ
10. НАКАЛКАЛ
11. КУМКАЛ
12. ТУЛУНКАЛ
13. ТИИНКАЛ
14. МИТКАЛ
15. ТИИН МИЛИНФОКО
16. ТУЛУН МИЛИНФОКО
17.
18.

Но вернемся к нашей теме. Образцовый «перечисляющий» язык — это кивай, тоже папуасский. Он умудряется с бухгалтерской точностью обозначить в глаголе специальными окончаниями не только количество действующих лиц (то есть число в нашем, русском, понимании), но и количество тех лиц, на которых действие направлено. Чтобы проиллюстрировать, как это делается, придется нарисовать, как ‘мы’ что-то производим с ‘ними’... Что? Ну хотя бы догоняем (это легче нарисовать). Чтобы вы не запутались, я буду приводить по-кивайски только нужные окончания. Итак, по-русски будет один, общий для всех вариантов: *Мы догоняем их.*

А по-кивайски получится так:

-Мы догон — дуруду их!-

-Мы догон — дурумо их!-

-Мы догон — амадурудо их!-

-Мы догон — нендурудо их!-

Прибавьте еще один комплект — для прошедшего времени!

С числом, кажется, все ясно?

Переходим к наклонению! Вы уже опять ждете какого-нибудь подвоха — и правильно делаете. И даже догадались, что подвоха этого надо ожидать с Новой Гвинеи. Язык гули в этом отношении особенно показателен.

Возьмем, например, предложение *Он ел*. Для нас с вами совершенно безразлично, откуда мы об этом узнали, — глагольная форма будет одна и та же (разве что прибавим какое-нибудь слово: *Говорят, он ел*). А для папуаса гули это совершенно не безразлично.

Если папуас собственными глазами видел, как кто-то ел, он употребит глагол в одном наклонении — вроде нашего изъявительного.

Если видеть он этого не видел, но присутствовал при еде и как-то иначе воспринимал происходящее (ну, скажем, сидел отвернувшись и слышал, как кто-то жевал) — нужно другое наклонение.

Если наш герой из племени гули пришел к кому-то и увидел обедки или какие-нибудь другие прямые доказательства того, что здесь ели, полагается третье наклонение.

Если обедки были и наш папуас гули сам их видел, но затем их, как полагается в приличном доме, убрали и сейчас их нет, он должен употребить четвертое наклонение.

Если остатки еды он не видел и вообще нет прямых доказательств того, что кто-то ел, но зато есть косвенные доказательства (например, очаг еще горячий, или не убрана посуда, или не выветрился запах), требуется наклонение номер пять.

Если никаких доказательств не существует, но логика подсказывает, что кто-то никак не мог не есть (я знаю, что он вернулся из путешествия, всю дорогу не ел, а в доме у него полно продуктов), для такого случая имеется еще одно — шестое наклонение.

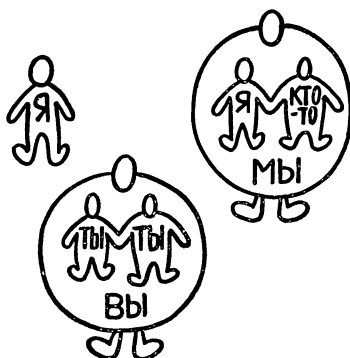
Можно обратиться и к более близкому нам языку — абхазскому. В нем есть «призрачное» наклонение (так оно и называется!): оно требуется, когда кому-то что-то кажется, мерещится...

Что у нас теперь на очереди? Лицо?

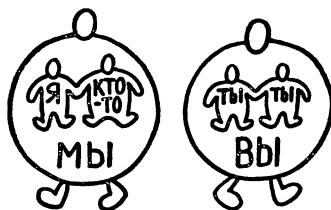
«МЫ» — МНОГО «Я»?

Русский глагол знает три лица в двух числах: *я иду, ты идешь, он (она, оно) идет, мы идем, вы идете, они идут*.

Строго говоря, это не совсем так. *Они* — это действительно 'он во множественном числе'. (Кстати, раньше в русском языке различались 'он-много' и 'она-много': для первого было местоимение *они*, а для второго — *оне*. Еще Пушкин употреблял *оне*.) Покрывив немножко душой, можно даже согласиться, что *вы* — это 'ты во множественном числе', хотя это не совсем так. Но *мы* — это уже никак не 'множество я'! Ясно: *я* — одно, и никак не может быть 'несколько меня'. *Мы* — что-то другое. Может быть, «я плюс кто-то еще»? Давайте представим себе это наглядно:

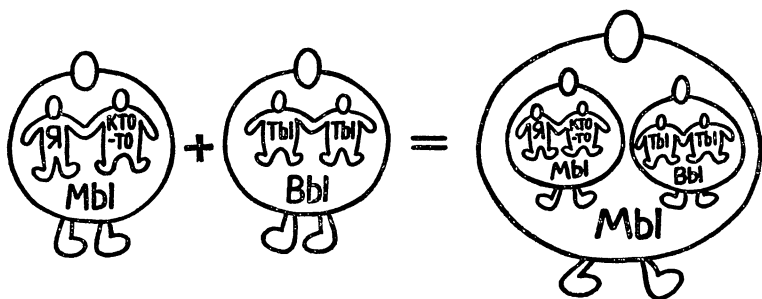

По-русски получается так:

Например: *Мы* (я и кто-то еще) *пойдем в зоопарк, а вы отправитесь в Дом пионеров.*

Может быть и иначе:

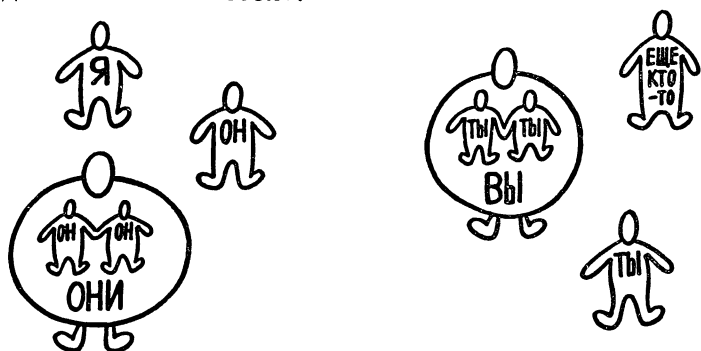

Вы зайдете за нами, и мы (я, кто-то еще и вы) *пойдем в зоопарк.*

По-русски, значит, нет никакой разницы между «*мы* — не *вы*» и «*мы* + *вы*».

Нарисуем это еще раз, прибавив «их», и еще нарисуем отдельно «его» и «тебя»:

В кабардинском языке есть следующие лица (и особые глагольные формы!). Выпишем их, как говорят в школе, «в столбик»:

«я с ним»	«мы с ним»
«я с ними»	«мы с тобой»
«я с тобой»	«мы с вами»
«я с вами»	«мы с ними»
«ты с ним»	«вы с ним»
«ты с ними»	«вы с ними»
«ты со мной»	«вы со мной»
«ты с нами»	«вы с нами»
«он с ним»	«она со мной»
«он с ними»	«они с нами»
«он с тобой»	«они с тобой»
«он с вами»	«они с вами»
«он со мной»	«они с ним»
«он с нами»	«они с ними»

Мне жалко художника и жалко места в книге. Вы и сами легко можете, взяв лист бумаги и карандаш, наглядно изобразить все эти возможности.

Даже если такой запутанной картины нет, есть всяческие странности в лицах. Странности, конечно, только с нашей, русской точки зрения. «Мы — не вы» и «мы + + вы» — это характерный пример; в большинстве языков они различны настолько, что для них есть особые местоимения, вроде «мы-1» и «мы-2» (а кабардинский глагол пользуется все-таки не особыми местоимениями, а просто их суммирует: «мы + ты», «они + мы»). Иначе говоря,

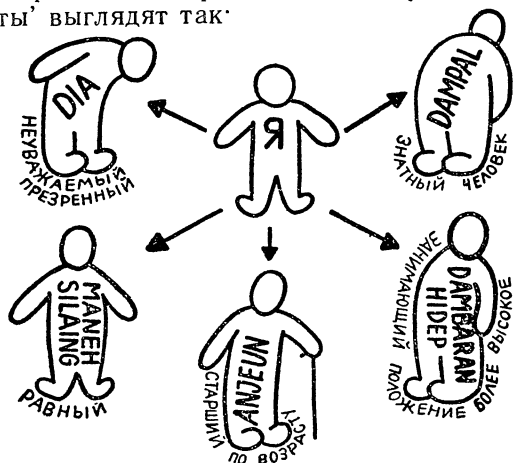
«мы без тебя (вас)» и «мы вместе с тобой (вами)» — совсем разные вещи, и в русском языке (или в английском, французском, немецком) они просто совпадают. Скажем, в малайском языке ‘мы без тебя’ *kami*, а ‘мы с тобой’ *kita*.

Он бывает разным. В языке индейцев квакиутль есть три разных он: ‘он — рядом со мной’, ‘он — рядом с тобой’ и ‘он — рядом с ним’. Кроме того, есть ‘он-видимый’, ‘он-невидимый’ и ‘он-отсутствующий’.

Ты в русском языке все равно ты, обращаемся ли мы к женщине или мужчине. (А в третьем лице, как известно, это различие важно: он — она.) Но во многих языках есть ‘ты-женщина’ и ‘ты-мужчина’ — например, в африканском языке хауса. А есть, кстати, и такие, где нужно сказать ‘я-мужчина’ или ‘я-женщина’: это, скажем, язык сайбалгал в Австралии: *pai* и *pazo*. (Кстати, мы по-русски ведь тоже различаем — Я делал и Я делала. Правда, местоимение одно и то же.)

О двойственном и тройственном числе я уже говорил. Бывает еще и «четверственное», во всяком случае в глаголе. Значит, у нас будут разные формы: «мы-двое-идем», «мы-трое-идем», «мы-четверо-идем», «мы-многие-идем»..

Но самое главное, что в личных местоимениях выражаются, и очень ясно, общественные отношения людей. Когда мы называем кого-нибудь на «ты» или на «вы», здесь уже сказываются эти отношения. «Ты» — это близкий родственник, сверстник, младший, близкий друг. «Вы» — старший, посторонний. А в сунданском языке разные ‘ты’ выглядят так:

Разберемся подробнее. *Dampal* — это нечто вроде ‘ваша светлость’, ‘ваше высочество’. *Gambaran* — ‘вы’, но не всякое ‘вы’, а только ‘вы — более высокопоставленный’. *Hider* — ‘вы высокопоставленный’, если говорящий старше. *Anjeun* — обращение к равному по положению. но более старшему или вообще уважаемому. *Maneh* — простое ‘ты’, обращенное к сверстнику или человеку, равному по положению. *Silaing* — то же, но более грубо: ‘ты, брат...’ А *dia* звучит уж совсем унижительно: ‘эй ты, там!’

Чтобы заодно с лицом покончить и с личными местоимениями, замечу, что в русском языке я может употребляться в разных смыслах: ‘просто я’, ‘именно я’ и так далее. Русский язык в подобных случаях прибавляет к я разные частицы: *я-то*, *я ведь*, *я же*. А язык вери — опять папуасский — имеет особые местоимения. В нем есть:

- 1) просто я,
- 2) только я, именно я,
- 3) я, делающий это; активный я,
- 4) я тоже (я тоже буду спать),
- 5) и я (вы пойдете — и я),
- 6) я ли?
- 7) я где?

Плюс еще ‘меня’, ‘для меня’ (особая форма), ‘я сам себя’ (вроде русского *сь* в *моюсь*), ‘со мной вместе’ и, конечно, ‘мой’.

«ДЕТСКИЙ РОД» И «ПЛАВАЮЩИЙ КЛАСС»

Очередная категория — род. Давайте сразу договоримся: нет в русском языке никакого рода.

Как это нет? Учебник говорит, что есть!

Ладно, есть. Если считать, что женщин мы обозначаем при помощи женского, а мужчин — при помощи мужского рода: *он* (Иван Иванович), *она* (Марья Петровна). *Девочка* (она). *Мальчик* (он). *Кот* (он). *Кошка* (она). *Я* (девочка) *читала*. *Я* (мальчик) *читал*.

Еще есть *оно*. Среднее — ни мужчина, ни женщина, ни мальчик, ни девочка. Нечто неодушевленное.

Но беда в том, что почему-то по-русски *ножик* — мужского рода, *вилка* — женского, ну а *блюде*, как ему и положено, среднего. Чем ножик более «мужествен», чем вилка?! Почему вилка — да и ложка — *она*?

То ли дело английский язык! Там нельзя сказать про ножик (*knife*) *he* ‘он’, а про ложку (*spoon*) — *she* ‘она’:

нужно говорить только *it* 'оно'! *He* — это только 'он — мужчина', а *she* — 'она — женщина'. И чтобы сказать *кошка*, англичанин прибавит к слову *cat* 'она': *she-cat*. Вот язык, в котором есть род — и именно род.

А в русском языке скорее всего не род. А что?

Вы знаете, что в русском языке все существительные относятся к одному из трех склонений. Можем ли мы сказать, что склонение — это грамматическая категория существительного? И да, и нет. Все зависит от того, как мы подойдем — формально или по существу. Формально — да, категория: ведь окончания будут разные. А по существу? А по существу склонение ничего общего не имеет со значением слов. Почему *дядя* первого склонения, а *племянник* второго? Почему *дочка* первого склонения, а *дочь* третьего?

Так же обстоит дело и с родом русских существительных. Эта категория в большинстве случаев так же формальна, условна, как и склонение. В самом ножике или самой вилке нет ничего мужского или женского: просто мы с вами договорились, что ножик — *он*, а вилка — *она*. Потому-то в русском языке так часто слова переходят из мужского в женский род и наоборот, особенно когда по внешней форме их род различить трудно. *Рояль* когда-то была 'она', а теперь стал 'он'. *Мышь*, конечно, 'она', но как часто ошибочно говорят: «Кот поймал мышá!» В XIX веке было слово *кофий* мужского рода. А сейчас большинство русских совершенно спокойно говорят про *кофе* 'оно'. (И, по-моему, совершенно правильно делают. Специалисты по русскому языку долго этому сопротивлялись, а сейчас понемногу сдают позиции. В новейших словарях допускается употребление *кофе* не только в мужском, но и в среднем роде.)

Если все-таки эту русскую категорию мы с вами назовем родом, а потом посмотрим на другие языки, то увидим вот что. Род не обязательно связан с полом — мужским или женским! Существительные можно «распределять» и совсем по другим «ячейкам».

В африканском языке масаи два рода (лучше называть их, как делают в науке, не «родами», а «классами») Один из родов, или классов, включает все большое и сильное. Другой — все маленькое и слабое. *Ol tungani* — это большой и сильный человек, а *en dungani* — маленький и слабый человечек. В языке масаи не мужской и женский, а «сильный» и «слабый» роды!

Теперь сделаем пробежку по карте языков. Язык монумбо на Новой Гвинее «ближе всего» к русскому: там тоже три класса плюс еще два: «смешанный» и ...«детский»! А его сосед — язык асма, пожалуй, самый далекий от русского. В нем тоже, как в монумбо, пять классов, но совсем других: предметы стоящие, сидящие, лежащие, плавающие и летающие.

Как это? Очень просто.

Слова, обозначающие вот такие предметы, относятся к «стоящему» классу:

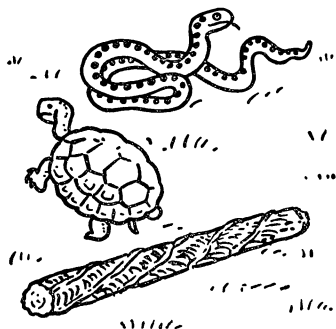

Слова, обозначающие такие вот предметы, — «сидящего» класса:

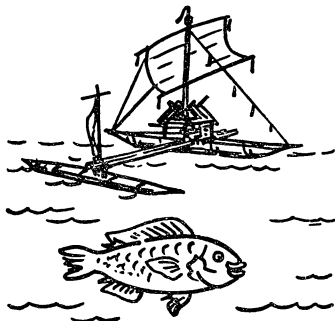

Самое интересное, что к «сидящему» классу относится слово со значением 'женщина' и другие слова, обозначающие женщин. Значит, для папуаса асма мужчина представляется стоящим, а женщина — сидящей

Вот такие предметы дают «лежащий» класс:

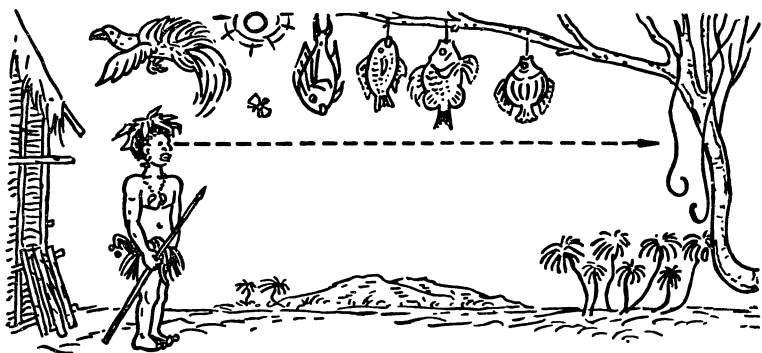

Слова, обозначающие вот эти предметы, — «плавающего» класса:

Сюда же относятся и сами реки.

А «летающие» предметы (или, точнее, слова «летающего» класса) — не только птицы, бабочки, но и солнце, луна, звезды. И еще все, что висит под крышей (и сама крыша!) или лежит на чердаке. Одним словом, дело не в том, что они способны летать, а в том, что находится выше направления взгляда:

...Перенесемся в Африку. Язык луганда. В нем классов... Я начал считать и сбился, потому что не ясно: считать ли множественное число отдельно? Во всяком случае в этом языке есть следующие классы. (Вы, надеюсь, помните, что это то же самое, что школьный учебник называет «родом»?)

Названия людей: *отш-ана* 'ребенок' (род здесь обозначается приставкой!).

Названия растений и деревьев.

Названия особенно больших предметов: не просто 'плод манго', а 'крупный плод манго'.

«Собирательные» названия, которые считать нельзя: 'вода', 'молоко', 'жир'.

То, что создано человеком: вещи, дома.

Названия животных.

Названия длинных, тонких или плоских предметов: 'мост', 'пальма', 'бумага'.

Слова, обозначающие совсем маленькое количество чего-либо. Если 'вода' *ата-zzi* («собирательный класс»), то с другой приставкой — *оту-zzi* — то же слово будет значить 'капля воды' 'Масло' — 'пятнышко масла' 'Соль' — 'щепотка соли'.

Слова, обозначающие маленький размер: *aka-ana* 'младенец'. (Взгляните на самый первый из перечисленных классов!)

Названия продуктов и кушаний: 'мука', 'каша'.

Названия действий: 'хождение', 'счет'.

...Кавказ. Маленький (не более тысячи говорящих!) дагестанский язык — арчинский. В нем четыре класса.

К первому относятся названия мужчин и всяческих мифических существ: бог, черт, ангел. Ко второму — только названия женщин. Пока все легко.

Трудность начинается с третьего класса: к нему относятся, во-первых, названия взрослых животных, во-вторых, злаков и еще гороха. А к четвертому — названия молодых (и вообще мелких) животных (например, 'тенок', 'заяц') и названия металлов.

Все остальные слова без всякой явной логики (как в русском языке!) распределяются по третьему и четвертому классам. Не ясно, почему 'абрикос' того же класса, что 'бык' или 'корова', а 'груша' — того же, что 'заяц' или 'свинец'...

А в соседнем с арчинским табасаранском языке — три рода, как в русском.

СОВСЕМ НЕМНОЖКО О ВИДЕ ГЛАГОЛА

Совершенный и несовершенный виды глагола — самое трудное для студентов-иностранцев, изучающих русский язык. Им нелегко понять, в чем разница между *прыгал* и *прыгнул* и почему то же самое значение в другом глаголе выражается совсем другим способом — *бежал* и *побежал*.

В сущности, никакой особой трудности здесь нет. Хотя виды могут выражаться по-разному, но их всего два.

А больше бывает? Не только бывает — виды могут быть совсем иные, чем в русском языке.

В языке коми, на котором говорят жители Коми АССР на северо-востоке европейской части нашей страны, три вида. Но среди них нет ни совершенного, ни несовершенного! Вот они.

Временный вид означает действие, которое происходит один раз и потом закончится. *Сета* значит 'дам'. *А сетла* означает 'дам на время' (а потом возьму обратно).

Уменьшительный вид означает действие, которое происходит, так сказать, чуть-чуть. *Сетышта* значит 'дам

немножко'. *Шонта* — 'грею', а *шонтышта* — 'слегка погрею'.

Многократный вид, как ясно из самого названия, означает действие, совершающееся многократно с промежутками, вроде *стучать* (по сравнению со *стукнуть*).

В разных языках есть и другие грамматические категории, которые можно при желании сблизить с категорией вида. В грузинском языке есть категория, которую называют «версией». И по-грузински употребляются разные глагольные формы, если я пишу вообще, или я пишу для себя, или я пишу для кого-то другого. Там же есть категория «контакта». *Виткви* значит 'я скажу', а форма *ваткмэвинд* — 'заставлю его сказать'.

В языке бонгу, который впервые описал выдающийся русский путешественник и ученый Н. Н. Миклухо-Маклай (1846—1888), есть особые формы: *gine-ur-ar* 'приходить всем вместе', *gine-mar-ar* 'прийти слишком рано или слишком поздно'.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай был великим мечтателем... Он не только изучал языки и обычаи различных народов Океании, не только долгое время прожил среди папуасов и оставил по себе благодарную память — он боролся против колониализма, за то, чтобы папуасы Новой Гвинеи имели свое, самостоятельное государство. Тогда, сто лет назад, это вызывало только насмешки. Но наступил день, когда над небольшим зданием в городке Порт-Морсби взвился флаг с изображением райской птицы. Это был день провозглашения нового государства — республики Папуа — Новая Гвинея. И имя русского ученого Миклухо-Маклая, великого гуманиста, борца за равенство всех людей на земле, в этом государстве помнят и чтят. До сих пор в тех местах, где побывал Миклухо-Маклай, устраиваются праздники в его честь, передают из уст в уста рассказы об этом человеке редкого обаяния и трудолюбия. Его жизнь, полная замечательных дел, драматических событий, сохраняет для нас и сейчас, через столетие, интерес. Описания путешествий, статьи и письма Н. Н. Миклухо-Маклая, рассказывающие о народах, населяющих острова Океании, о их быте, языках, нравах, обычаях, до сих пор читаются с огромным интересом, являются одним из авторитетных источников для всех ученых, занимающихся изучением этих народов, их языков. Советую подробнее узнать о Н. Н. Миклухо-Маклае. Прочитайте популярные книги: Чумаченко Л.

Человек с Луны.— М., 1963; Тынянова Л. Н. Друг из далека: Повесть о путешественнике Н. Н. Миклухе-Маклае.— М., 1962. Познакомьтесь с отрывками из дневников, статей и писем ученого, собранными в книге «Человек с луны» (М., 1982). Для более старших читателей рекомендую книгу: Путешествие в Б. Н. Н. Миклухо-Маклай: Путешественник. Ученый. Гуманист.— М., 1985.

О ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ И ЕГО РОДСТВЕННИКАХ

Пожалуй, не менее разнообразны в различных языках формы прилагательных.

Что такое прилагательное? Часть речи, которая обозначает признак, имеет категории рода, числа, падежа и степени сравнения и отвечает на вопросы *какой? чей?*

Сразу же внесем поправку. Первые три категории у прилагательного не свои собственные: оно их берет напрокат у существительного. *Красному* потому только мужского рода, единственного числа и дательного падежа, что все эти категории есть у слова *флагу*.

Но нас интересует сейчас не это, а словечко «признак».

Давайте лишим прилагательное всех его грамматических категорий — оставим один голый корень. *Бел-, красн-, молод-*. Все равно мы ощущаем: это прилагательное! Как *глаз-* или *всадн-*, безусловно, существительные, а *чит-, слыш-* — явственные глаголы.

От корней, которые ощущаются нами как обозначающие именно признак, мы можем легко образовать и слова других частей речи. *Бел-еть* или *красн-еть* (глаголы) *Бел-изна, молод-ость* (существительные). Но они столь же явно производные от прилагательного, как *бег* — от глагола, а *глазастый* — от существительного!

Вообще-то прилагательное совсем не с самого начала было таким независимым. Известный русский языковед XIX века Александр Афанасьевич Потебня (1835—1891) считал, что *зеленая трава* раньше звучало примерно так: *зелень-трава*. Иначе говоря, «родословная» прилагательного восходит к существительному.

Тому есть много доказательств. Вот один пример. В латинском языке было существительное *iber*, обозначающее 'вымя'. И то же самое слово употреблялось в значении 'плодородный', то есть как прилагательное: *ager iber* 'плодородное поле' (в латинском языке прилагательное ставилось всегда после существительного).

В очень многих языках прилагательного вообще нет — вместо него спокойно ставят существительное! Например, в амхарском языке, основном языке Эфиопии, никак нельзя обнаружить особых признаков, которые отличали бы прилагательное от существительного. *Барет* значит на этом языке и 'железный', и 'железо'. *Кошама* — и 'мусор, грязь' и 'грязный'. *Вотат* — и 'молодой', и 'юноша'. Очень часто там, где мы с вами в русском языке употребляем прилагательное, амхарцы просто ставят существительное: вместо 'домашнее животное' говорят 'дома (род. пад., ед. ч.) животное'.

То же самое в монгольском языке. *Муу* — это значит 'плохой' или 'нечто плохое'. Вот как выглядят по-монгольски различные русские фразы:

Лошадь плохая — *Морь муу*.

Плохая лошадь — *Муу морь*.

Что-то плохое принадлежит Дамдину — *Муу нь Дамдиныхъ* (*нь* — частица, обозначающая подлежащее; слово *Дамдин* стоит в родительном падеже).

(Что-то) *принадлежит плохому Дамдину* — ... *муу Дамдиныхъ*.

А в известном нам папуасском языке бонгу *borle* значит 'зло, вред', а *borle tamo* — 'плохой человек' (то есть 'зло человек').

Все это было бы очень ясно и прозрачно, если бы...

Дело в том, что у прилагательного есть и другой «родственник», и этот родственник — глагол. Все языки мира можно разделить в этом смысле на две группы. В одних прилагательное родилось из существительного — мы с ними уже познакомились. А в других...

Как известно, в русском предложении прилагательное может быть не только определением, но и сказуемым. *Молодой человек*, но и *Человек молод*. Правда, становясь сказуемым, оно приобретает категорию времени — *Человек был молод*, *Человек будет молод*. (И, значит, эту категорию — в отличие от других категорий глагола — «носит с собой» не глагол как часть речи, а сказуемое как член предложения!) Но в глагол прилагательное не превращается, не правда ли?

А в японском языке основная форма прилагательного та, которая «работает» в сказуемом: 'молод', а не 'молодой'. И она спрягается, как глагол. А «настоящее» прилагательное в японском языке производно, и японский язык старается вообще без него обойтись. Как и эфиопы,

японцы стараются сказать не 'золотые часы', а 'золота часы' (*кинно токэй*), не 'зеленые листья', а 'зелени листья' (*мидорино ха*).

А во всех языках Восточной и Юго-Восточной Азии — китайском, вьетнамском, бирманском, тайском, лаосском и многих других — прилагательное совсем не отличается от глагола. В сущности, там гораздо проще сказать 'лист зеленеет', чем 'зеленый лист'. А еще точнее, вообще невозможно сказать 'зеленый лист'...

Заканчивая это небольшое рассуждение о прилагательном, я хочу обратить ваше внимание: из трех частей речи, которые мы считаем, так сказать, «главными» — существительное, прилагательное, глагол, — только существительное и глагол обязательны, без них нет ни одного языка на свете! Это впервые заметил (и написал в книге «Язык», переведенной и у нас более 50 лет назад) известный французский ученый Жорж Вандриес. Но зато есть такие обязательные части речи и среди «неглавных». Нет языка без числительных, без местоимений, без союзов. Нет языка без наречий! А вот без предлогов — есть.

В очередной главке я и хочу поговорить о предлогах и наречиях. И вообще о разных способах сказать, где, когда, как происходит действие.

«...ОТ ГОВОРЯЩЕГО НА НИЗ ИЛИ К ДВЕРЯМ...»

Но прежде вернемся к вопросу: *на столе* — сколько здесь слов? Одно или два?

Учебник считает, что здесь два слова, и он по-своему прав. Сейчас я докажу, что это два слова. Во-первых, они пишутся раздельно, а в русском языке, как известно, все слова пишутся отдельно. Во-вторых, *стол* — это падежная форма, она входит в общий ряд: *стол, стола, столу*... В-третьих, между *на* и *стол* можно вставить еще другие слова: *на большом столе, на этом столе* и даже — *на этом большом новом столе*.

А теперь я попробую доказать, что это одно слово. Внимательно следите за моим рассуждением.

В русском языке, как мы с вами видели, у каждого слова есть ударение — способ его «упаковки». А у слова *на* (если это слово) не может быть ударения, оно (ударение) общее для всего сочетания: «настоле».

У слова *стол* есть свое значение, которое не зависит от того, как мы это слово употребили. А есть ли такое

значение у *на*? Вы скажете: конечно, оно значит — ‘на поверхности’. Но ведь говорят и *пошел на рынок*, и *сменял кукушку на ястреба*, и *положился на его честность*, и *я лежу на солнце* (на поверхности солнца, что ли?), и *забил гол на шестой минуте*, и *взял книгу на три дня*, и *звонок на урок*, и *по конфете на брата*, и *помножить два на три*... Одним словом, значение *на* зависит от тех слов, с которыми вместе оно употребляется, — совсем как у приставки *по-*, которая значит совсем разное в словах *положить*, *попрыгать*, *покачать*, *полить*...

Кстати, в лакском языке предлогов нет. Там есть послелоги, которые значат совершенно то же самое, но всегда пишутся вместе с существительным и не имеют своего ударения. Все языковеды не отличают их от обычных падежных окончаний, поэтому в лакском языке насчитывают 40 падежей. Вот они (в переводе): 1) *дом*; 2) *дома*; 3) *дому*; 4) *от дома*; 5) *вместе с домом*; 6) *...чем дом*; 7) *ради дома*; 8) *по причине дома*; 9) *в доме*; 10) *в дом*; 11) *внутри дома*; 12) *через дом*; 13) *из дома*; 14) *на доме* (сравните наше *на столе*! В лакском это одно слово); 15) *на дом*; 16) *по направлению на дом*; 17) *сверху дома*; 18) *с дома*; 19) *за дом*; 20) *по направлению за дом*; 21) *проходя за домом*; 22) *из-за дома*; 23) *под домом*; 24) *под дом*; 25) *по направлению под дом*; 26) *двигаясь под домом и дальше*; 27) *из-под дома*; 28) *около дома*; 29) *к дому*; 30) *по направлению к дому*; 31) *мимо дома*; 32) *от дома* (почти то же, что падеж № 4, но другая форма!); 33) *у самого дома*; 37) *мимо самого дома*; 38) *от самого дома*; 39) *недалеко от дома*; 40) *к дому*.

А теперь я буду спорить сам с собой и опровергать собственные доказательства. Я сказал, что *на* — слово, потому что пишется отдельно? Но ведь *ни зги* (не видно) тоже пишется отдельно. А слова *зга* в русском языке уж точно не существует (хотя когда-то и существовало)! *Столе* входит в общий ряд, я сказал? Но даже в учебнике, когда доходят до предложного падежа, пишут его вместе с предлогом: *столом*, но *о столе*! Можно вставить между *на* и *столе* другие слова? Попробуйте-ка вставить что-нибудь, кроме прилагательного (или местоимения), согласованного со словом *стол*! А если так, почему не представить себе, что в русском языке, как в чукотском или кетском, о которых мы уже говорили, бывают сложные слова, состоящие из «склеенных» основ разных слов? Вроде чукотского *га-тан-тор-манэг-ма* ‘с хорошей новой

материей': здесь *га* соответствует русскому предлогу *с*, *тан* — 'хороший', *тор* — 'новый', *манэг* — 'материя', *ма* — падежное окончание так называемого сопроводительного или совместного падежа.

Так что даже если мы с вами будем рассуждать как языковеды, не так-то просто ответить на вопрос: *на столе* одно слово или два? Мне лично кажется, что все-таки одно. (Тем не менее писать его следует, как принято, отдельно!)

А еще правильнее, наверное, сказать так: в одном смысле — это одно слово, в другом — два слова. Таких слов, которые в то же время и не слова, в любом языке можно найти немало. *Работаю* — *буду работать*. *Буду* — слово? Да и нет. По сути это грамматический признак будущего времени — и только!

Но еще больше меня убеждают, что *на столе* — одно слово, различные психологические опыты с людьми, совсем не думающими над грамматикой, а просто говорящими на русском языке.

Один психолог, В. В. Оппель, просил школьников-первоклассников, еще не изучавших грамматику, разделить предложения, написанные подряд, без пробелов, на слова (а что такое слово, им не объясняли). Они всегда соединяли предлог с существительным: «настоле».

Другой психолог, А. Р. Лурия, изучал людей, у которых из-за ранения головы возникали трудности в речи или ее понимании (такая болезнь называется афазией). Когда их просили сосчитать, сколько слов во фразе, они считали так: *Я иду в лес*. Три слова! *Я — иду — в лес*. *Человек сидит за столом*. Тоже три слова! *Человек — сидит — за столом*.

Кстати, бывают и предложения, которые в то же время не предложения. Вот вам разговор:

— Я купил сегодня книгу. Очень интересную.

— В «Доме книги»?

Сколько здесь предложений? С точки зрения грамматического разбора — одно: *Я — купил — сегодня — книгу — очень — интересную — в «Доме книги»*. А если подумать? Конечно, три! Два из них говорит первый собеседник, а третье добавляет его приятель.

Но вернемся к нашей основной теме. Я для того и рассуждал о предлогах, чтобы показать вам: нет никакой, в сущности, разницы между наречием и сочетанием «предлог + существительное»! Большинство наречий по-

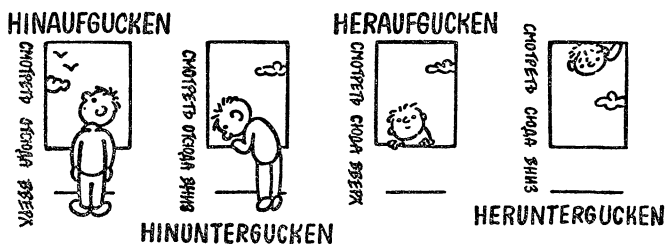
этому и возникли из таких сочетаний: *наутро, на дом* (только это наречие по старинке пишется отдельно!) и даже *назад* или *вперед*.

В русском языке здесь не так уж много разных вариантов. Он не очень любит точно обозначать направление движения или место, где что-то находится, недаром мне было так трудно переводить значения лакских падежей. Даже такая, казалось бы, очевидная разница, как на этом рисунке, для русского языка вроде бы не существует:

В немецком языке здесь два различных предлога: *an* в первом случае и *auf* — во втором. А уж в лакском...

В русском языке *идти* можно и домой, и из дома. А в немецком из дома — *gehen*, а домой — *kommen*. Вообще, когда идут «туда», употребляется *gehen*, а когда «сюда» — *kommen*. Немцы со скрупулезной точностью обозначают всякое направление. Например, там, где мы просто скажем *выглядывать* (например, из окна), немец может сказать:

и так далее.

В папуасском языке абелам есть восемь наречий, обозначающих место или направление: 'здесь', 'сюда', 'там', 'там за определенным местом', 'здесь совсем рядом', 'туда вдаль', 'там вдали'. И наконец, вопросительное наречие-местоимение — 'где, куда?'. А в языке гадсуп, тоже папуасском, девять наречий-последлогов, но совсем других: 'там в', 'там на', 'поблизости', 'на верхушке', 'у основания', 'вдоль по', 'вдоль по верхушке', 'от' и 'к'.

Место (или направление) можно, кстати, обозначать не только предлогами, последлогами или наречиями, но и указательными местоимениями. *Этот* — значит находящийся близко от говорящего, *тот* — далеко от говорящего. В папуасском языке кева есть *го* — 'этот поблизости'; *мо* — 'этот вдалеке', то есть 'тот'; *со* — 'этот наверху'; *но* — 'этот внизу'.

А вот в совсем небольшом (по числу говорящих) алеутском языке... В первой половине XIX века в России жил ученый, занимавшийся изучением быта и культуры алеутов, тлинкитов, — народов, обитавших на северо-востоке страны и на северо-западе Америки. Для этого он прожил некоторое время среди алеутов и других народов, жизнь которых изучал. Звали ученого Иннокентий Вениаминов (1797—1879). В результате им были изданы фундаментальное исследование «Записки об островах Уналашкинского отдела» (ч. 1—3, 1840), а также книжка, в которой дано первое достаточно подробное описание алеутского языка. Приведем небольшой отрывок из этого труда ученого. Читая высказывание Иннокентия Вениаминова, помните, что оно написано в первой половине XIX века и сохраняет стиль и язык научных трудов того времени: «Таковых относительных местоимений (мы их теперь называем указательными. — А. Л.) в сем языке довольно так, что, не называя по имени, можно означить несколько человек, находящихся в одном месте, как-то: сидящие означаются: от говорящего на низ или к дверям, первый *уан*, второй *инган*, третий *укун*, дальний *акан*, предпоследний *каган*, последний *какан*; впереди *кикун*, в самом переди *какун*; наверху *икан*, на самом верху *акан*; на низу *укнан*, еще ниже *унан*, самый нижний *сакан*. Стоящие: ближайший *икун*, далее *акун*. Идущие: ближайший *ауан*, дальний *акун*. Лежащий возле *удан*. Находящийся вне дома *садан*, внутри дома *укан*. На той стороне *аган*; *анан* и *уман* означают тех, кого не видим»

Такое даже и представить себе трудно. Попробуйте-ка сами нарисовать всю эту компанию сидящих, стоящих, идущих, лежащих и вообще отсутствующих людей!

«ТРУДНЫЙ» РУССКИЙ ЯЗЫК

Так о нем часто говорят. Не те, кто его изучает: те, кто не хочет, чтобы его изучали!

Люди изучают русский язык, чтобы побольше узнать о нашей стране. О стране Пушкина, Чехова, Толстого. О стране Павлова, Менделеева, Королева. И никто не может сейчас просто запретить изучать русский язык.

Но можно уговорить: не изучайте этот язык, он-де такой трудный, что вы его не одолеете...

Так трудный он или нет на самом деле? Как вы думаете?

Вы уже много знаете о различных других языках. И, наверное, сами можете ответить правильно.

Конечно, трудно овладеть русским склонением человека, в языке которого вообще нет падежей.

Но гораздо легче справиться с шестью русскими падежами тому, у кого в языке их сорок.

Очевидно: трудно немцу привыкнуть к тому, что мягкость и твердость в русском языке различают разные звуки, если звуки немецкого языка не знают мягкости и твердости.

Но для поляка это легче легкого. В польском языке тоже есть мягкие и твердые звуки.

Англичанину и американцу не так-то просто освоиться с мыслью, что неодушевленные предметы в русском языке могут быть «мужчинами» и «женщинами». А для папуаса монумбо это само собой разумеется, да и для африканца луганда совсем не так сложно.

Дело, значит, совсем не в том, труден ли вообще русский язык или нет (это касается и любого другого языка). Для любого человека, на каком бы языке он ни говорил, есть в другом языке что-то трудное и что-то легкое. Нет языка, который был бы одинаково легкий или одинаково труден для всех.

Вы, может быть, знаете, что в самом конце прошлого века был придуман искусственный язык для международного общения — эсперанто. Его создатель, врач Людвик Заменгоф из Варшавы, старался сделать его одинаково

легким для всех. Я изучал этот язык и могу подтвердить: выучить его мне, русскому (да и поляку, немцу, французу, англичанину, испанцу), очень легко. Если хотите, вот вам примеры. Все существительные в нем кончаются на -о, все прилагательные на -а. Ударение всегда на предпоследнем слоге. Мягкости и твердости нет. Есть приставки и суффиксы, но у каждого из них совершенно четкое значение: например, -*uj-* означает предмет, в котором что-то хранится, или вообще место, где что-то находится: *tóno* 'деньги', *monújo* 'кошелек'. Никаких исключений! Если я хочу сказать: 'он будет читать новую книгу', не может быть неожиданностей: *li légos nóvan libron*, и никак иначе.

Но для японца, китайца, бирманца, индийца, араба, не говоря уже о полинезийце или папуасе, чьи языки совсем не похожи на европейские, эсперанто — исключительно трудный язык.

И не бывает так, чтобы все в языке было одинаково трудно и запутанно. Ведь в каждом языке трудности, можно сказать, уравновешены — в одном сложное склонение, но не такое уж сложное спряжение, в другом — наоборот. В одном много согласных, в другом — гласных.

Чтобы выучить любой язык, надо приложить усилия. И даже если что-то в нем кажется легким, будьте уверены: что-нибудь да окажется трудным.

Бывает, конечно, что для кого-то язык особенно легкий. Например, русский для поляка или болгарина. Много общих слов, мало трудных звуков. Похожа грамматика (особенно для поляка). Или китайский для вьетнамца: так же устроен слог, есть такие же (вернее, похожие) музыкальные тоны, много общего в грамматике. И наоборот, китайский труден для русского или немца — мало схожего в звуках, очень различна грамматика (сам принцип грамматики!), совсем нет общих слов... Или эсперанто — легкий для нас и трудный для тех, чьи языки не похожи на европейские.

Но нет «вообще трудных» и «вообще легких» языков. Как нет языков «интересных» и «неинтересных».

А есть ли языки «бедные» и «богатые»? В следующей главе я отвечу вам и на этот вопрос.

Глава 5

КАК ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ?

«ПЕРВОБЫТНЫЕ» ЯЗЫКИ В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ И НА САМОМ ДЕЛЕ

Не только обычные люди, не имеющие отношения к науке, но даже и многие ученые — философы, языковеды — уверены: есть языки «развитые», языки, достойные называться языками. А есть «первобытные». Прimitивные, неразвитые. И конечно, искать такие «первобытные языки» надо где-нибудь подальше: в Африке, в Австралии, в лесах Амазонки, в горах Новой Гвинеи. Одним словом, подальше от европейской культуры.

Счастливы, говорят такие ученые, туземец, овладевший языком европейских колонизаторов. Он приобщается ко всем богатствам мировой культуры. У него открываются-де глаза.

Чем же языки эти «первобытны», в чем их «неразвитость»?

Во-первых, считается, что в них выражается очень много лишних деталей. Так утверждал знаменитый французский ученый, философ и психолог Люсьен Леви-Брюль (1857—1939), который собрал и обобщил огромный материал о жизни и быте индейцев, народов Австралии, островов Океании в фундаментальном труде «Первобытное мышление» (русс. перевод — 1930). Леви-Брюль рассуждал так. Индеец-понка, чтобы сказать 'человек убил кролика', должен выразиться следующим образом: 'человек, он, один, живой, стоя (в именительном падеже), нарочно убил, пустив стрелу, кролика, его, живого, сидящего (в винительном падеже)' Это ли не мелкие, ненужные детали?!

Подождите-ка! Ведь если рассуждать таким образом, то можно ненароком и русский язык записать в «первобытные»! Ведь когда мы «переведем» русскую фразу

Человек застрелил кролика, как это сделал Леви-Брюль с индейской, получится почти то же самое: 'человек, он (иначе было бы *убила*), один (иначе было бы *люди*), живой (в именительном падеже, ведь в винительном падеже мы говорим *человека!*), нарочно убил, путив стрелу (именно таково было первоначальное значение слова *застрелил!*), кролика, его, живого (в винительном падеже)...' Нет только 'стоящего' человека и 'сидящего' кролика, но не этим же измеряется первобытность!

Таким способом можно превратить любой язык в та-рабарский. Вот как «переводится» начало сказки на африканском языке суахили в одной серьезной книге: *Он — был — там человек один он — который был слепой с рождения его. День один оно — проходило — мимо чудо, глаза его они — стали — открытыми так только внезапно. И перед его оно (место) — было с осел он — стоял он — его — увидел этот осел — он — не видел вещи более.*

Вы что-нибудь поняли? Если поняли, то, наверное, только то, что суахилец зачем-то нагромождает массу слов там, где достаточно одного.

Я много занимался языком суахили и очень его люблю. Поэтому мне за него было особенно обидно. Ведь на самом деле никаких сложностей нет: наоборот, язык суахили очень экономен в средствах. Сказка начинается так: *Alikiwako mtu mmoja. A* — это приставка, обозначающая, что глагол 3-го лица и что подлежащее — слово, обозначающее одушевленный предмет (человека). *Li* — приставка прошедшего времени и так далее. Ничего особенного!

И если перевести начало той же сказочки литературно, она будет звучать так: *Жил-был один человек, он был слепым с самого дня своего рождения. Однажды случилось чудо: его глаза вдруг открылись. Случайно перед ним в тот момент стоял осел. Слепой увидел только осла и больше не увидел ничего.*

Значит, этот упрек «первобытным» языкам — чистое недоразумение. Леви-Брюль ошибся.

Но у него есть и другие претензии. В «первобытных» языках, дескать, нет или почти нет слов с общим значением, но зато разные породы животных, разновидности растений, виды снега и льда имеют специальные слова. У аборигенов Австралии, как утверждает Леви-Брюль, нет обобщающих слов 'дерево', 'рыба', 'птица', нет отвлеченных понятий...

Разберемся и в этом. Насчет австралийских языков Леви-Брюль определенно ошибается: там есть и 'рыба вообще', и 'дерево вообще' и самые отвлеченные по значению слова — 'начало' и 'конец', 'дружба' и 'любовь', 'мир' и 'правда'. То же и в других языках, которые считаются почему-то «первобытными». В одном из меланезийских языков острова Новая Британия польский ученый Казимеж Мошиньский отыскал даже слово *a beo*, означающее 'всякое летающее существо' — птицу, бабочку, муху. Слова с таким обобщенным значением в русском языке, да и во всех известных мне европейских, не существует.

А то, что различные породы животных, сорта растений и т. п. имеют свои обозначения, — это совершенно правильно. Но при чем тут «первобытность»? Человек придумывает особые слова для всех тех предметов, которые он должен различать на практике, в своей жизни и работе.

Нам совершенно не важно различие между бананами: мы их покупаем в магазине. И у нас есть одно слово *банан*. А тот меланезийский язык, в котором разбирался Мошиньский, имеет 100 слов для обозначения банана! И немудрено — это главная пища меланезийцев. Большинство из них проводит основную часть своего времени, выращивая банановые деревья, собирая урожай, готовя из бананов различные кушанья. Им просто необходимо различать банан спелый и неспелый, пригодный в пищу или только для корма скоту, более или менее сладкий, более или менее пригодный для хранения...

Мы с вами большие любители собак и очень ясно различаем дога и спаниеля, овчарку и болонку. В жизни папуаса насиои собака не играет такой роли, ему не нужны названия разных собачьих пород — хватает одного слова *мотик* 'собака'. Но зато нам хватает одного слова *джунгли* там, где папуасу насиои его никак хватить не может. Слово *подаг* означает для него негустой лес с лужайками, на которых можно сажать съедобные растения. Собственно «джунгли» называются *джаба*, если они непроходимые, и *итаки*, если проходимые. По-моему, всякому непредвзятому человеку ясно, что эти разновидности джунглей должны быть обозначены специальными словами! Ведь их жизненно важно отличить друг от друга. Конечно, тому, кто в них живет и сталкивается с ними каждый день.

Мы называем одинаково *попугаями* существ, совсем не похожих друг на друга — от громадных ара и хохлатых какаду до миниатюрных волнистых попугайчиков. А папуасы телефол всех копытных животных, которые не водятся на Новой Гвинее, называют «свиньями»; и так же, как мы уточняем — *попугай какаду*, они в случае необходимости поясняют 'свинья, называемая верблюд' — *koong koo ake kamel*

Еще в одном якобы «первобытном» папуасском языке аснат (нам уже знакомом: помните, «стоящие», «сидящие» и так далее предметы?) есть вроде бы слова с очень конкретным значением. Вот, например:

terakamis 'заболеть непосредственно после того, как поднялся вверх по течению';

timeremap 'сидеть, пока солнце не зайдет';

ninukamis 'сесть в лодку со множеством людей и отчалить'

Звучит внушительно и убедительно! Но вот вам другие три слова, взятые из совсем-совсем другого языка. Они переводятся так:

'заболеть непосредственно после того, как попал из нагретого помещения в холодное',

'сидеть, пока не наступит глубокая ночь',

'сесть в лодку или на корабль с другими людьми и вещами'.

Звучит не менее внушительно, правда? Осталось выяснить, какой же это язык. Оказывается — русский! А «переведенные» нами глаголы самые обычные: *простудиться*, *полуночничать* и *погрузиться*.

Хватит примеров. И так уже совершенно ясно, что Леви-Брюль не прав.

Не обязательно видеть в таких ошибках сознательное неуважение к другому народу или злой умысел. Николай Николаевич Миклухо-Маклай очень красочно описал свои трудности, когда он изучал язык бонгу. Отрывком из его книги я и закончу эту главку:

«Названия, которые я желал знать, я мог получить, только или указывая на предмет, или с помощью жестов, которыми я подражал какому-нибудь действию. Но эти два метода были часто источником многих недоразумений и ошибок. Один и тот же предмет назывался различными лицами различно, и я часто по неделям не знал, какое выражение правильно. Сообщу здесь пример того, что со мною частенько случалось. Я взял однажды лист

в надежде узнать название листа вообще. Туземец сказал мне слово, которое я записал; другой папуас, которому я предложил тот же вопрос и показал тот же лист, сказал другое название; третий в свою очередь — третье, четвертый и пятый называли предмет опять другими и различными словами. Все названия записывались, но какое было настоящее название листа? Постепенно я узнал, что сказанное сперва слово было названием растения, которому принадлежал лист; второе название означало «зеленый», третье — «грязь», «негодное», потому ли, что я, быть может, поднял лист с земли, или потому, что лист был взят с растения, которое папуасы ни на что не употребляют. Так случилось со многими, очень многими словами.

Для ряда понятий и действий я никаким способом не мог получить соответствующих обозначений; для этого оказались недостаточными как моя сила воображения, так и моя мимика. Как я мог, например, представить понятие «сын» или «сон», как мог найти название для понятия «друг», «дружба»? Даже для глагола «видеть» я узнал точное слово лишь по прошествии четырех месяцев, а для глагола «слышать» так и не мог узнать»

СКОЛЬКО СЛОВ НУЖНО ЧЕЛОВЕКУ?

Вопрос совсем не случайный. Потому что очень часто обвиняют «первобытные» языки в словесной бедности. В них якобы слов 200—300.

Это явная подтасовка! Нет и не может быть таких языков. На что уж неразвита культура бушменов Южной Африки или жителей Огненной Земли на крайнем юге Южной Америки — каменный век в наши дни. Но в языке бушменов не меньше 10 тысяч слов, а в огнеземельском словаре — целых 30 тысяч!

Помните язык ток-писин? Один датский путешественник утверждает, что в нем всего 600 слов. (Это в языке, на котором издаются книги и газеты!) Наверное, дело в том, что путешественник считал словом то, что пишется отдельно. Но вот вам слово (или несколько слов?): *han bilong diwai*. Оно значит 'ветка'. Однако можно перевести его и так, как мы переводили суахильскую сказку — «по-гарабарски» Получится 'рука, принадлежащая дереву', 'рука дерева' Конечно, ни один человек, говорящий на языке ток-писин, не думает о руке, когда говорит о

ветке! Это одно, а не три слова, только пишется это слово, так сказать, в три приема. В словаре языка ток-писин есть и научные, и технические, и политические понятия. Другое дело — как образуются нужные слова. Если в русском языке, чтобы сказать *песенник*, нужно взять основу слова *песня* и прибавить суффикс *-ник*, то в ток-писин то же самое слово образуется соединением корня *buk* 'книга' и корня *singsing* 'петь': *buk singsing* — 'песенная книга, песенник'...

Да и вообще — правильно ли судить о том, «хороший» язык или «плохой», по числу слов в словаре?

Никто из нас не сомневается в том, что русский язык — исключительно богатый. Конечно, точное число слов в нем неизвестно, но оно явно превосходит сто тысяч.

Но вот вам один факт, чтобы вы задумались. (Как любят теперь говорить после телефильма «Семнадцать мгновений весны», «информация к размышлению».)

В Москве, в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы, составили частотный словарь русской разговорной речи. Разговорной — значит той речи, которой мы пользуемся в быту, в обычном разговоре с родными, друзьями, знакомыми. Частотный — значит, слова в нем расположены не по алфавиту, а от того слова, которое повторяется чаще всех остальных, к самому редкому. В этом словаре 2380 слов.

И вот оказалось, что какой бы разговор мы ни взяли, слова из этого словаря составляют больше 90% всех сказанных слов! Значит, 2—3 тысячи слов вполне достаточно для разговора, если только он ведется не на научные, а на бытовые темы.

Наверное, того же числа слов вполне хватит для любого языка, если в нем нет научных, технических, политических и идеологических понятий, если им пользуются только в быту, если на этом языке нет романов и стихов, газет и журналов... Но чем шире круг тех целей, для которых язык употребляется, тем больше ему нужно слов.

Не ему — народу, говорящему на этом языке! Потому русский язык так богат словами, что это язык Ленина и Толстого, Пушкина и Циолковского, Павлова и Тимирязева. Потому что советская наука и техника пользуются всеобщим уважением, русскую и советскую литературу знают и любят на всех континентах.

«Бедный» язык станет «богатым», если народ, на нем говорящий, выйдет из каменного века и освоит все до-

стижения общественной и научной мысли, присоединится к общему потоку прогресса культуры, науки, техники. Я говорю об этом так уверенно, потому что подобное уже бывало — это происходило если не на моих глазах, то на глазах моих родителей. Помните чукотский язык? Он проделал как раз такой путь. И ненецкий. И эскимосский. И многие, многие другие из ста тридцати с лишним языков народов СССР.

То же происходит сейчас с многочисленными языками малых народностей Социалистической Республики Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республики и других стран, идущих по пути социализма.

Нет такого языка, который самой судьбой обречен быть «бедным», «первобытным», неразвитым. Другое дело, как, каким путем он обогащается. Один язык заимствует нужные ему слова из тех языков, где уже есть эти слова и понятия: так, во многие языки вошло исконно русское слово *спутник*. Другой язык как бы пересказывает эти слова своими собственными средствами — например, чешский, исландский.

А иногда у того или иного языка просто нет необходимости самому заимствовать новые слова.

В Западной Грузии есть язык, очень похожий на грузинский, но все-таки другой — он называется занским. Слова этого языка и похожи, и не похожи на грузинские: например: грузинскому слову *мзе* 'солнце' в занском языке соответствует *бжа*. Практически все занцы (их называют также мингрелами) знают грузинский язык и по-зански говорят только дома или с друзьями-занцами. Если занец хочет поговорить на научные темы, он просто-напросто переходит на грузинский язык! Недаром жители одной из занских деревень говорили: «До обеда они разговаривают по-зански, а после обеда — по-грузински».

Но ведь если все или по крайней мере многие языки приобретают слова и понятия, совпадающие в разных языках по содержанию, а иногда и по звучанию, как *революция*, *Совет*, *спутник*, они становятся похожими друг на друга? Некоторые западные ученые рассуждают именно так. Усваивая русский язык, внося в свои родные языки русские слова и выражения, говорят они, народы СССР теряют свое «лицо», их культура и язык обесцвечиваются, растворяются в русском языке и русской культуре.

Нужно ли говорить, что это не так? У каждого языка есть свои, неповторимые черты. В каждом языке отражаются особенности культуры народа, который на нем говорит. Это и особые слова, обозначающие предметы, не существующие у других народов, и особые грамматические категории (мы уже знаем об этом)... Сколько бы русских слов ни заимствовал, скажем, алеутский, корякский, кетский язык, он остается языком алеутов, коряков, кетов, будет отражать их жизнь, их культуру и традиции.

Заимствование идет и в обратном направлении. Вдумайтесь, сколько слов вошло в наш русский язык из разных языков народов СССР! Названия жилищ: *сакля, юрта, чум, яранга*. Одежда, головные уборы, обувь: *тубетейка, башлык, унты...* *Аул и кишлак, арык и домбра, акын и ашуг* — я не заглядываю ни в какой справочник, пишу, что сразу приходит в голову

Можно взять и справочник. На моей книжной полке стоит небольшой словарь: в нем собраны грузинские слова, вошедшие в русский язык. Такие же справочники можно было бы составить для многих языков нашей страны, только количество слов будет в них разным и их употребительность тоже.

СИНИЙ ИЛИ ЗЕЛЕНый?

Часто говорят: у каждого языка есть своя «картина мира». Некоторые ученые считают возможным по особенностям языка судить о мышлении народа. Им кажется, что язык — нечто вроде цветных очков: наденешь их, и все цвета меняются, красное кажется черным, синее — лиловым... Какие очки, таков и мир, который мы через них видим.

С этим еще можно согласиться. Но бывает, что идут дальше. Говорят: человек действует в мире так, как ему подсказывает язык. И вот это уже совершенно неверно! Даже если разные вещи и называются в нем одинаково, это совсем не значит, что человек, говорящий на этом языке, смешивает такие вещи друг с другом.

Я специально занимался этим вопросом и с помощью вьетнамского аспиранта Буй Динь Ми поставил специальные опыты. Сейчас я о них расскажу. Мы просили русских и вьетнамцев назвать и показать цвета и цветовые оттенки, а также, посмотрев на квадратик определенного цвета, узнать его среди других

В русском языке четыре основных цвета: красный, желтый, зеленый и синий. Во вьетнамском тоже четыре: *xanh*, *do*, *tim*, *vang*. Который же из них 'желтый', который 'красный' и так далее?

Do — это 'красный'. *Vang* — 'желтый' со включением оранжевого'. Пока все почти как в русском языке. Но вот *tim* уже отличается: это 'фиолетовый'. А *xanh* — сразу и 'синий', и 'голубой', и 'зеленый'. Какой из трех, обычно узнают по смыслу: если небо, то голубое, а если лес, то зеленый.

Значит ли это, что вьетнамец не различает голубого, синего и зеленого цветов? Конечно, нет! Он просто не так, как мы, группирует оттенки цвета. И там, где у него не хватает слов для названия цвета, он идет очень интересным (и очень важным для нас!) путем: называет предмет нужного цвета: '*Xanh* морской волны', '*xanh* ростков риса'... Русские обычно этого не делают — они называют цвет примерно так: *очень-очень светлый зеленый* или *фиолетово-красный*.

Почему этот вьетнамский способ обозначения и запоминания цветовых оттенков нам важен? Потому что он показывает: человек не действует так, как ему подсказывает язык, он использует язык, «подстраивая» его к своей деятельности! Кстати, когда мы подсказали нашим русским испытуемым, что светло-зеленый цвет — это 'цвет молодых листьев березы', они сразу же стали его лучше запоминать и быстрее находить. Вьетнамцы же настолько привыкли к такому способу обозначения, что иногда один и тот же цвет — на границе зеленого и желтого — называли то '*vang* канарейки', то '*xanh* рассады риса'.

Есть языки, где основные цвета еще более непривычны. Например, в папуасском языке тангма всего два цвета: *muli* 'черный и зеленый' и *mola* 'белый, красный и желтый'. В языке тив, в Нигерии, три цвета: *ii*, *piiri* и *nyian*. Разобраться в них очень сложно. Дело в том, что *ii* — это зеленый, темно-синий и темно-серый цвета. *Piiri* — это голубой и светло-серый. *Nyian* — коричневый, красный, оранжевый и желтый. Вы уже заметили — я все больше усложняю цветовую «картину мира».

Следующий язык — хануно на Филиппинских островах. Цвет *biru* — черный, фиолетовый, темно-зеленый, темно-серый. *Zagti* — белый, светло-серый и вообще все светлые оттенки. *Rara* — красный, оранжевый и желтый. Наконец, *latuy* — светло-зеленый, светло-коричневый...

У бушменов кунг пять цветов: бело-серый, черный, красный, зелено-сине-фиолетовый и желто-оранжевый. Написать их названия я не могу — они полны цоканьями и чмоканьями. Почему такое разнообразие? Наверное, потому, что папуасы тангма живут в горах, где им не встречается особенно много разных цветов. Филиппины покрыты лесами, и не удивительно, что у хануноо целых два зеленых цвета. А различать (в языке) красный и желтый им не так уж важно. Зато бушмены кунг — жители пустыни Калахари: не так уж много вокруг них зелени, но очень важно отделить желтые тона от красных.

Я не уверен, что все это именно так. Прямых доказательств нет. Но вот, например, в том же вьетнамском языке (а Вьетнам страна тропическая, там кругом зелень и синее море!) от слова *xanh* образовано 42 производных названия разных синих, зеленых и голубых оттенков. И почти половина из них — 19 — связаны с цветом различных растений (а еще 13 — с оттенками цвета моря, озер, рек). Так что у нас с вами есть все основания думать, что не деятельность людей зависит от того, какие цвета имеют названия в их языке, — наоборот, сами названия цветов в языке зависят от условий жизни и деятельности народа.

В нашем русском языке есть слова: *брат, сестра, дядя, тетя, дед, бабушка*. Нам этого хватает. Но есть народы, у которых общественный строй таков, что очень важно, является ли, скажем, дядя братом матери или братом отца: и для них есть свои особые названия. Например, у австралийцев аранта дядя по отцу — *ката*, а дядя по матери — *камуна*. У них младший брат и младшая сестра называются одним словом — *итиа*. А старший брат — *калья*, старшая сестра — *квайя*. Почему? Когда умирает отец, старший брат остается главой семьи. Кстати, в русском языке когда-то тоже были два разных слова для «дяди»: брат матери — *вуй* и брат отца — *стрый*.

Кстати, на словах, обозначающих родство, очень ясно видно, как общество влияет на язык. Раньше — в русской крестьянской семье — была очень сложная система разных названий родственников. Это было важно хотя бы потому, что эта семья — дядья и тетки, племянники и двоюродные сестры — жила (или по крайней мере держалась) вместе. А мы с вами — горожане — не сразу и сообразим, чем отличается золовка от невестки, *шурин* от *девера*. Многие этих слов сейчас вообще уже не знают.

Глава 6

СПРАВА НАЛЕВО? СЛЕВА НАПРАВО? СВЕРХУ ВНИЗ?

А МОЖЕТ БЫТЬ — ЕЩЕ КАК-ТО?

Эта глава посвящена одной из самых увлекательных сторон языка — а именно письменности. Или, как чаще говорят, — письму.

Вопросы, поставленные в названии главы, — не праздные. Действительно, это мы с вами, да и вообще все европейцы, привыкли, что буквы и слова идут слева направо. Так пишут и русские, и англичане, и немцы, и французы, и финны, и греки...

Однако если подсчитать, сколько людей на свете пишут слева направо, окажется, что их не так уж много... Во всяком случае не меньше миллиарда на земном шаре пишет справа налево или сверху вниз. Это, например, китайцы: китайскую книгу приходится читать от последней страницы к первой, а каждую страницу — справа налево и сверху вниз. Так же читается японская книга. А арабская или еврейская книга или газета читаются справа налево, но строчки в них идут как в нашей, «обычной» книге, а не превращаются в столбики, как это принято в китайской или японской:

К Т Ч Т — К А Т Т О В А

Н А И А Ю У К С Б А Р А

И Й Т К

Г С А

У К Т Н

У Ь А

Ю Д А вот так — русскую

К О или английскую

И

А вот так писали
-иж и икæг æнвæрдæу
тели острова Пасхи.

Последнее место в нашей табличке занимает древнегреческий способ письма (интересно, что его применяли и некоторые другие народы, о греках никогда и не слышавшие, например жители острова Пасхи). Он называется «бустрофедон», или «борозда быка»: действительно, бык именно так двигается по полю при вспашке.

Есть ли еще какие-нибудь способы расположить письменные знаки на странице? (Мы, конечно, не считаем способ, который Джонатан Свифт в «Путешествиях Гулливера» приписал английским дамам, своим современницам: из верхнего левого угла в нижний правый.) Оказывается, есть. В древнеегипетском письме отдельные знаки (иероглифы) располагались... так, чтобы было красиво! Точнее, их нужно было как бы вписать в квадрат. Ради этого иногда отбрасывали целые слоги или нарушали их порядок в слове. Ну, а в корейском письме (в одной из его форм) пишут столбиками, как в китайском, но слева направо:

Т	П	В
О	Р	О
—	И	Т
Е	М	
С	Е	Т
Т	Р	А
Ь	Н	К
	О	

III? З? ТРИ?

Одно и то же количество предметов можно обозначить при письме разными способами.

Проще всего изобразить каждый предмет специальным значком, например черточкой...

Предположим, речь идет о трех предметах. Тогда у нас будет такая запись: III. Это римская цифра три. Ее прочтет любой человек, ни слова не понимающий по-русски, даже неграмотный. Если потребуется прибавить или отнять единицу, то в римской цифре достаточно прибавить или отнять палочку (в древнем Риме четыре обозначались не IV, как теперь, а IIII).

Другой способ заключается в том, что специальным значком обозначается не каждый из считае-

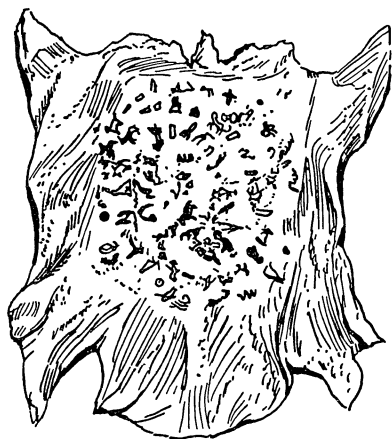
тов, а общий итог счета — 3. Если теперь к подсчитанным нами предметам прибавить еще один или убавить от них один, то внешний облик значка изменится. И мы получим 4 или 2. Такие цифры прочтет и человек, не знающий русского языка, но знакомый с числовыми значениями всех арабских цифр.

Есть и третий способ, когда название числа пишут буквами: *три*. Такую «цифру» уже не прочтет тот, кто не знает русского языка.

Все три способа служат для обозначения одного и того же содержания и используются в различных письменностях земного шара.

Письменность делится на три главных типа или вида: рисуночная, картинная, или пиктографическая (от лат. *pictus* 'писанный красками, нарисованный' + греч. *gráphō* 'пишу'), символическая, или идеографическая (от греч. *idéa* 'понятие' + греч. *gráphō* 'пишу'), и звуковая, или буквенная. Давайте последовательно рассмотрим все основные виды письма и попытаемся представить историю его развития.

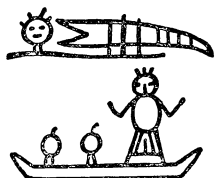
Рисуночное письмо — это, собственно, еще и не письмо, а рисунок, изображающий то, о чем идет речь.

Рассмотрим пример такого письма. Эти записи взяты из хроники-летописи индейцев дакота, написанной на коже бизона индейцем по имени Одинокая Собака. Каждую весну все мужчины племени собирались вместе и решали, какое событие было наиболее значительным в году (год

у дакота считался от лета до лета). Знак для этого события вносили в хронику. Устанавливая ту или иную дату, опирались на эту хронику и говорили так: *Я родился в году, когда отец Одинокой Собаки сломал ногу.*

А вот еще одна надпись рисуночным письмом, но уже меньше похожая на рисунок и скорее напоминающая настоящее письмо, так как обозначено им не просто событие, а содержание определенного, известного текста. Это тоже индейская хроника, на этот раз племени делаваров.

Она называется по-делаварски «Валам Олум», что значит ‘живопись, соответствующая истине’. На этих двух рисунках изображена часть рассказа о потопе (это, конечно, «доисторическая», сказочная часть хроники). Каждый рисунок вызывает в памяти рассказчика-делаваара строчки хроники:

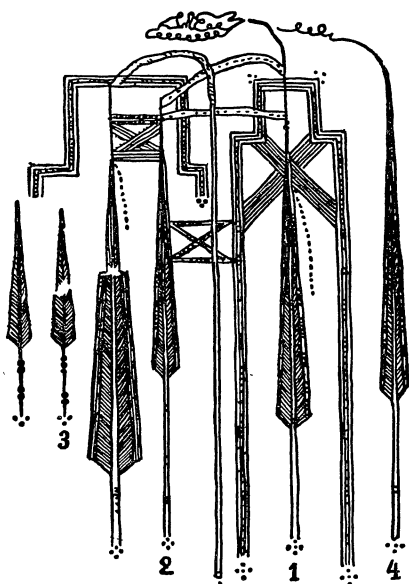
Амангамек, маркдоппанек, алендьювек, метцираннек. Манитодасин мокол вичемаг. «Пал-пал», пайат, пайат, ведичеман.

Большие рыбы, их было много, людей некоторых они сожрали. Манитодасин с лодкой помогла им. «Приди!» Пришла, пришла, помогла всем.

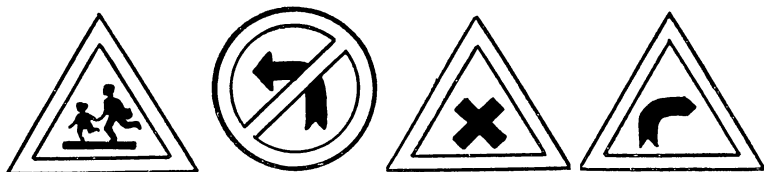
Манитодасин — буквально ‘таинственная дочь’. Это прозвище мифологического существа — женщины Нипахумска, живущей на Луне.

Из этих двух надписей следует вывод: письменность должна быть, как говорят, мнемоническим (в переводе с греческого — ‘памятным’) приемом, то есть сохранять память о том или ином событии или воспроизводить тот или иной текст. Но мнемонической функцией не ограничивается письменность. Ею часто пользуются для того, чтобы передать от одного человека к другому какое-нибудь важное сообщение. Недаром само слово *письмо* имеет два значения — ‘письменность’ и ‘письменное сообщение, пересылаемое на далекое расстояние’.

На рисунке, помещенном ниже, воспроизведено печальное письмо юкагирской девушки (юкагиры — небольшая народность, живущая в северо-восточной части Якутской АССР и на Чукотке): девушка (1) живет в своем доме, но ее мысли витают над домом другого человека (2), хотя у него жена и двое детей (3). А вокруг дома девушки бродит юноша (4), и все мысли его над ее домом.

Иногда письменные знаки определяют, как человек должен в том или ином случае действовать. Зачатки такого письма — зарубки охотников на деревьях. А в усовершенствованном виде мы можем наблюдать его в знаках уличного движения: например, перечеркнутая стрелка означает, что движение в определенном направлении запрещено.

В современном обществе пиктографическое, или рисуночное, письмо встречается на каждом шагу. Может быть, это делается именно для того, чтобы привлечь внимание непривычной в наше время формой сообщения? Вот несколько общеизвестных примеров: череп и кости на трансформаторных будках; значки родов войск на погонах и в петлицах военнослужащих — танки, пушки,

крылья; рисунок рюмки на коробках, в которых перевозятся бьющиеся предметы, и т. д.

В сущности, пиктографические надписи ничем не отличаются от рисунка.

ЧЕЛОВЕК + СЛОВО = ВЕРИТЬ

Внешне древнеегипетская письменность, как и всякая идеографическая письменность, очень схожа с пиктографией, хотя с самого начала эти два вида письменности существенно различались.

Пиктография служила для изображения целого сообщения, а идеография — только для одного слова. На рисунке, помещенном ниже, изображены как раз некоторые знаки древнеегипетской идеографической письменности — иероглифы для отдельных слов. Верхние три ряда знаков просто изображают предметы, которые они обозначают. Следующие два ряда содержат знаки, значение которых вполне определено связано с изображаемыми предметами и понятно читателю. Например, две руки со щитом мы воспринимаем как что-то связанное со сражением. А самый нижний ряд знаков примерно тем же способом символизирует отвлеченные понятия.

Например, скипетр обозначает слово *править*, текущая из сосуда вода — слово *прохладный*.

Вот еще одна идеографическая письменность — клинописная, распространенная среди народов Древнего Двуречья: шумеров и ассиро-вавилонян. Из таблицы на с. 118 видно, что происходит упрощение рисунков, пока они не доводятся до самой общей схемы, в сущности уже не рисунка, а символа, как цифра 3. Из этой же таблицы ясно, что клинописные идеографические знаки позже перенесли из шумерской письменности (шумерский язык изолированный, его родственные связи нам неизвестны) в аккадскую, или ассиро-вавилонскую, при этом они стали читаться по-другому: не «ду» или «гин», а «алакук»; не «сум», а «карашу»... Что-то похожее мы с вами уже заметили, когда в самом начале говорили о цифрах: арабские цифры могут встречаться в самых разноразличных текстах, но всюду они будут поняты правильно. В последнем столбце приведены те способы чтения клинописных значков, которые были в ходу для обозначения собственных имен.

Например, чтобы написать *Эра*, брались знаки слов *канал* и *ходить*.

Но самая знаменитая из идеографических письменностей и, кстати, почти единственная дожившая до наших дней — это китайская иероглифика. Ею до сих пор широко пользуются в КНР. Китайские иероглифы легли в основу современной японской письменности. На рисунке изображены некоторые из иероглифов в их древней и современной форме. А нижняя строка показывает, как возникают составные иероглифы, используемые для передачи отвлеченных понятий. (Кстати, и мы, когда хотим сказать, что человеку можно верить, говорим, что это — *человек слова*.)

IV тысяче- летие до н.э.	III тысяче- летие до н.э.	II-тысячелет. до н.э. Скоролис Вавилон-Ассирий- ская		Что изобра- жено	Словесное значение			Слоговое значение
					что означает	по- шумерски	по- аккадски	
				Нога	„Ходить” „Стоять” „Прини- сать”	Ду, Гин, Ара	Алэку Узүзү Вабэлу	Ду, Гин Губ, Гуп Ра, Тум
				Левая рука	„Левый”	Наб, Куб, Губ	Шумэлу	Наб, Нап Губ, Гуп Хуб, Хуп
				Колышек для креп- ления циновок	„Колышек” „Строить”	Гаг Ду	Сиккату Бану	Гаг, Кан Ду
				Пучок лука	„Лук, чеснок” „Отдавать”	Сум Сум, Си(м)	Карашу Надану	Сум, Шум Се
				Звезда	„Небо” „Бог”	Ан Дингир	Шаму Йлу	Ан
					Значок перед именами богов			
				Рыба	„Рыба”	Куа, Ха	Нуну	Ха
					Значок после названий рыб			
				Горы	„Гора” „Страна”	Кур, Гин Кур	Шаду Мату	Кур, Гин Шад, Шат Мад, Мат Над, Нат Лад, Лат
¹	²			1 Дикий бык 2 Домашн. бык+знак „Горы”	„Дикий бык”	Ам	Рэму	Ам
				Ороси- тельный канал	„Канал”	Э	Йку	Э
				Колос	„Ячмень”	Ше	Шэу	Ше
				Плуг	„Плуг” „Земле- делец” „Пахать”	Апин Энгар Уру	Эпйниу Йккару Эршу	Пин

Всего в современной китайской письменности около 60 тысяч иероглифов. Но не все из них используются одинаково часто. Выучить наизусть столько иероглифов — колоссальный труд, и только немногие люди знают их.

древние	современные	древние	современные
	日 <i>жи</i> „солнце“		木 <i>му</i> „дерево“
	月 <i>юэ</i> „луна“		雨 <i>юй</i> „дождь“
	山 <i>шань</i> „гора“		矢 <i>ши</i> „стрела“
	子 <i>цзы</i> „ребёнок“		門 <i>мэнь</i> „дверь, ворота“
	巳 <i>ба</i> „большая змея“		冊 <i>цэ</i> , „связка бамбуковых дощечек с текстами, книга, том“
древн. совр.	древн. совр.	древн. совр.	древн. совр.
口 <i>коу</i>	鳥 <i>няо</i>	人 <i>жэнь</i>	言 <i>янь</i>
易 <i>ми</i>	鳴 <i>мин</i>	信 <i>синь</i>	日 <i>жи</i>
月 <i>юэ</i>	明 <i>мин</i>		
„рот“ „птица“ „петь“ „человек“ „слово“ „верить“ „солнце“ „луна“ „ясный, светлый“			

Обычно китаец владеет несколькими тысячами иероглифов, и этого вполне хватает для чтения газет, журналов и художественной литературы.

РОЖДЕНИЕ БУКВ

Египетские иероглифы не так уж долго оставались идеографическими знаками. Довольно скоро наряду со знаками, обозначающими непосредственно содержание слова без учета его звучания, появились фонетические знаки, отражающие именно звучание. Собственно, они существовали в египетской письменности всегда: как иначе можно было написать чье-либо имя? С течением времени грамотных становилось больше: уже не только жрецы, но и купцы, моряки и военачальники нуждались в письменности, чтобы вести свои дела. А фонетический принцип оказался гораздо более легким и доступным для усвоения и употребления, чем идеографический, который требовал механического запоминания сотен знаков. Поэтому египтяне перешли в основном на фонетическую письменность.

Появились знаки двух типов. Одни обозначали звучание слова, но при этом воспроизводили только согласные звуки. В древнеегипетском языке, как и в любом другом, многие слова содержали одни и те же согласные, но различались по составу гласных. И чтобы не смешивать друг с другом эти слова, к обозначению согласных прибавляли поясняющий знак. Он показывал, к какой группе значений относится это слово, и играл роль так называемого определителя.

мужчины	женщины	мякоти- тающие	деревья	растения	орошаемая земля	страны
города	вода	дома	мясо, члены		свет, время	камни
пустыни, чужие страны	идти	глаз, видеть	сосуды, жидкости			резать
связывать	действия, требующие силы	корабли	ломать, делить	пыль, минералы	огонь	отвлеченные понятия

Определители, поясняющие знаки, которыми пользовались при письме древние египтяне для того, чтобы показать, к какой группе значений относится то или иное слово.

Приведем пример из русского языка. Представьте себе, что мы с вами пользуемся египетским принципом письма. Может быть множество слов, содержащих согласные *сн*: *сон*, *сан*, *сени*, *сено*, *сын*, *сани*, *соня*, *осень*, *Сеня* (имя). И вот слово *сын* надо было бы обозначить: *сн* + знак мужчины; *сан* — *сн* + вельможа; *сени* — *сн* + дом; *сено* — *сн* + поле; *сани* — *сн* + двигаться; *осень* — *сн* + время года; *Сеня* — *сн* + специальный знак для собственных имен, а *сон* — *сн* + 'отвлеченное понятие'.

От таких значков уже легко было перейти к знакам для отдельных слогов: вместо единого знака для слова *сн* брались два отдельных знака для двух слов или слогов: первый содержал только один согласный *с*, а второй — только один согласный *н*, то есть вместо иероглифа (*сн*) брались два иероглифа — и . Первый из них

происходит от изображения свернутого покрывала, а второй — от изображения воды. Постепенно слоговые знаки стали преобладать в древнеегипетской письменности.

Но наряду с определителями и знаками для слогов и слов в древнеегипетском письме продолжали существовать и иероглифы идеографического характера, и знаки для слов типа *сн*. Важнейший шаг на пути к нашему алфавиту сделали древние финикийцы: они воспользовались для письма египетскими иероглифами, но взяли только те из них, которые обозначали отдельные слоги, а потом создали для недостающих в египетском языке звуков своего языка новые знаки по образцу египетских.

Настоящий — не слоговой, а буквенный — алфавит, где есть знаки не только для согласных, но и для гласных, появился впервые у древних греков. Они заимствовали письменность у финикийцев, но оказалось, что она не очень пригодна для греческого языка: ведь финикийский язык, как арабский, а греческий — индоевропейский, где гласные играют очень важную роль и им тоже нужны обозначения. Тогда-то греки и придумали знаки для гласных.

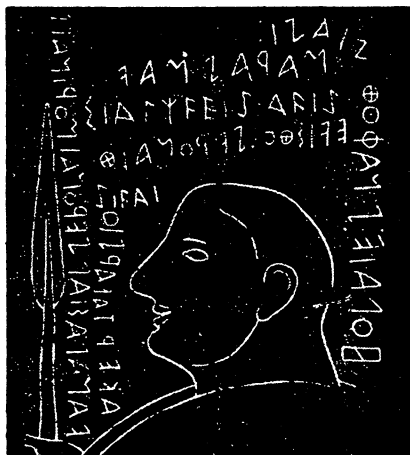
Греческий алфавит оказался так прост и удобен, что им воспользовались и другие народы Средиземноморья — ликийцы, лидийцы, фракийцы, карийцы, этруски.

На рисунке изображена надпись ранним греческим алфавитом на неизвестном до сих пор языке, относящаяся к VII веку до новой эры.

Ее нашли на острове Лемнос в Эгейском море. Надпись эта читается не слева направо, как современные тексты, а справа налево, как финикийские надписи

В наше время на земном шаре неизвестных письмен осталось уже совсем немного — не больше десятка-двух. Некоторые из них прочитаны не так давно.

В 1951 году всему

миру, как мы уже говорили раньше, стало известно имя историка Юрия Валентиновича Кнорозова. Он сделал то, что не удавалось многим ученым разных стран,— прочел древнюю письменность народа майя (Центральная Америка). В Новосибирске результаты расшифровки Ю. В. Кнорозова заложили в виде программы в электронную счетную машину, и, проработав многочисленные тексты майя, машина подтвердила правильность расшифровки.

Особенно интересна история расшифровки одной из малоизвестных письменностей Центральной Азии — киданьской. Ее расшифровала, точнее, помогла ученым расшифровать машина. Она быстро подсчитала, какие значки встречаются реже и только в начале слов (по-видимому, они обозначают корни), какие — чаще, насколько часто и в какой последовательности и т. д. В результате оказалось возможным против каждого слова, написанного по-киданьски, условными знаками написать, где у него корень, где суффиксы и с каким примерно значением, где окончания. При этом выяснилось, что по строению слов и по некоторым другим признакам киданьский язык очень похож на монгольские и, вероятнее всего, принадлежит именно к этой группе. Теперь стало сравнительно легко прочитать киданьские тексты до конца.

Сейчас группа советских ученых работает над расшифровкой еще одной таинственной письменности — знаменитых «кохау ронго-ронго» («говорящих досок») острова Пасхи. Несколько таких досок хранится у нас в Ленинграде. Всего их сохранилось 15. До сих пор они не прочитаны. Интересно, что большой вклад в расшифровку письменности острова Пасхи внес ленинградский школьник Борис Кудрявцев, которому удалось проанализировать знаки этой письменности и выделить сходные места в разных текстах. Борис Кудрявцев ушел в 1941 году на фронт и погиб; его первая и единственная печатная работа была опубликована уже посмертно — в 1949 году

БИОГРАФИЯ НАШЕГО ПИСЬМА

Из финикийского алфавита и родственных ему возникли многие другие письменности, в основном слоговые, в которых гласные стали обозначаться значительно позже.

Сюда относится, например, арабская письменность, распространенная на обширном пространстве от Марокко на западе до некоторых островов Океании на востоке,

индийская письменность, различные варианты которой применяются не только в самой Индии, но и в Мьянме, Лаосе, Камбодже, Таиланде, Непале, Шри-Ланке, Индонезии.

В свою очередь, многие письменности, в том числе и латинский алфавит, возникли из греческого письма. Латинским алфавитом с различными дополнительными знаками и двойными буквенными обозначениями для звуков, не существовавших в латинском языке, сейчас пользуется громадная часть человечества. Например, звук *ш* обозначается в немецкой письменности *sch*, во французской — *ch*, в английской — *sh*, в румынской — *ș*, в чешской — *š*, в польской — *sz*, в шведской — *sk*, а в итальянской — *sc*. Латинским алфавитом пользуются в СССР эстонцы, латыши, литовцы, молдаване...

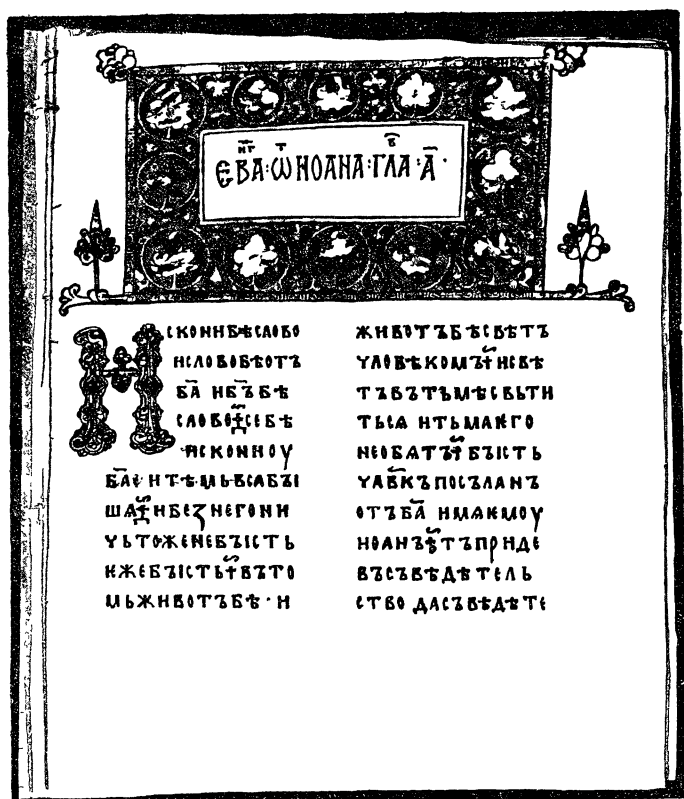
Но нас с вами больше всего интересует русский алфавит, или, как его иначе называют, кириллический. Принято считать, что русский, точнее, славянский алфавит изобрели два ученых-монаха — братья Кирилл и Мефодий. Не так давно, в 1963 году, во всех славянских странах праздновали юбилей — 1100 лет со времени создания первой славянской азбуки. А в Болгарии День славянской письменности празднуют каждый год.

Строго говоря, кириллическая письменность, или кириллица, — это не единственная раннеславянская письменность. Одновременно с ней существовала еще так называемая глаголица (от слова *глагол* — по-старославянски 'слово'). Она более сложна, чем кириллица. Некоторые ученые полагают, что Кирилл изобрел и кириллицу, и глаголицу: ведь многие буквы обеих азбук очень похожи. Другие думают, что одна из них существовала еще до Кирилла, но какая именно — мнения расходятся.

В кириллице 43 буквы. Между прочим, они использовались и для обозначения цифр: для этого над ними ставились особые черточки. С течением времени некоторые из этих букв оказались лишними, потому что исчезли обозначаемые ими звуки, а кое-какие были лишними с самого начала. Дело в том, что славянский алфавит создан на основе греческого и в него попали буквы для звуков греческого языка, которых не было в славянских.

Кириллицей написаны древнейшие славянские книги. Выдающимся памятником книжного искусства Древней Руси является Остромирово евангелие, которое было написано кириллицей в 1056—1057 гг дьяком Григорием

Страница из древнейшего русского датированного памятника письменности — Остромирова евангелия (1056—1057 гг.), написанного кириллицей.

по поручению новгородского посадника Остромира.

Со временем кириллица в ее строгом старом начертании стала препятствием широкому распространению грамотности на Руси, так как требовала от пишущих и читающих особого искусства. В 1708 г. Петр I издал указ о напечатании «новоизобретенными русскими литерами» «Геометрии». Этот «гражданский» шрифт сохранял конфигурацию кириллических букв, но отличался большей простотой, удобством для письма и для печати. В 1710 г. Петр I утвердил образец «гражданской» азбуки, пересмотрев для этого весь кириллический алфавит. Девять букв оказались в русском алфавите обузой: пси,

кси, фита, ижица, омега, иже, зело, ять, юс малый, а три — *юс большой* и еще два *юса* (так называемых *йотованных*) перестали употреблять еще раньше. Петр I не решился выкинуть все эти лишние буквы из русского алфавита, а ограничился тем, что отказался от *юсов, кси* и

омеги. Однако уже и эта незначительная реформа сыграла большую роль: стало ясно, что как бы ни были привычны ненужные буквы, ничего страшного не произойдет, если их вычеркнуть из азбуки. И вот понемногу вычеркнули и другие лишние буквы, так что к началу XX века их сохранилось только четыре: *і* (или *и* с точкой), *фита*, *ижица* и *ять*. Такое постепенное исключение лишних букв объясняется тем, что всякую реформу алфавита реакционеры царской России рассматривали как своего рода революцию в области письменности и школьного обучения и мешали ее осуществлению. «Если можно посягнуть на официальные правила письма, то почему нельзя усомниться вообще в законности и целесообразности общественных порядков царской России?» — рассуждали они. И совсем не случайно дело реформы алфавита всегда поддерживали прогрессивные ученые, писатели, общественные деятели. И только Октябрьская революция помогла осуществить коренную реформу русского алфавита.

Легко подсчитать, что после исключения лишних букв их должно остаться в русском алфавите 31. А оказалось 33. Откуда же взялись еще две? Их придумали еще в XVIII веке для звуков, не существовавших в старославянском: *й* — в 1735 году, а *ё* — в 1797 году. Букву *ё* впервые использовал писатель Н. М. Карамзин, автор повести «Бедная Лиза». Этих 33 букв нам сейчас вполне хватает.

Глава 7

ЯЗЫК, НА КОТОРОМ НЕ ГОВОРЯТ

МОЖНО ЛИ СТОЯТЬ НЕ ПО-РУССКИ?

Можно! Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на эту зарисовку. Она сделана в городе Тбилиси. Я часто и помногу там бывал и могу подтвердить: грузины нередко стоят именно так. Важнее другое: русские никогда так не стоят!

Сядьте и закиньте ногу на ногу. Готово? Вы положили коленку одной ноги на коленку другой, как на рисунке. Предложите сделать то же американцу: он положит щиколотку одной ноги на колено другой, как на рисунке.

А теперь давайте попросим людей разных национальностей сесть на пол. Мы с вами к этому вообще не при-

выкли, нам нужны либо стул, либо табуретка, либо скамейка. Но если сесть на пол все-таки придется, мы, так сказать, отбросим ноги в сторону. Нам так удобнее. А турки и вообще народы Ближнего и Среднего Востока, в частности советской Средней Азии, сядут по-турецки. Японцы садятся на корточки. Североамериканский индеец, когда садится, подложит под себя ногу. Художник нарисовал, как сидят люди разных национальностей. Внимательно посмотрите этот рисунок и сравните каждого из сидящих.

Чтобы по-русски сделать утвердительный жест, мы киваем головой. Если хотим сказать «нет» — мотаем головой влево и вправо.

У болгар наоборот (или, вернее, почти наоборот). А вот что пишет один американский исследователь про другие народы:

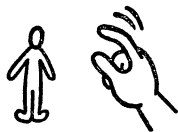
«У овимбунду в знак отрицания принято махать рукой перед лицом, вытянув указательный палец; негритосы выражают отрицание, опуская глаза. Семанги резко вытягивают шею вперед в знак согласия... В Бенгалии (для утверждения.— *А. Л.*) четырежды наклоняют голову от плеча к плечу, так что макушка описывает плавную кривую; в Пенджабе и Синде откидывают голову назад по кривой к левому плечу, причем это движение делается один раз... На Цейлоне опускают подбородок и отводят его вниз и влево по кривой...»

Советский востоковед, большой знаток арабской культуры Ю. Н. Завадовский прибавляет к этому: «...Чтобы сказать просто «нет», арабы поднимают голову (турки при этом прищелкивают языком), а чтобы выразить абсолютное отрицание, кусают ноготь на большом пальце правой руки и затем быстро выбрасывают руку вперед»

Как поманить человека пальцем? Вот так:

А арабы Северной Африки делают наоборот:

Вы встретили знакомого и хотите с ним поздороваться. Как вы это сделаете?

Первый способ — рукопожатие. Но далеко не единственный! Можно кивнуть головой. Можно поднять пра-

вую руку и помахать ею из стороны в сторону. Можно снять кепку или поднести к ней руку, как будто вы хотите ее снять. Можно прикрыть глаза и улыбнуться. Или просто улыбнуться. Можно хлопнуть приятеля по плечу или по спине. Можно обняться или даже поцеловаться с ним. Или поцеловать руку (если это женщина).

Лет пятнадцать назад я открыл еще один способ. Представьте: вы сидите с кем-то и заняты очень важным разговором. Некто проходит мимо и здоровается с вами. Вы не можете оторваться от беседы. Что вы делаете? Не прекращая разговора, поводите глазами на «прохожего» и слегка приподнимаетесь.

И все равно это будет понято как приветствие!

Но всеми этими способами здороваются именно порусски. Представлю слово тому же американцу — Ульму Ла Барру:

«...Эскимосы реки Коппер приветствуют чужеземцев ударом кулака по голове или по плечам, а жители северо-западных районов Амазонки хлопают друг друга по спине в знак приветствия. Полинезийцы обнимаются и потирают друг другу спину. Южноамериканские испанцы (мужчины) приветствуют друг друга стереотипным объятием: голова над правым плечом партнера, три хлопка по спине, голова над левым плечом партнера, еще три хлопка... Двое курдов при встрече хватают друг друга за правую руку, поднимают руки, не разжимая их, и попеременно целуют друг другу руки. Андаманцы садятся друг другу на колени в знак приветствия, обнимаются за шею и при этом плачут... Прощальное приветствие состоит у андаманцев в том, что подносят руку партнера ко рту и тихонько дуют на нее».

У вас, возможно, возникло желание ввести эскимосское приветствие в школьную практику. Не рекомендую. Тогда уж и все остальное надо делать по-эскимосски. Например, есть сырое мясо (само слово *эскимос* и означает на одном из индейских языков 'сыроед').

ЧТО ТАКОЕ ЭТИКЕТ?

Я встретился со своим узбекским или таджикским другом. Даже если он очень торопится, он никогда не начнет разговора прямо с дела. Сначала он подробно расспросит о моем здоровье, о здоровье моей семьи, а я, зная этот обычай, расспрошу его о том же. Ответа, в сущности,

не требуется, но узбекская вежливость требует, чтобы эти вопросы были заданы.

А вот у кабардинцев подробные расспросы считаются неприличными. В прежние времена обычаем было запрещено в течение трех дней (!) задавать гостю вопросы — даже о том, кто он, откуда и куда едет. Так что если гость хотел, он мог оставаться вообще неизвестным никому — сохранять инкогнито...

У каждого народа, и у русского в том числе, есть свои обычаи, свои представления о том, что вежливо и что невежливо — вообще и в данный момент. Ясно, что есть и универсальные, общие правила. Ни один вежливый человек, к какому бы народу он ни принадлежал, на каком бы языке ни говорил, не плюнет в присутствии гостя, не повернется спиной, поздоровавшись с человеком... Невежливость остается невежливостью; а вот вежливость меняется от народа к народу, от языка к языку.

Немецкий путешественник Кох-Грюнберг рассказывает: у индейцев Бразилии принято такое правило. Если кто-то уходит, он должен подойти к каждому из присутствующих отдельно (сколько бы их ни было!), сообщить о своем уходе и услышать: «Иди». Когда он возвращается, то подходит опять к каждому и каждый спрашивает его: «Вернулся?» И тот отвечает: «Да». Это совершенно обязательно. Общее «пока!» или общее «привет!» — там страшнейшее нарушение правил вежливости, на вас после этого просто смотреть не станут!

Если гость приходит в китайский дом, ему всегда предлагают пообедать. Настойчиво предлагают! А гость — по этикету — обязан отказываться... Так, кстати, и у армян, и у египтян.

У японцев принято говорить о собеседнике только преувеличенно хорошие слова: не «ваше имя», а «ваше почтенное имя», «ваше благоухающее имя». Не «ваше письмо», а «ваше драгоценное письмо». А о себе, напротив, необходимо говорить уничижительно: не «моя работа», а «моя неумелая работа», не «мой дом», а «мой жалкий дом»...

ЧТО ОЗНАЧАЕТ ЗАЯЦ?

В каждом языке, у каждого народа есть предметы, цвета, изображения, которые значат больше, чем они значат на самом деле.

Как это может быть?

Береза для любого русского не только дерево. Это еще и символ, знак Родины. Помните песню?

...Вернулся я на родину,

Шумят березки стройные...

Красивую, стройную женщину тоже сравнивают с березой, березонькой. Совсем по-другому обращается русский с осиной: осиновый кол, дрожать как осиновый лист. Черепаха — символ медлительности. Заяц — он какой? Торопливый, серый, косой и трусливый. «Эх ты, заяц!» Лиса — хитрая, лъстивая («Какие перышки! Какой носок!»). Медведь — неуклюжий, добродушный.

...Англичане, переезжавшие в Австралию или Новую Зеландию, брали с собой рассаду маленького весеннего цветка — первоцвета, или примулы, и высаживали этот цветок под окном дома. Первоцвет — это символ родной страны для англичанина. А для канадца «березой» служит клен: кленовый лист изображен даже на канадском флаге. И на свитерах канадских хоккеистов.

В странах, где распространена буддийская религия (в Тибете, Монголии, Непале), заяц — животное уважаемое: символ мудрости. А у японцев, африканских негров — символ ума, догадливости: таким он выступает в сказках этих народов.

Корова у нас не слишком почтенное животное. А у древних греков назвать женщину «волоокой», то есть сказать, что у нее глаза коровы (вола), значило сделать ей высший комплимент. В Древней Индии прекрасную женщину называли *гаджагами* — «идущая походкой слона». Сравнить ее с коровой тоже было почетно.

А береза для древних индийцев — символ милосердия, любви к людям.

И в заключение один случай, происшедший на моих глазах. Наш монгольский коллега, занимающийся в МНР преподаванием русского языка, приехал в Москву и работал над учебником. Ему попался текст, названный так: «Собака — друг человека».

Мой знакомый очень смутился. Когда его спросили, в чем дело, он сказал: «Текст не очень подходит для монгольских студентов. Разве собака — друг человека?»

— Ну, а кого же можно назвать другом? — спросили мы.

— Да хотя бы лошадь, — уверенно ответил он.

Заключение

Мы с вами проделали кругосветное путешествие. И не одно.

Мы побывали в джунглях Амазонки и Новой Гвинеи, в пустынях Африки, Центральной Америки и Австралии, в тайге (у кетов) и в тундре (у чукчей, эскимосов, ненцев, нганасанов). Мы познакомились с сотней разнообразных языков. Некоторые из них похожи на русский (например, польский, чешский, словацкий, болгарский). Другие совсем не похожи — вьетнамский, готтентотские, папуасские...

Как вы думаете: зачем мы пустились в этот далекий путь? Неужели только ради того, чтобы узнать, что в бушменских и готтентотских языках есть шелкающие и чмокающие звуки, а в бирманском языке два множественных числа (и в то же время ни одного)? Подумайте сами: стоило ли мне писать эту книжку только для развлечения, только для того, чтобы рассказать вам о странностях языков?

Ну, конечно, не для того, хотя коллекция получилась, кажется, довольно занимательная. И мне самому эту книжку писать было интересно и весело.

Хотел я другого. Чтобы вы, закрыв последнюю страницу книги, по-новому посмотрели на наш с вами родной русский язык. Чтобы вы увидели: каждая, буквально каждая черточка этого языка может быть «начертана» в другом языке совсем по-другому. Звуки и ударения, морфология и синтаксис, слова и предложения...

Когда мы учим грамматику родного языка, нам кажется, что никакой иной грамматики и быть не может. И даже изучая иностранный язык (а в школе это обычно

английский или немецкий — они не так уж сильно отличаются от русского), мы меряем его мерками своего родного — русского.

Вот я и стремился, шагая вместе с вами по карте языков, чтобы вы поняли: нет и не может быть такой общей меры. Нельзя подходить к чужому языку с понятиями родного. Именно такой подход рождает презрение к другим языкам, которые ничем не хуже. А непонимание и презрение рождают самое страшное — презрение к другому народу, его культуре, его духовному богатству. Рождают национализм и шовинизм, уверенность в том, что моя нация — единственно достойная, а прочие, скажем — негры или славяне, не стоят того, чтобы о них (и о их языках) говорить серьезно. Так рассуждали еще древние греки: все, кто говорят на чужих, непонятных языках («бар-бар-бар»), — варвары. (Отсюда и слово!)

Уважение к национальной культуре, к родным языкам других народов невозможно без знания этой культуры, без хотя бы самой общей осведомленности об этих языках.

«Плохих» и «хороших» языков не бывает, как нет «плохих» и «хороших» народов. Зайдите в мастерскую скульптора, чеканщика по металлу, ювелира. Вы увидите там множество разнообразных орудий и инструментов. Каждое из них совершенно для своей цели, хотя применяются они иногда совсем по-разному.

Так совершенен и любой язык: он тоже орудие. Но он не только орудие — он и зеркало. Зеркало жизни и труда народа, зеркало его общественного развития. И в то же время зеркало связей этого народа с другими народами.

Я горд тем, что моя специальность — специальность языковеда — помогает другим людям узнать и полюбить языки и культуры разных народов. И я буду счастлив, если, прочитав мою книгу, вы сможете увлечься моей профессией и в будущем сделать ее своей.

...Мне жаль расставаться с вами. Но уже пора. И в качестве последнего напутствия я хочу порекомендовать вам некоторые книги о языке.

Начнем с энциклопедических изданий. В «Детской энциклопедии» есть том «Язык и литература». Существует «Энциклопедический словарь юного филолога». Автор книжки, которую вы сейчас читаете, написал также небольшую книгу «Что такое язык?» (М.: Педагогика, 1976). Правда, она рассчитана на старшеклассников.

На них же рассчитаны книги: Сахарный Л. В. Как

устроен наш язык. — М.: Просвещение, 1978; Леонтьев А. А. Мир человека и мир языка. — М.: Детская литература, 1983.

«Книга о языке» Ф. Фолсома выпущена издательством «Прогресс» двумя изданиями (в переводе с английского).

Много раз выходили книги писателя и лингвиста Льва Успенского «Слово о словах», «Имя дома твоего», «Ты и твое имя».

Читайте эти и другие книги о языке, о русском в частности. Глубже вникайте в текст, вдумывайтесь в примеры, и перед вами откроется новый волшебный мир, который ждет своего исследователя. Стремитесь раскрыть тайны жизни языка. Это так увлекательно, но требует усидчивости, стремления к познанию, работы, работы, работы. Желаю успеха всем тем, кто решит продолжить путешествие в глубь языка, кто захочет открыть для себя хотя бы свой родной язык.

Словарь-справочник языков

В справочник включены все языки (а также некоторые группы и семьи языков), упоминаемые в тексте книги. После названия языка указано место его распространения. Мертвые языки обозначены крестиком: +

А

абазинский — СССР, Кавказ

абелам — Нов. Гвинея

абхазский — СССР, Кавказ

ава — Нов. Гвинея

аварский — СССР, Кавказ

адыгейский — СССР, Кавказ

азербайджанский —

СССР, Кавказ

аймара — Южная Америка

айнский — Япония

айсорский — СССР, Кавказ

+ аккадский — Ближний Восток

албанский — Европа, Балканский п-ов

алеутский — Алеутские и Командорские о-ва, Тихий океан

алтайский — СССР, Зап. Сибирь

амхарский — Вост. Африка

английский — Великобритания, США, Австралия, Нов. Зеландия и др

андаманские — Андаманские острова (Индийский океан)

апачский — Сев. Америка

арабский — Сев. Африка, Ближний Восток, Аравийский п-ов

аранта — Австралия

арауканский — Юж. Америка

армянский — СССР, Кавказ

арчинский — СССР, Кавказ

асмат — Нов. Гвинея

ассамский — Индия

африкаанс — Юж. Африка

Б

балкарский — СССР, Кавказ
бамбара — Зап. Африка
баскский — Пиренейский п-ов, Европа
башкирский — СССР, Приуралье
белорусский — СССР, европейская часть
бенгали — Индия, Бангладеш
берберские — Сев. Африка
бирманский — Мьянма, Ю.-В. Азия
болгарский — Балканский п-ов, Европа
бонгу — Нов. Гвинея
бретонский — Франция, Европа
бурушаски — Центр. Азия (Сев. Индия)
бурятский — СССР, Вост. Сибирь

В

валлийский — Великобритания, Европа
+ ведийский — древнеиндийский — Индия
венгерский — Венгрия, Вост. Европа
вери — Нов. Гвинея
волоф — Зап. Африка
вьетнамский — СРВ, Ю.-В Азия

Г

га — Зап. Африка
гавайский — Гавайские о-ва, Тихий океан

гадсуп — Нов. Гвинея
+ галльский — древний кельтский язык — современная Франция
голландский — Нидерланды, Зап. Европа
+ готский — древний германский язык
греческий — Балканский п-ов, Европа
грузинский — СССР, Кавказ
+ гуанчский — Канарские о-ва, Атлантический океан
гуарани — Юж. Америка
гуджарати — Индия
гули — Нов. Гвинея

Д

дакота — Сев. Америка
даргинский — СССР, Кавказ
дари — Афганистан
датский — Европа
делаварский — Сев. Америка
+ древнеегипетский — Сев. Африка, на территории АРЕ
+ древнепрусский — на территории западной части СССР, в Прибалтике
дунганский — СССР, Ср. Азия; западная часть КНР

З

занский — СССР, Кавказ
запотек — Центр. Америка
зулу — Юж. Африка
зуни — Сев. Америка

И

иврит — Израиль, Ближн.
Восток
идиш — язык евреев Вост.
Европы и СССР
ингушский — СССР, Кав-
каз
индонезийский — Индоне-
зия, Ю.-В. Азия
ирландский — о-в Ирлан-
дия, Европа
исландский — о-в Ислан-
дия, Атлантический оке-
ан
испанский — Пиренейский
п-ов, Европа; Латин-
ская Америка
итальянский — Европа
ительменский — СССР,
Дальн. Восток (п-ов
Камчатка)
итонама — Юж. Америка

Й

йоруба — Зап. Африка

К

кабардинский — кабарди-
но-черкесский — СССР,
Кавказ
казахский — СССР, Ка-
захская ССР; западная
часть КНР
каннада — Индия
какчикель — Центр. Аме-
рика
калмыцкий — СССР, Сев.
Кавказ
карачаевский — СССР,
Кавказ
каталонский — Пиреней-
ский п-ов, Европа

кашмирский — Индия
квакиутль — Сев. Америка
кева — Нов. Гвинея
кекчи — Центр. Америка
кетский — СССР, Сибирь
кечуа — Юж. Америка
киваи — Нов. Гвинея
киргизский — СССР, Сред.
Азия
китайский — Вост. Азия,
КНР
киче — Центр. Америка
коми — СССР, Приуралье
коптский — Сев. Африка,
на территории АРЕ
корейский — Вост. Азия,
Корейский п-ов
корякский — СССР,
Дальн. Восток (п-ов
Камчатка)
кунг — Юж. Африка
курдский — СССР, Кавказ
и Туркменская ССР;
Ближн. Восток
кушитские — Сев. Африка
кхмерский — Ю.-В. Азия,
Камбоджа

Л

лакский — СССР, Кавказ
лаосский — Ю.-В. Азия,
ЛНДР
+ латинский — Европа
латышский — СССР, При-
балтика
лезгинский — СССР, Кав-
каз
литовский — СССР, При-
балтика
луба — Центр. Африка
луганда — Центр. Африка
лужицкий — Вост. Евро-
па, ГДР

М

мазатек — Центр. Америка
 майя — Центр. Америка
 македонский — Европа, Балканский п-ов
 малайский — Ю.-В. Азия, Малайзия
 малаялам — Индия
 малинке — Зап. Африка
 мальтийский — о-в Мальта, Средиземное море
 мам — Центр. Америка
 мансийский — СССР, Зап. Сибирь
 маньчжурский — Дальн. Восток, северная часть КНР
 маори — Нов. Зеландия
 маратхи — Индия
 марийские — СССР, Приволжье
 масаи — Вост. Африка
 меланезийские — Тихий океан
 микронезийские — Тихий Океан
 миштек — Центр. Америка
 молдавский — СССР, Молдавская ССР
 монгольский — Центр. Азия, МНР
 монумбо — Нов. Гвинея
 мордовские — СССР, Приволжье

Н

навахо — Сев. Америка
 нама — Юж. Африка
 насиои — Меланезия, у берегов Нов. Гвинеи
 нахуатль — Центр. Америка

нганасанский — СССР, Зап. Сибирь (п-ов Таймыр)
 немецкий — Европа: ГДР, ФРГ, Австрия, Швейцария
 ненецкий — СССР, север европейской части
 нивхский — СССР, Дальн. Восток
 норвежский — Европа, Скандинавский п-ов
 нутка — Сев. Америка

О

овимбунду — Юж. Африка
 оджибва — Сев. Америка
 онейда — Сев. Америка
 осетинский — СССР, Кавказ
 отоми — Центр. Америка

П

папуасские — Нов. Гвинея и прилегающие острова
 персидский (фарси) — Ближн. Восток
 польский — Вост. Европа
 понка — Сев. Америка
 португальский — Европа, Пиренейский п-ов; Бразилия
 провансальский — Юж. Франция
 пушту — Центр. Азия

Р

рапануйский — о-в Пасхи, Тихий океан
 ретороманский — Центр. Европа, Швейцария
 румынский — Вост. Европа
 русский — СССР

С

саамский — СССР, Коль-
ский п-ов; Скандинав-
ский п-ов
сайбалгал — Австралия
самоа — Тихий океан
+ санскрит — древнеин-
дийский — Индия
сардинский — о-в Сарди-
ния, Средиземное море
сванский — СССР, Кавказ
сербскохорватский — Ев-
ропа, Балканский п-ов
сефардский — язык быв-
ших евреев Испании
сингальский — Шри Лан-
ка
синдхи — Индия
сиу — Сев. Америка
+ скифский — древний
язык жителей Юж. Рос-
сии
словацкий — Вост. Европа
словенский — Европа,
Балканский п-ов
(СФРЮ)
сонгаи — Зап. Африка
суахили — Вост. Африка
сунданский — Ю.-В. Азия,
Индонезия

Т

табасаранский — СССР,
Кавказ
тагальский — Тихий океан,
Филиппинские о-ва
таджикский — СССР, Ср.
Азия
таити — Тихий океан
тайский — Ю.-В. Азия
тамильский — Индия
тангма — Нов. Гвинея

+ тасманийские — о-в
Тасмания у берегов
Австралии
татарский — СССР, При-
волжье
телефол — Нов. Гвинея
телугу — Индия
тибетский — Центр. Азия,
юго-западная часть
КНР
тив — Зап. Африка
ток-писин — Нов. Гвинея
тувинский — СССР, Зап.
Сибирь (Тувинская
АССР)
тупи — Юж. Америка
турецкий — Ближний Вос-
ток (Турция)
туркменский — СССР,
Ср. Азия

У

удмуртский — СССР, При-
волжье
узбекский — СССР,
Ср. Азия
украинский — СССР
+ урартский — древний
язык Ближн. Востока
урду — Пакистан

Ф

фиджи — Тихий океан
+ финикийский — Ближн.
Восток
финский — Вост. Европа
(Финляндия)
фламандский — Европа
(Бельгия)
форе — Нов. Гвинея
французский — Зап. Евро-
па (Франция, Бельгия,
Швейцария)

фризский — Фризские
о-ва, Северное море
фульбе — Зап. Африка

Х

хакасский — СССР, Центр.
Сибирь
хантыйский — СССР, Зап.
Сибирь
хануноо — Тихий океан
(Филиппинские о-ва)
хауса — Зап. Африка
+ хеттский — древний
язык Ближн. Востока
хинди — Индия

Ц

цыганский — распростра-
нен по всей Европе и
большой части СССР

Ч

чейенский — Сев. Америка
чероки — Сев. Америка
чеченский — СССР, Кав-
каз
чешский — Вост. Европа
чиппевейский — Сев. Аме-
рика
чоктавский — Сев. Аме-
рика
чувашский — СССР, По-
волжье
чукотский — СССР,
Дальн. Восток (п-ов
Чукотка)

Ш

шауни — Сев. Америка
шведский — Сев. Европа,
п-ов Скандинавия
шотландский — Европа,
Великобритания
+ шумерский — древний
язык Ближн. Востока

Э

эве — Зап. Африка
+ эламский — древний
язык Ближн. Востока
эскимосский — п-ов Чу-
котка, север Сев. Аме-
рики, о-в Гренландия
эсперанто — искусствен-
ный международный
язык
эстонский — СССР, При-
балтика
+ этрусский — древний
язык Апеннинского
п-ова, Юж. Европа

Ю

юкагирский — СССР,
Дальн. Восток

Я

яванский — Ю.-В. Азия,
Индонезия
якутский — СССР, Вост
Сибирь
японский — Вост. Азия,
Япония
яунде — Зап. Африка

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора

3

Глава 1

НЕСХОЖИЕ БРАТЬЯ

От имени науки

5

Индоевропейская семья

8

Еще одна семья — тюркская

10

Языки «вставляющие» и языки «изолирующие»

11

Родословное древо языков и как его составляют...

13

Глава 2

ЧТО ЖЕ ЭТО ЗА КАРТА?

Снова индоевропейцы

21

Афроазиатские языки

25

Уральские языки

26

Алтайские языки

26

Кавказские языки

27

Чукотско-камчатские и другие языки Сибири
и Дальнего Востока

28

Китайский язык и его соседи

29

Австроазиатские языки

31

Дравидские и прочие языки континентальной Азии

31

Языки Тихого океана

32

Не ходите в Африку...

34

Новое об индейцах

36

Подведем итоги

39

Глава 3

ЗВУКИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Миша, Мкртич и Мауи

40

Ах, фремя, фремя!

45

Немножко о фонеме

51

Звуки в упаковке, или Что такое ударение

53

Глава 4

БЫВАЮТ ЛИ ЯЗЫКИ БЕЗ ГРАММАТИКИ?

Куда склоняются наши слова?

61

Нельзя ли просклонять глагол?

66

Мать видит дочь

68

Нужна предикативность, дядя!

71

Трое делают что-то с двоими, или Язык-бухгалтер

76

«Мы» — много «я»?

82

«Детский род» и «плавающий класс»

86

Совсем немножко о виде глагола

90

О прилагательном и его родственниках

92

«...От говорящего на низ или к дверям...»

94

«Трудный» русский язык

99

Глава 5

КАК ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ?

«Первобытные языки» в кривом зеркале и на самом деле

101

Сколько слов нужно человеку?

105

Синий или зеленый?

108

Глава 6

СПРАВА НАЛЕВО? СЛЕВА НАПРАВО? СВЕРХУ ВНИЗ?

А может быть — еще как-то?

111

III? З? Три?

112

Человек + слово = верить

116

Рождение буквы

119

Биография нашего письма

122

Глава 7

ЯЗЫК, НА КОТОРОМ НЕ ГОВОРЯТ

Можно ли стоять не по-русски?

126

Что такое этикет?

128

Что означает заяц?

129

Заключение

131

Словарь-справочник языков

134

Учебное издание
Леонтьев Алексей Алексеевич

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАРТЕ ЯЗЫКОВ МИРА

Зав. редакцией *В. Л. Складорова*
Редактор *Г. В. Карпюк*
Художник *В. И. Тильман*
Художественный редактор *И. В. Короткова*
Технические редакторы *Н. Н. Махова,*
И. Н. Панкова
Корректор *И. Е. Хилобок*

ИБ № 12407

Сдано в набор 05.10.89. Подписано к печати 15.05.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56+0,21 форз. Усл. кр.-отт. 8,24. Уч.-изд. л. 7,37+0,28 форз. Тираж 100 000 экз. Заказ 2943 Цена 50 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

50 коп.

